

Тамара
Крюкова

Крюкова Тамара

Хрустальный ключ

ЧАСТЬ 1. ДОЛИНА МИРАЖЕЙ

ГЛАВА 1. ВЕДЬМИНО БОЛОТО

— Бабуль, а правда, что на Ведьмином болоте по ночам ведьмы танцуют?

На краю деревни возле опушки леса стоял маленький домик. На веранде уютно горела лампа с оранжевым абажуром. На диване, покрытым лоскутным одеялом, сидела бабушка и вязала свитер для шестилетней Даши. Даша примостилась рядышком и, затаив дыхание, ждала ответа. Вместо бабушки ответил Петька, Дашин брат. В свои двенадцать лет он давно не верил ни в ведьм, ни в прочую нечисть, и не упустил случая подтрунить над сестрой.

— Там не только ведьмы танцуют, там еще и леший бродит, и русалка на ветвях сидит. А в самую черную-пречерную полночь черный-пречерный человек кричит... «Отдай мою руку», — гаркнул Петька и, состроив страшную рожу, схватил Дашу за локоть. От неожиданности Даша подскочила на диване, но быстро взяла себя в руки и, передернув плечами, с достоинством сказала:

— Вечно ты со своими глупостями. Интересно же узнать, как они танцуют.

— Ведьм уж давным-давно нет. Одно название осталось, — сказала бабушка, не поднимая глаз от вязания.

— А давным-давно были? Бабуль, ну расскажи, пожалуйста, — попросила Даша.

Тихий летний вечер повис над землей. За окном темной стеной стоял лес. На веранде было светло и уютно. Возле лампы весело толкалась мошкара, бабушкины спицы тихонько позвякивали. Даша, поджав ноги, уселась поудобнее. Петька, занятый склеиванием модели яхты, тоже прислушался. Хотя сказок он давно не читал и говорил, что они его не интересуют, бабушку послушать любил. Бабушка перевернула вязание, поправила клубок и начала рассказ.

«Раньше, говаривают, тут не болото было, а озерцо, хоть и небольшое, да глубокое и чистое. Звали его Хрустальный ключ, потому как питал его подземный источник. Вода в озере была холодная, чистая, да не простая, а целебная. Стали к озеру люди ходить, а потом и деревенька отстроилась. Прижились люди. Однажды невеста откуда пришла в деревеньку молодка, да такая красивая, да статная, что кто ее ни видел, все диву давались. Глаза у ней были необыкновенные, темные словно омуты, в которых тайна была скрыта страшная. Иной раз так молодка глянет, словно молнией полохнет. Посмотрит, как приворожит. Кто в глаза ее заглянет, обо всем на свете забудет, за ней пойдет и все, что она не прикажет делать станет. Поселилась она в заброшенной развалюхе на краю деревни. Все парни деревенские к

ней сватались, а она одно — отказ. А вскоре у мужика, чье хозяйство в деревне самым исправным было, жена померла. И не болела вроде, а сгорела в неделю. Овдовел мужик. Сам еще молодой да крепкий, и с тремя ребятишками остался. Пришла к нему молодка и говорит:

— Как же ты один с тремя малыми справишься? Тебе хозяйка нужна.

— Где ж мне хозяйку хорошую найти? Уж не ты ли ею будешь? — спросил мужик.

— А хоть и я, — ответила молодка.

Подивились в деревне. Всем парням отказала, а за вдового сама пошла, троих детей себе в обузу взяла. Только приказала молодка мужу подкову, что над порогом на счастье прибитая была, убрать. Боюсь, говорит, на нее заглядеться, да споткнуться ненароком. Подивился мужик: никто на подкову доселе не заглядывался, эка невидаль, но у каждого свои причуды. Подкову оторвал да выбросил, и лишь тогда молодка порог дома его переступила.

Стали они жить-поживать. Мужик на красавицу жену не налюбуется,

да тут случилась беда. Пропал у него старшенький сынишка. Всея деревней искали, весь лес исходили, да так ни с чем и вернулись. Порешили, что его цыгане украли, потому как в лесу безродного старика нашли. Никто старого не знал, ничего о нем не ведал, — видно пришлый. Знать те, что с ним были, мальчонку-то и увели, а старик так тут и помер. Подивился народ, что старика, не схоронив, бросили, да что возьмешь с тех, кто детей ворует?

Погоревал мужик, да молодка его, как могла, утешила. Год прошел, пропадает у мужика средненький. Всем миром искали. Парнишки и следа нет. Да опять в лесу незнакомца нашли, старца, которого и в глаза никто никогда не видывал. По всему видно, из одной шайки с первым. Сильно мужик убивался, да ничего не поделаешь. Осталась в семье только одна девчоночка. Уж как ее мужик стерег, от себя ни на шаг не отпускал. Только не прошло и года, не уследил, и младшенькая пропала. Всю деревню на ноги поставили. Девочка как в воду канула. Зато теперь точно удостоверились: одна шайка промышляет, детей крадет, потому как неподалеку от деревни на берегу озера нашли старуху ссохшуюся. Никто из деревни старуху не знал, но что дело нечисто сразу поняли, потому как в руках старуха тряпичную куклу сжимала, с которой девочка никогда не расставалась. Совсем загоревал мужик, да только и сам после того недолго пожил. Вскорости его в лесу деревом задавило.

Осталась молодка одна. Красивая как и раньше. Время ей словно годков не прибавляет. И вдругорядь вышла она замуж за вдовца. У того двое детей было. Увела детей та же шайка, а потом мужика медведь задрал.

Так и повелось, кто вдовый оставался, за того молодка и шла, а в скорости и сама вдовой становилась. Побаиваться ее люди стали, сторониться. И пошли слухи, будто связана она с шайкой стариков, что детей воруют, а бывалые люди, больше того, говорили, что она ведьма. Да и как не говорить? Сколь времени не проходило, а она все свежа, да красива. Уж те, кто молодыми были, все состарились, а ей все нипочем. Мужики хоть на красоту ее необыкновенную и дивились, да старались подальше держаться, но не было от ее чар ни заговора, ни спасения.

Стал народ брать детей своих в охапку, да подаваться в иные края на житье. Начала деревня пустеть. Только старики, что на том месте прижились, и остались. Затосковала молодуха, даже вроде постарела немного, не так чтоб очень заметно, но морщинки кое-где появились, хотя красоты ее не испортили. Стала она все чаще в лесу пропадать. Не единожды возле сторожки лесника ее видели.

В ту пору умерла лесникова жена, и решил лесник на молодухе жениться. Как ни

отговаривали его старики, что в деревне жить остались, как ни втолковывали, что на ведьме женится, а все ж он не отступился. Женился лесник на молодке, стала она мачехой его единственной дочурке. Первонаперво приказала она оторвать подкову железную, что над порогом прибитая была. Не стал лесник перечить. Подкова — пустяк, главное — хорошая хозяйка в дом. Недели не прошло, подходит к нему дочка тайком, да слезно просит:

— Не уходи, тятя, в лес надолго, не оставляй меня с мачехой. Она мои годы забрать хочет.

— Что ты придумала? Как она годы твои забрать может? Каждому свои годы отпущены, — сказал лесник.

Однако запали ему душу слова ребенка. Притворился он будто на охоту с ночевкой собирается. Молодуха этому вроде даже обрадовалась. „С чего бы это?“ — подумал лесник. Хоть и не верил он в ведьм, а на всякий случай взял подкову, что от порога оторвал, привязал ее на веревку, да на шею себе надел. Худа от этого не будет, а ведь не даром говорят, что ведьмы железа боятся. Отошел он в лес подальше, сделал крюк, вернулся к дому, спрятался и ждет, что будет.

В полночь мачеха падчерицу подняла и к озеру повела. Девочка идет, а сама будто во сне. Привела ее мачеха к озеру, поставила на пенек, зелье какое-то попить дала, и давай вокруг пня кружить да приговаривать:

Годы, бегите,

Годы, спешите,

Молодость, годы, ее отнимите.

Там отнимите,

Тут не прибавьте,

Годы, меня молодой вы оставьте.

Вот пролетают года как мгновения,

Молодость — миг,

Зрелость — виденье.

Все, словно быстрые кони, промчалось.

Жизнь пролетела, осталась лишь старость.

Годы, уйдите

И прочь улетите,

Годы, меня молодой сохраните.

При этом девочка, что на пенке стояла словно одурманенная, начала расти не по дням и по часам, а по минутам. Вот уже она не ребенок, а подросток, вот уж взрослая девушка. А у ведьмы-молодухи если и были какие морщинки, все разгладились. Чем старше становилась девочка, тем бодрее и краше молодуха, словно силы и молодость от дочки лесниковой к ней

переходили.

Подкова на груди у лесника раскалилась, обожгла его, и слетели с мужика колдовские чары. Так вот какой ценой она молодость свою покупает! Значит старики, которых в лесу находили, да в краже детей винили, сами теми детьми и были. За одну ночь они всю свою жизнь до старости проживали, да так и умирали, не успев пожить, а ведьма молодеда всем на удивление. Снял лесник подкову, выскочил из засады, да и набросил веревку с подковой прямо ведьме на шею. Завизжала она, завертелась волчком, стала веревку с шеи рвать, а подкова знай жжет бесовку. Столкнул лесник ведьму прямо в озеро. Почернело озеро, вскипела в нем вода, вспенилась, а лесник не стал дожидаться, что дальше будет, подхватил свою дочь на руки, и бегом в сторожку.

Три дня и три ночи спала девушка, а как проснулась, ничего не помнит. Ни того, что еще три дня назад маленькой девочкой была, ни мачехи-ведьмы. Так и осталась она взрослой девушкой. Пожили они недолго в сторожке, а потом лесник собрал весь свой нехитрый скарб, да и подался с дочкой в другие края.

А озеро с тех пор словно подменили. Будто иссяк чистый родник, что его питал. Черной стала вода в озере, дно зловонной тиной покрылось. Заросло озеро ряской да осокой. Поселились в нем жабы, да пиявки, и превратилось оно в болото, которое и по сей день зовут Ведьминым».

ГЛАВА 2. ЖЕЛАНИЕ

На деревню опускалась ночь. В домах один за другим гасли огни. Все засыпало, только сверчки заступили на свою ночную вахту и завели долгую песню.

Петька и Даша упросили бабушку разрешить им спать на чердаке. Тут ребятам нравилось все: и приставная лестница, которая вела на чердак и то, что здесь не было электричества, и спать нужно было укладываться при свете фонарика.

Потолок на чердаке был покатый, деревянный, и не потолок вовсе, а крыша, только с изнанки. С перекладин свешивались гирлянды чеснока, лука и пучки целебных трав. Бабушка не признавала лекарств. У нее была своя природная аптечка. Она знала, какой траве какое время для сбора, и от какой хвори она помогает. Мебели на чердаке не было, если не считать пары сломанных стульев, старой прялки, да видавшего вида, старинного сундука. Сундук потемнел от времени, а кованые железом углы потускнели. Внутри сундук пах нафталином и стариной, крышка была оклеена пожелтевшими открытками, на которых встречались странные буквы. Даша таких никогда не видела. В сундуке бабушка хранила старую одежду: плюшевые пальто на ватине, широкие юбки с оборками, расшитые рюшами кофты. Однажды бабушка решила их проветрить. Это был один из самых интересных дней. Петька доставал вещи из сундука и спускал их вниз, Даша примеряла то одно, то другое, а бабушка развешивала вещи на веревке. Петька подшучивал:

— Театр приехал. Тут у тебя, бабуль, полная костюмерная.

Кровати на чердаке не было. Зато на полу возле оконца была брошена огромная охапка душистого сена. Вечером было приятно плюхнуться на сено и заснуть, вдыхая терпкий, свежий запах лета и деревни.

Набегавшись за день, ребята улеглись на свою необычную постель, и Петька погасил фонарик. Пряный запах трав смешивался с ароматом сена. Вечер был теплый, и окно на

чердаке было широко распахнуто. Где-то на другом конце улицы забрехала собака, чтобы показать, что она исправно несет свою службу. Ей начала вторить другая, третья...

Засыпая, Петька подумал, что вечера в деревне какие-то особенные, с неповторимыми деревенскими звуками. Даже собаки, казалось, лаяли как-то по-своему.

Даша не спала. Она слушала переключку собак, но, наконец, и они уgomонились, закончив ночную перебранку. Мир окутала ночь. Даша натянула одеяло под самый нос и лежала, уставившись на окно. Время от времени глаза у нее слипались, но она тут же стряхивала с себя сон, вздыхала и только плотнее куталась в одеяло. Петька уже спал, как вдруг услышал у себя над ухом жаркий шепот:

— Петь, ты спишь?

— Чего тебе? — сквозь сон спросил Петька.

— Петь, давай окно закроем.

— Ты что, в такую жару? — пробормотал Петька и повернулся на другой бок, но Даша потербила его за плечо:

— А как ты думаешь, ведьма по ночам из болота не вылезает?

Петька приоткрыл один глаз и сердито посмотрел на Дашу:

— Больше ей делать нечего, как только из болота вылезать. Спи, ночь уже.

— Ага, — согласилась Даша, продолжая сидеть, глядя на Петьку круглыми от страха глазами.

— Вот навязалась на мою голову. Ложись, говорят, — приказал Петька и повернулся досматривать прерванный сон.

Даша покорно легла и опять натянула на нос одеяло. Ночь была полна таинственных звуков. Вдруг Даше показалось, что скрипнула калитка. Даша вся обратилась в слух. Тишина... Нет, вот за окном кто-то тяжело вздохнул. Вдруг это ведьма лезет по лестнице? Даша так и обмерла. Она быстро пододвинулась поближе к Петьке и ткнулась носом в его плечо. Петька только, только начал засыпать.

— Ну, чего еще? — разозлился он.

— Петь, можно я рядышком полежу. Я тихонько, тебе мешать не буду, всхлипнула Даша.

Ее лицо белело в темноте чердака. Глаза были широко раскрыты. Она была такая маленькая и так трогательно прижималась к Петьке, ища защиты, что Петьке стало жалко сестру, и всю его злость как рукой сняло.

— Не бойся, никакой ведьмы нет, — сказал он. — А если бы и была, у нас замки крепкие, и Шарик дом сторожит. Он никого на свете не впустит.

Петька накрыл Дашу одеялом и уткнулся было носом в подушку, но сон больше не шел к нему. Петька глядел в раскрытое окно. Бархатное небо было усыпано звездами, такими крупными и близкими, что казалось, протяни руку достанешь. Желтые, белые и голубоватые, одни горели ярко, другие тревожно перемигивались, словно далекие маяки.

— А почему тут звезды такие огромные и их больше, чем у нас в городе? — спросила Даша.

Петька вздрогнул от неожиданности. Он думал, Даша уже спит, но сейчас был даже рад, что

можно вдвоем посмотреть на звездное небо.

— Потому что здесь темно, а в городе светло, — объяснил он.

— Ну да?! Помнишь, у нас во дворе фонарь перегорел, а звезды все равно маленькие были. Наверно, у нас другие звезды видны. Но здешние лучше, вздохнула Даша.

Вдруг какая-то озорная звездочка сорвалась с неба, будто ей надоело висеть на одном месте, и полетела вниз.

— Загадывай желание! — подтолкнул Петька Дашу.

Через мгновение звезда скрылась за темной стеной леса, и Петька раздосадованно сказал:

— Эх, не успел. Надо загадать до того, как звезда на землю упадет, тогда исполнится.

— Не бойся, я успела. Я с тобой желанием поделюсь, — серьезно сказала Даша.

— Ну и что ты загадала? — усмехнулся Петька. Он знал Дашино желание наизусть: кукла, которая умеет говорить «мама», «папа» и петь песенку.

— Чтобы болото опять стало целебным озером, — сказала Даша.

— Ну, ты бы еще луну с неба заказала. Желание-то надо загадывать, какое может исполниться.

— Желание надо загадывать какое хочется. И вообще, Петенька, так не честно, я ведь успела загадать, пока звезда еще не упала, — обиделась Даша, как будто исполнение желаний зависело от Петьки.

— Ладно, может и исполнится, только не скоро. А теперь спи, — сказал Петька.

Даша поцеловала Петьку в щеку, свернулась калачиком и через минуту уже спала.

ГЛАВА 3. ТЕНЬ

Деревья обступили болото плотным кольцом. Черное зеркало воды было темным и таинственным. Кое-где его прорезали длинные листья рогоза, и то там, то здесь, словно бородавки, торчали кочки, поросшие острой осокой. Выглянула луна. Она осветила топь мертвенным голубоватым светом, заглянула в бездонную пропасть воды и, словно испугавшись, поспешно спряталась за облаком. Над болотом клубились и сгущались тени. «Уху-ху...» — расхохотался филин и, захлопав крыльями, поспешил на ночную охоту. Все стихло.

...А в кромешной тьме, на дне болота корчилась в бессильной злобе та, что некогда властвовала в округе. Морра звали ее, хотя мало кто знал настоящее имя ведьмы. Морра, несущая беды и несчастья. Были времена, когда ее могуществу и чарам не мог противиться никто, но вот уже много десятилетий подкова крепко держала Морру на дне, побежденную, раздавленную, но не уничтоженную. Месяцы складывались в годы, годы в десятилетия. Подкову точила ржавчина, и Морра поняла, что ее час еще придет, нужно только набраться терпения и ждать. О, с какой ненавистью и страстью она ждала! Чем больше тлела подкова, тем сильнее становилась Морра.

И вот час пришел...

Тень, лежащая на дне, шелохнулась, приподнялась и обратилась в змею. Чешуя ее тускло блеснула в черной воде, и Морра начала свой магический змеиный танец. Она то свивалась в кольцо, то распрямлялась, словно струна, пытаясь сбросить с себя веревку с истлевшей подковой, но как ни извивалась она, как ни крутилась, веревка не соскакивала будто приклеенная. Из стороны в сторону раскачивалась головка с острым язычком-вилочкой, гибкое тело закручивалось в тугую спираль и вновь бессильно опадало на ил. Еще и еще, как заклинание, повторяла змея магические движения, и вдруг, извернувшись, она, как хлыстом, изо всей силы ударила по подкове хвостом. Ржавый металл рассыпался в прах. В тот же миг веревка соскользнула с гибкого змеиного тела, и Морра стрелой устремилась вверх.

Земля содрогнулась. Бархатные темно-коричневые головки рогоза упали, как подрубленные. Из топи донесся леденящий душу хохот, от которого даже деревья поникли, а филины попрятались в дупла. Столб брызг фонтаном поднялся из черной трясины, и из самой глубины ее взметнулась ввысь огромная летучая мышь. Она расправила крылья, и когти ее блеснули в холодном свете луны, как острые клинки. Голова летучей мыши глядела пустыми глазницами черепа. Костлявая челюсть сотрясалась от дикого хохота, и у каждого, кто слышал его, будь то человек, зверь или птица, кровь стыла в жилах.

Вдруг череп стал меняться на глазах. На широких скулах появилась пергаментная кожа. Тусклые старческие глаза глянули из пустых доселе глазниц. Длинный нос почти касался острого подбородка, но вот и нос, и подбородок расплылись, будто воск на огне. Нос превратился в расплющенную картофелину, а лицо стало круглым и дряблым. Но не прошло и минуты как щеки впали, а нос сделался похожим на орлиный клюв. Лица сменялись одно за другим как узор в калейдоскопе, словно кто-то невидимый лепил и переделывал их, недовольный своей работой. Постепенно лица начали молодеть. С каждой новой переменной кожа становилась более упругой, а в глазах появлялся блеск. Казалось, не будет конца этим переменам, как вдруг неведомый скульптор завершил портрет. Он был так совершенен, что нельзя было в нем ничего изменить, не испортив его. Каждая черточка, была словно выточена умелым мастером, но в этом прекрасном лице было что-то зловещее... Глаза. Безжизненно белое, словно мраморное лицо скорее походило на искусную маску, и только глаза были живыми. Они жгли. Из черных омутов глаз исходила такая сила, что нельзя было заглянуть в них и не содрогнуться.

Крылья летучей мыши обратились в бархатный плащ, а тело в гибкий женский стан, обернутый черным шелком. Морра опустила на водную гладь и встала, словно под ее ногами была твердь. Плащ ее, коснувшись воды, остался сухим. Морра топнула несколько раз, и черные круги разошлись по воде, а из глубины, из под земли глухим эхом донеслось едва различимое:

— Хозяйка вернулась... вернулась... вернулась...

Морра раскинула руки и побежала по болоту, дико хохоча и поднимая веера брызг. Перед ней падали ниц камыши, и стелилась осока. Дух зла был на свободе. Вдруг Морра резко остановилась и сжала кулаки. Как жаль, что она бессильна в свете дня. Ну что ж, недолго ей быть тенью. Как только она обретет плоть, ей станет не страшен солнечный свет, и тогда молва о ней пойдет повсюду, и власть ее распространится беспредельно. Месть будет страшна. Не даром она так долго ждала.

Вдруг Морру пронзила резкая боль. Она покачнулась и едва не упала. Свет звезды-желания пронизал ее насквозь, ослепив на мгновение. «Я хочу, чтобы болото опять стало целебным озером», — услышала Морра детский голосок.

— Нет!!! — взвизгнула ведьма, и от этого крика деревья склонились до земли, а у диких зверей шерсть стала дыбом.

Боль отпустила Морру, но радость свободы сменилась яростью. Нельзя допустить, чтобы с болотом что-нибудь случилось, прежде чем она, Морра, не обретет плоть. Ведь пока она тень, болотная топь ее единственное пристанище. Если не станет болота, дух ее развеется по свету, и это будет ее концом не на век, а на вечность.

Глаза Морры сверкнули, и она решительно зашагала по воде. Отныне она обратится в слух и зрение, она поднимет все темные силы, подвластные ей, и никто не коснется Хрустального ключа. Она обретет былую силу, а уж тогда ей будут не страшны никакие звездные желания.

ГЛАВА 4. ДЕД ПИХТО

Следующий день выдался хлопотный. Бабушка с утра затеяла печь хлеб. Она досвета поставила тесто в большой кадке, накрытой белым полотенцем, а когда тесто подошло, растопила печку в летней кухне. Петька в огороде прореживал морковь. Сначала Даша взялась помогать бабушке, но когда печка разгорелась, и в кухне стало жарко, она побежала к Петьке. Видя, как Петька вырывает крохотные, как ниточки морковинки Даша спросила:

— Зачем их дергать, ведь морковок вырастет меньше?

— Если их не дергать, ничего не вырастет. Они друг дружке мешать будут, — объяснил Петька, не прерывая работы.

Даша еще немножко потопталась возле грядок и решительно заявила:

— Нет, мне пропалывать не нравится. Это нечестно. Всем морковкам расти хочется. Им же обидно. Лучше я за малиной пойду.

Даше не разрешали уходить далеко в лес, но малинник был почти возле дома, и туда Даша наведывалась частенько. Она взяла банку и, пообещав, что на обед угостит всех малиной, вприпрыжку побежала в лес.

Год выдался ягодный, малины в лесу было видимо-невидимо, только обрывай. Жаль только, что у малины крапива в подружках ходит, да такая высокая и жгучая, что до самых спелых ягод не добраться. Даша нашла куст, где крапивы было поменьше, и принялась собирать крупные душистые ягоды.

Вдруг она услышала, как сквозь малинник кто-то пробирается. Даша замерла, сразу же представив себе большого бурого медведя. Медведей в здешнем лесу никогда не видели, но мало ли, — заблудился какой.

— Это кто? — с опаской спросила Даша.

— Дед Пихто, — услышала она в ответ.

Кусты раздвинулись, и сквозь них продрался старичок. Даша застыла в изумлении. Выглядел старичок очень странно: на нем был полушубок, валенки и кроличий треух, сдвинутый на затылок. Глаза у старичка были добрые. От глаз разбежалась сетка морщинок, и потому казалось, что старичок постоянно улыбается. Даша осмелела.

— Вы кто? — переспросила она, с интересом разглядывая незнакомца.

— Дед Пихто. Зовут меня так, Пихто, неужто ты про меня не слыхала? удивился старичок.

— Слышала, только я думала, что это огрызалка такая, а на самом деле вас нет, — сказала Даша.

— То есть как это нет? — рассердился старичок, но даже сердился он как-то по доброму, и Даша его совсем не испугалась.

— А зачем вы летом шубу надели? — спросила она.

— Это все оттого, что у меня есть собственное мнение, — важно сказал дед Пихто. — Правда, свое мнение иметь ой как трудно. Вон прошлую зиму все в тулупах ходят, в шапках, а я нет. Думаю, чего это я буду под всех подстраиваться? У меня свое мнение есть. Так в самые морозы в рубахе и проходил. Ух и мерз же. Все мне талдычат: «Надень шубу, да надень». Я б может и надел, да только как же это я от своего мнения откажусь? Так всю зиму и промаялся, пока уж совсем невоготу стало. Послушался я чужих советов, полушубок надел, а тут на тебе, лето наступило, жара. Вот что значит людей слушать! Теперь мне все твердят: «Шубу сымай». А я нет! У меня свое мнение. Тяжко, конечно, хожу, парюсь.

— А я бы назло всем шубу сняла.

— Как так назло всем?

— Очень просто. Все думают, что вы шубу ни за что не снимите, а у вас свое мнение. Вы ее и снимите, — сказала Даша.

— А ведь и то верно. У меня-то свое мнение. Пускай там они что хотят, думают, а я вот — сыму шубу и все тут! — топнул ногой старик

и с видимым облегчением стянул с себя полушубок. — Ну, птичка-невеличка, за то что ты мне помогла шубу снять и при своем мнении остаться, расскажу я тебе присказку. Летела падучая звезда, желание искала. Кто успеет загадать, тому желание и исполнит. Услыхала желание, подивилась, привело ее это желание в болото топкое, в трясину непролазную.

— Это моя звезда, — обрадовалась Даша.

— Глянула звезда вниз, померцала, достала лучом до дна, и увидела в тайнике подземном дверцу потайную. К дверце той ключа нет, зато ключ за дверцей спрятан. Да не простой, а хрустальный. У кого сердце чистое, да желание страстное, перед тем дверца раскроется. Дорогой тот ключ, дороже злата-серебра и камней самоцветных, да только кто его достанет, богаче не станет, но и ни с чем не останется, ключик многим достанется. Только это присказка.

Старичок замолчал.

— А сказка? Кто же ту дверцу откроет? — теребила старичка Даша.

— Кроме тебя больше некому, — дед Пихто пристально посмотрел на девочку. — Ты пожелала, чтобы болото Ведьмино вновь целебным озером стало, а для этого надо Хрустальный ключ, что озеро питал, из плена высвободить.

— Так я освобожу. Только сейчас у бабули отпрошусь, — Даша уже хотела бежать к бабушке, но старичок остановил ее.

— Погоди. Я вот о чем хочу тебя попросить. Забери назад свое желание.

Даша исподлобья посмотрела на старичка и упрямо сказала:

— У меня этих желаний полным полно, уже даже девать некуда. Ничего я назад не возьму.

— Дело-то непростое и опасное, — настаивал дед Пихто. — Глубоко тот ключик спрятан, злоба да нечисть ход к нему стерегут. Мала ты еще. В подземелье, что к ключу ведет, страх на страхе сидит и страхом погоняет.

Даша, наморщив лоб, молчала в глубоком раздумье. Вдруг она просияла.

— А я Петьку возьму, брата своего. Он большой и ничегоничего не боится.

Старичок тяжело вздохнул:

— Значит желание забирать никак не хочешь?

— Ни за что, — наотрез отказалась Даша.

— Ну что ж, тогда возьми подарочек, — старик протянул Даше крошечный кулечек, свернутый из листа мать-и-мачехи.

Даша поставила банку с малиной на землю, развернула листочек и увидела в нем мелкие черные зернышки, такие, какими бабушка посыпает калачики.

— Что это? — спросила она.

— Посеешь зернышко — взойдет росточек, вверх потянется, маком красным распустится, цвета алого да духа пряного. Как поднимутся те цветы — сказка и начнется, а проснешься — может стать, быльем обернется. Едва солнышко за лесом спрячется, роса в поле упадет, а месяц высоко в небе подымет, тут самое время сеять. А как посеешь, в путь отправляйся, — сказал старичок и исчез будто его и не было.

ГЛАВА 5. МАКОВЫЕ ЗЕРНЫШКИ

Даша, запыхавшись, прибежала в деревню. Петьки дома не было. Он уехал с ребятами кататься на велосипеде. Дашу так и подмывало рассказать кому-нибудь о странном старичке и о маковых зернышках, но, подумав, что бабушка ночного путешествия не одобрит, Даша решила молчать. Она спрятала кулечек в коробку с игрушками, усадила в ряд кукол и стала дожидаться Петьку.

Солнце стояло высоко. Над землей разлился полуденный зной, но на веранде, заплетенной цветущими вьюнками, было прохладно. Солнечные лучи просачивались сквозь густую зелень и падали на половицы веранды золотистыми монетками. Большая зеленая муха монотонно жужжала и упрямо билась в оконное стекло. По полу ползал одинокий муравей. Куклы смотрели на Дашу глупыми пуговичными глазами. Не было никого, кому Даша могла бы доверить свою тайну.

Петька вернулся с гулянья прямо к обеду. За столом Даша сидела тихо, чтобы бабушка ни о чем не догадалась, но вдруг бабушка сказала:

— Ну, Дарья, выкладывай, что у тебя на уме.

— У меня? Ничего, — Даша невинно посмотрела на бабушку.

— Я же по глазам вижу, ты что-то задумала, — улыбнулась бабушка.

Больше скрывать свой секрет Даша была не в силах и торжественно произнесла:

— Я знаю, как Ведьмино болото снова в целебное озеро превратить. Надо пройти по подземелью и освободить хрустальный ключ.

— Кто же тебе это сказал? — спросила бабушка.

— Кто, кто? Дед Пихто, — ответила Даша.

— Дашка, не груби, — строго сказал Петька.

— А я и не грублю. Он мне еще зернышки дал, — похвалилась Даша.

— Дед Пихто в кожаном пальто? А малину он у тебя на зернышки обменял? — поддразнил ее Петька.

Даша только сейчас вспомнила про банку с малиной:

— Ой, я ее в лесу потеряла. А дед Пихто вовсе не в кожаном пальто, а в шубе, и еще в шапке и валенках. Я его в лесу сегодня встретила. Честное слово, — добавила Даша.

— Дашка, ты когда врешь, хотя бы про честное слово не вспоминай, сказал Петька.

— Я никогда не вру, — с достоинством сказала Даша и даже не покраснела, хотя все в округе знали, что большей выдумщицы, чем она не сыскать.

От обиды у Даши даже аппетит пропал. Правда, она уже успела справиться с борщом и двумя пирожками, а сейчас заканчивала свой любимый гоголь-моголь. Ей осталось доесть пару ложек, но чтобы доказать, что она говорит чистую правду, Даша решила объявить голодовку на всю оставшуюся часть обеда. Она демонстративно отодвинула чашку и сказала:

— Раз так, я больше есть не буду.

Но к ее огорчению, на ее каприз никто не обратил внимания.

«Раз мне никто не верит, я сама пойду искать хрустальный ключ,» решила Даша. Она супилась целые полчаса, а потом Петька взял ее с собой на речку. На реке было много ребят. Они плескались, играли в салки, пекли на костре картошку, и Даша совсем забыла и про хрустальный ключ, и про маковые зернышки.

Солнце село. Яркие краски заката с каждой минутой меркли, растворяясь в густой синеве приближающейся ночи. Прозрачный воздух в одночасье пропитался прохладой. В поле за околицей опустился молочный туман. Все замерло. Казалось, каждый листочек, каждая былинка застыли, прислушиваясь к теплomu дыханию земли. Только самые отчаянные лягушки робко осмеливались нарушить звенящую тишину своим нестройным хором. Деревня погружалась в ночь.

Даша вспомнила про слова деда Пихто, и ей стало не по себе. Решимость идти за ключом убывала. Чем темнее становилось на улице, тем тревожнее было на душе у Даши. Она смотрела на звездное небо, пытаясь угадать, какая звездочка подобрала ее желание, но звезды лишь загадочно перемигивались, не желая выдавать своей тайны. Их было так много, и они были так похожи друг на дружку, что Даша не могла узнать свою звезду.

Наконец, когда Даша с Петькой залезли на чердак и улеглись на душистое свежее сено, Даша решила опять поговорить с Петькой, но тот уже спал. Она потеревила его за плечо. Петька разозлился не на шутку. Он вскочил и набросился на Дашу:

— Слушай, больше ты тут спать не будешь. Спи в доме, там тебе никто мерещиться не будет.

Покою от тебя нет. Дашь ты человеку поспать в конце концов?

Даша посмотрела на звездное небо, на черную зубчатую стену леса и расплакалась:

— Я боюсь одна ночью в лес идти, — безутешно рыдала она.

Петька так и сел:

— Ты что, с ума сошла? Зачем тебе идти в лес ночью?

Даша рассказала Петьке про разговор с дедом Пихто, про Хрустальный ключ и про маковые зернышки.

— Мне обязательно надо зернышки посеять, ведь я желание назад не забрала, ю слезы градом катились у Даши по щекам.

Петька вздохнул и сказал:

— Ладно. Давай посеем твои зернышки. А в лес пойдем, когда они прорастут.

Он был уверен, что пока семена взойдут, Даша и думать забудет про поход в лес. Она всегда загоралась разными идеями, но потом быстро остывала и бралась за новую выдумку.

Даша собралась слезать с чердака, но Петька остановил ее:

— Мы их прямо из окна посеем. Какая разница. Все равно твои зернышки на землю упадут.

Даша взяла кулечек и стала щепотками посыпать мак из окошка. Ночной ветерок подхватил зернышки и разметал их по сторонам.

— А теперь ложись, завтра с утра поглядим, как они взойдут, — Петька зевнул.

— Ты, Петь, спи, а я посмотрю, — сказала Даша.

— Только с подоконника не свешивайся, — строго приказал Петька и улегся. Не успел он задремать, как почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Петя, вставай скорее.

Это было выше Петькиных сил. Ему захотелось как следует наподдать Дашке, чтобы больше не лезла за ним на чердак. Петька вскочил, схватил сестру за руку и потащил ее к двери чердака:

— Все! С меня хватит! Сейчас спущу тебя в дом, и чтобы на чердаке духу твоего не было!

Даша не сопротивлялась, она показывала вниз и твердила:

— Смотри! Смотри!

Петька глянул вниз, и сон как рукой сняло. Под окном прямо на глазах распускались маки. Каждый цветок будто светился изнутри бледным матовым светом.

ГЛАВА 6. ЦВЕТОЧНАЯ ТРОПИНКА

Петька протер глаза, ущипнул себя за руку, чтобы убедиться, что не спит, и оторопело

посмотрел на Дашу.

— А ты мне не верил, — с вызовом сказала Даша.

Петька начал спускаться по лестнице, чтобы рассмотреть цветы поближе. Даша полезла за ним.

Возле дома расцвели настоящие маки с глянцевыми алыми лепестками и черными сердцевинками, из которых торчали желтые тычинки. Необычным было только то, что даже в темноте маки не потеряли своего цвета. Вдруг прямо на глазах у ребят стали распускаться все новые и новые цветы. Они потянулись вдоль дорожки, ведущей в сад.

— Смотри, они нас как-будто зовут, — прошептала Даша.

Ребята сделали несколько шагов, и светящаяся полоска маков побежала дальше. Через сад она вывела детей к лесу. Петька и Даша в нерешительности остановились. Никогда еще они не ходили в лес ночью. Маки огоньками протянулись вдоль тропинки, осветив ее ровным тусклым светом, словно приглашали ребят войти в лес. Петька и Даша переглянулись и осторожно пошли по освещенной тропинке. Цветы повернули головки в их сторону и одобрительно закивали. Снаружи лес казался темным и неприветливым, однако, идти по тропке, усеянной маками, оказалось совсем не страшно. Маки наполняли воздух пряным ароматом, светящаяся тропинка петляла между деревьями, уходя все дальше в лес.

В это самое время над болотом поднялось черное облако. Оно меняло очертания, сгущалось и уменьшалось, пока не обратилось в черного ворона. Ворон сел на верхушку высокой ели и огляделся, словно примеряясь, куда лететь. Зоркий был тот ворон, видел то, чего другим видеть не дано, а как заметил он струящийся над лесом свет, каркнул хрипло, взмахнул крыльями и, полетев в ту сторону, черный на черном, растворился в ночи.

Ребята шли по дорожке, окаймленной маками, когда Даша вдруг сказала:

— Петь, что-то я замерзла.

Петька и сам озяб. Ночь была душная, и он даже не думал, что в лесу может быть так холодно.

— А давай пробежимся, и согреемся, — предложил Петька.

Они побежали, и маки, словно подстраиваясь под их бег, расцветали быстрее. Каждый цветок горел словно крошечный ночничок. Казалось, будто невидимая рука зажигает их нарочно для ребят. Даша рассмеялась. Запыхавшись после быстрого бега, дети остановились, и опять их обступил леденящий холод. У Петьки появилось чувство, что на них кто-то смотрит.

— Петь, а тут кто-то есть, — вдруг шепотом сказала Даша.

На ветке старого дуба сидел ворон. Он был черный, как сама ночь, и никто не мог бы различить его в темной листве дерева. Ворон пристально смотрел на ребят и вдруг, увидев хорошенькую, темноволосую Дашу, радостно встрепенулся. Вот она новая жизнь Морры, сама идет к ней в руки! Стоит завладеть сердцем этой девчонки, и она, Морра, перестанет быть тенью, обретет плоть и кровь. Пройдет несколько лет и эта девчонка превратится в вечно молодую, могущественную и властную колдунью. Вдруг ворон стал раздуваться, он становился все больше и больше. Раздался взрыв, словно ударил гром, и ворон лопнул, превратившись в дым. Маки замигали. Дым обратился в тень женщины в просторной черной мантии. Женщина взмахнула рукой, на ребят словно повеяло сквозняком. Они оглянулись: позади непроходимой черной стеной стоял лес. Дорожки не было. Стало еще холоднее. Петька схватил Дашу за руку и они побежали вперед по освещенной маками тропке, но вдруг

неизвестно откуда налетел шквал ледяного ветра и разом загасил фонарики цветов. Ребята очутились в кромешной тьме.

Под деревьями клубились таинственные тени. Раскидистые кусты казались затаившимися чудовищами, а скрюченные, сухие сучья — когтистыми лапами, готовыми схватить в любую минуту. Ветер усиливался. Он стелился по земле, ветки кустов больно хлестали ребят по голым ногам. Ледяные порывы, казалось, хотят повалить их на землю. Петька поглядел вверх и его охватил ужас: луна высвечивала верхушки деревьев серебристым светом, ни один листок на них не шевелился, хотя внизу бушевал ураган. И тут раздался дикий хохот.

Петька прижал к себе Дашу, — ее колотило, как в ознобе, — и от этого, у Петьки почему-то прибавилось мужества.

— Не бойся, это филин. Он всегда так кричит. Сейчас что-нибудь придумаем. — Петька и сам не верил своим словам: ну что он может сделать. Даша беспомощно всхлипнула и еще крепче прижалась к брату.

— Мы по звездам дорогу найдем, — сказал Петька, чтобы хоть как-то подбодрить Дашу.

И вдруг с неба пошел настоящий звездный дождь.

ГЛАВА 7. ДАРЫ ЭЛЬФОВ

Казалось, кто-то невидимый зажег в небе бенгальские огни, и мириады мерцающих звездочек посыпались на лес. Ветер разом стих, и стало тепло. Филин ухнул последний раз, но теперь его крик был похож не на смех, а скорее на вздох досады. Ребята увидели просвет между деревьями и побежали туда. Перед ними было Ведьмино болото. Огоньки вспыхивали в небе и, отражаясь в водной глади, зажигали болото разноцветными сверкающими искорками. Петька и Даша замерли в восхищении. От пережитого страха не осталось и следа. Петьку переполняло чувство счастья, как-будто вот-вот должно было случиться что-то очень хорошее. Наверное, Даша чувствовала то же самое, потому что она смеялась и хлопала в ладоши, глядя, как все новые снопы огня загораются в небе, словно кто-то салютует беззвучными пушками.

Некоторые звездочки, те, что покрупнее, кружились над землей, будто выбирали, куда упасть. Вот одна из них, посмелее, опустилась на воду, и в том месте, куда она упала, распустилась прекрасная белая кувшинка. Вслед за первой звездочкой села вторая, третья, и вскоре водная гладь была усыпана розовыми, белыми, желтыми и голубыми цветами. Казалось, каждый цветок излучал свет, и от этого в лесу стало светло, как днем. Вдруг лепестки кувшинок затрепетали, цветы словно ожили.

— Бабочки! — воскликнула Даша.

И впрямь, почти из каждого цветка вылетела прекрасная большая бабочка. Они порхали и кружились, словно в танце. Неизвестно откуда лилась нежная, грустная мелодия. Петька вертел головой, пытаясь определить, откуда доносится музыка.

— Смотри! — Даша показала на цветы.

В чашечках некоторых цветов сидели маленькие человечки с прозрачными крылышками и играли на крошечных музыкальных инструментах, похожих на арфы. Теперь ребята увидели, что и порхают не бабочки, а такие же человечки.

— Эльфы, — одними губами произнесла Даша. Она боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть сказочных жителей.

Вдруг эльф в голубом расшитом камзоле с золоченой короной на голове подлетел к Даше и пощекотал крылышками ее щеку. Даша хихикнула — она боялась щекотки — и подставила эльфу ладошку. Эльф словно только того и ждал. Он опустился Даше на руку, торжественно поклонился и сказал:

— Мы рады приветствовать вас. Меня зовут Эллин, я принц эльфов.

— Очень приятно, а я Даша — принцесса человеков, — не краснея, представилась Даша и, как умела, сделала реверанс. Она очень жалела, что на ней не нарядное платье с оборочками. — А это мой брат...

Петька незаметно наступил Дашке на ногу. Он знал, что если ее не остановить, она напридумает с три короба.

— ... Но он не принц, — закончила Даша.

Даша в обществе эльфов чувствовала себя так, как будто была знакома с ними всю жизнь. Петька же оказался в нелепейшем положении. В свои двенадцать лет он точно знал, что сказка — это вымысел, и частенько подтрунивал над Дашиной верой в чудеса. Теперь ему оставалось либо признать свою неправоту, либо не верить собственным глазам. К тому же Петька догадывался, что ураган в лесу затих не сам собой, и что своим спасением они с Дашей обязаны этим маленьким человечкам.

Он переступил с ноги на ногу и сказал:

— Я это... насчет урагана. Это вы нас спасли, правда же? В общем, спасибо.

— О, это такой пустяк. Морра еще не набрала силу на земле, и мы пока можем спугнуть ее, — отозвался Эллин.

— А кто такая Морра? — спросила Даша.

Эллин взмахнул рукой, и эльфы запели грустную песню, о том, как они жили на прекрасном чистом озере, которое питал подземный ключ, но появилась злая колдунья, озеро превратилось в затхлое болото, и эльфы покинули эти края. Песня заканчивалась тревожной нотой: дух зла вновь на свободе, а значит — жди беды.

Когда эльфы закончили свою песню, Даша сердито топнула ногой:

— Я не люблю эту Морру. Она противная.

— Милая принцесса, мы слышали, что ты и твой брат взяли выпускить на волю Хрустальный ключ, но надо спешить, пока Морра лишь тень и не обрела силы.

«Ничего себе тень», — подумал Петька, вспомнив про ураган в лесу. Честно говоря, связываться с этой Моррой у него не было никакой охоты, зато Даша храбро сказала:

— Так чего мы ждем? Пойдем скорее! — воскликнула Даша.

— К сожалению, мы не можем. Дорога к ключу лежит через подземелье, а эльфы не могут жить без неба, — объяснил Эллин.

— Значит мы пойдем одни? — решимости у Даши поубавилось.

— Да, но мы вернулись, чтобы помочь вам. Примите наши дары. Они помогут вам в трудную

минуту, — сказал Эллин и хлопнул три раза в ладоши.

Появились четыре эльфа. Они торжественно несли огромный саквояж с золоченой застежкой. Эльфы описали над ребятами круг и по знаку Эллина, который все еще стоял на Дашиной ладони, вручили саквояж Петьке. В Петькиных руках он смотрелся как обычный кошелек.

Петька открыл застежку, и они с Дашей с любопытством заглянули внутрь. Кошелек был пуст.

Эллин еще раз хлопнул в ладоши, музыканты заиграли, и эльфы закружились в хороводе. Принц взмахнул рукой, и один эльф выступил вперед. Перебирая крохотными ножками по воздуху, он подлетел к ребятам. В руках у него что-то светилось. Эльф чуть-чуть приоткрыл ладоши, и оттуда ровным потоком полился мягкий серебристый свет.

— Это лунный луч. Он светит ночью, и даже кромешная тьма расступается перед ним.

Не успел первый эльф положить луч в кошелек, как к ребятам уже летел другой. Он держал за уши смешного золотистого зайчонка ростом с ноготок. Длинноухий непоседа не хотел висеть на месте. Он, как маятник, раскачивался из стороны в сторону и отбивал лапками в воздухе чечетку. Шерстка зайчонка блестела так ярко, что хоть зажмуривайся.

«Прямо, как в мультиках», — подумал Петька.

— Солнечный зайчик! — догадалась Даша.

— Да, это он, — подтвердил Эллин. — Вы с ним знакомы?

— Не с этим, конечно, — сказала Даша, — но у меня в зеркальце их много-много. Когда им хочется погулять, я их выпускаю, а потом они возвращаются обратно, потому что им у меня нравится.

— Зайчик вам может пригодиться, ведь темные силы боятся света, сказал принц эльфов.

— Неужели они испугаются этого маленького зайчонка? — с сомнением спросила Даша.

— Конечно, для них нет ничего страшнее солнечного света, — объяснил Эллин.

Даша не могла понять, как можно испугаться такого славного зайчонка. «Неужели злые силы такие трусливые?» — подумала она, почувствовав себя значительно храбрее.

Следом за вторым появилось сразу два эльфа. Они деловито несли на плечах соломинку, словно тяжелое бревно.

— Спасительная соломинка, — объявили эльфы и, поклонившись, положили ее в кошелек.

— Та самая, за которую хватается утопающий? — усмехнулся Петька.

— Она и есть. Эта соломинка — последняя надежда, когда больше уже надеяться не на что, — подтвердил принц Эллин.

Пятый эльф нес что-то на вытянутых руках, но как Даша с Петькой ни старались, они ничего не могли разглядеть.

— Это осенняя паутинка, — сказал принц эльфов.

Только теперь ребята увидели тонкую серебристую ниточку.

— Нет ничего легче и тоньше нее, — продолжал Эллин, — но нет и ничего прочнее. Ураган

ломает деревья, но не может разорвать осенней паутинки. Она сорвется с одного места, перелетит на другое и лишь посмеется над пронзительным ветром.

Шестой эльф отвесил глубокий поклон и произнес:

— Мы хотим, чтобы вы взяли с собой дыхание леса.

Он взмахнул руками. Над землей разлился нежный аромат цветов.

— Ландыши, — обрадовалась Даша, но тут запах ландышей сменился нежным ароматом шиповника, потом фиалок, дикой сирени, сосновой хвои... Воздух был напоен таким благоуханием, будто все лесные цветы были собраны в один сказочный букет.

Эльф свел ладошки вместе, и запах цветов исчез.

Седьмой эльф поигрывал большим стеклянным шариком. Петька пригляделся: да ведь это не стекло. Шарик переливался, словно ртутный. Он то сплющивался, то перекачивался, только был он не серебряного цвета, как ртуть, а голубовато-прозрачный.

— Смотри-ка, будто капля на листке настурции! — воскликнула Даша.

— Это глоток воды. Вода — это жизнь. Все золото, серебро и изумруды ничто по сравнению с глотком воды.

Эльф положил водяную каплю в кошелек.

— Ой-ой-ой, что вы наделали! Вода затушит солнечного зайчика, заволновалась Даша и, раскрыв кошелек, заглянула в него. В кошельке лежало шесть горошин.

— Куда же все подевалось? — удивилась Даша.

— Не волнуйся, дары наши здесь, только всему свое время, — загадочно улыбнулся принц.

Петька озадаченно почесал затылок. Он уже вполне освоился с эльфами и мог соображать с практической точки зрения.

— Их бы надо пометить, а то ведь можно и перепутать, — сказал он.

— Как же можно перепутать солнечного зайчика с глотком воды, или осеннюю паутинку с соломинкой? — дружно рассмеялись эльфы, — точно бубенчики зазвенели.

— Ничего смешного тут нет. Это зайчика с водой не перепутаешь, а тут сплошной горох, — возразил Петька.

— В каждой горошине сокрыт наш подарок, а дары эльфов знают свое время, так что спутать их так же трудно, как воду и солнце, — сказал Эллин, и все эльфы дружно закивали.

Но это еще не все. Напоследок примите наш седьмой дар, — принц воздел руки к небу и откуда-то издали послышался мелодичный перезвон.

Перезвон приближался и нарастал, пока, наконец, не зазвучал во всю мощь. Казалось, где-то совсем рядом на незримой звоннице раскачиваются тысячи колоколов и колоколец, каждый со своим неповторимым голосом, и все они, сливаясь в единый хор звучали словно набат.

— Звон колоколов придаст вам силы. Если вы умеете слушать колокольный звон, вы никогда не будете одиноки, даже когда вам покажется, что вы одни во всем мире.

Эллин еще раз взмахнул руками, словно дирижер, и перезвон затих, а принц эльфов добавил

в кошелек последнюю, седьмую горошину.

— А теперь нам надо прощаться, — вам пора в путь. Идите вокруг болота ровно сто шагов, на сто первом увидите вход в подземелье.

— Так вы чего, насчет подземелья, серьезно? — спросил Петька.

Они с ребятами все окрестности облазили. Кто бы мог подумать, проглядеть настоящее подземелье!

Тут лепестки кувшинок затрепетали, и эльфы заторопились.

— Прощайте милая принцесса, прощайте дорогой брат-не-принц. Мы будем ждать вашего возвращения.

С этими словами принц эльфов и все его придворные вернулись в цветы. Лепестки сомкнулись и цветы, превратившись в разноцветные звездочки, светлячками взмыли ввысь. Они повисли над болотом, освещая детям путь.

ГЛАВА 8. ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Петька поглядел на удаляющиеся разноцветные звездочки и покачал головой:

— Ну и ну, расскажу — никто не поверит. Скажут, свихнулся.

— Поверят. Я ведь подтверждаю, что это правда, — успокоила его Даша.

— Ну да, тебе уж точно поверят, — усмехнулся Петька, но Даша не обиделась. Она взяла Петьку за руку и, деловито отсчитывая шаги, пошла вперед.

— Короче, так, — сказал Петька, — сейчас проверим, что тут за подземелье. Не может быть, чтобы мы с ребятами его проглядели. Мы тут все облазили. Если твои эльфы не натрепали, завтра с утра полезем обследовать.

— ... Девяносто восемь, девяносто девять, девяносто десять, ой, то есть сто, — закончила считать Даша.

Они с Петькой огляделись, но никакого подземелья не было.

— Ничего, — развела руками Даша.

— Так я и знал. Откуда ему тут взяться? Подземелье мы б точно нашли, — сказал Петька и сделал еще один шаг, сто первый.

Вдруг земля задрожала и начала медленно расходиться. Снизу пахнуло холодом и сыростью. Даша отступила и прижалась к Петьке. Ему и самому стало не по себе. Он с трудом отвел взгляд от разверзнувшейся перед ними ямы и оглянулся вокруг. Звездочки-эльфы исчезли, и теперь лес, окружавший болото, казался черным и недобрый. Под деревьями притаились зловещие тени. По небу ползла свинцовая туча. Петька вспомнил про ураган, и возвращаться домой через лес ему расхотелось. Наверное, Морра сейчас и только и ждет, когда они пойдут обратно. Петька сделал шаг к подземелью и в нерешительности остановился.

— Петь, мне страшно, — шепнула Даша.

Петьке и самому было страшно. Ему казалось, что все происходит в кошмарном сне, и он вот-вот проснется. Вдруг в чаще леса жутковато заухал филин, послышался шум крыльев. Где-то вдалеке треснула ветка, потом еще одна. Кто-то приближался к детям. Петька схватил Дашу за руку, и они метнулись в подземелье. Пробежав несколько шагов, ребята прижались к холодной шершавой стене. Все стихло. Погони не было. Лаз, ведущий в подземелье, четко вырисовывался на фоне ночного неба. Мертвенный свет луны проникал внутрь и тускло освещал мрачные каменные стены. Глаза ребят постепенно привыкли к темноте. Петька и Даша увидели, что стоят наверху пологой лестницы, уходящей далеко вниз. Стены лестничного коридора были выложены неотесанными булыжниками. В подземелье было сыро и пахло плесенью. Старые камни кое-где поросли мхом и были влажными на ощупь. Ребята всматривались вглубь коридора, пытаясь разглядеть, куда же ведут стертые ступеньки, но внизу была лишь непроглядная тьма. Вдруг Петька услышал за спиной противный скрежет. Он оглянулся. Лаз в пещеру медленно закрывался. Подхватив Дашу, Петька бросился к выходу, но поздно. Каменный свод сомкнулся, отрезав путь назад. Ребята оказались в крошечной тьме.

— Ну, Дашка, влипли, — сказал Петька упавшим голосом и уселся на каменную ступеньку.

К его удивлению Даша не расплакалась.

— Ничего, у нас есть лунный лучик. Пусть он нам посветит.

— Молодец, Дашка, я и забыл про подарки эльфов, — обрадовался Петька. Он достал из кармана кошелек, открыл застежку и принялся ощупывать горошины. Все они были как две капли воды похожи друг на друга, но сколько Петька не перебирал их, лунный лучик так и не появился.

— Фигушки, не работает их хваленый лучик, — в сердцах сказал Петька.

— А может, ему время не пришло? — предположила Даша.

К этой поре глаза ребят совсем привыкли к темноте, и они начали различать ближайшие ступеньки. Делать было нечего, не сидеть же тут до скончания века. Петька глубоко вздохнул, взял Дашу за руку и, ощупывая стену, медленно двинулся вперед. Казалось, каменный коридор нескончаем. Он все тянулся и тянулся неизвестно куда, то сворачивая, то петляя, с каждой ступенькой лестница уводила все глубже вниз.

Вдруг Петька в нерешительности остановился. Ступеньки кончились. Ребята стояли на развилке.

— Здравсьте — приехали! Ну и куда теперь? — проговорил Петька.

В наступившей тишине послышался какой-то слабый шорох. Ребята затаили дыхание. Сердце у Петьки колотилось как бешеное. Он почувствовал, что Даша дрожит, и крепко сжал ее руку, чтобы хоть как-то подбодрить. Некоторое время ребята стояли, боясь пошевелиться. В подземелье было тихо. Петька с облегчением вздохнул.

— Показалось. Нет тут никого.

— Как бы ни так, — раздался голос снизу.

ГЛАВА 9. ЗЕМЛЯНОЙ ЧЕРВЯЧОК

— Кто здесь? — Петька постарался придать своему голосу твердость, но это ему не очень удалось.

— Он еще спрашивает, кто здесь. Это я должен спросить, кого сюда принесло. Я в этом подземелье торчу уже столько, что оно мне сто раз успело надоест, — проворчал раздраженный голосок.

Петька взгляделся в темноту, но никого не увидел. Он осторожно шагнул вперед.

— Ой! — взвизгнул кто-то внизу. — Мало того, что из подземелья устроили проходной двор, теперь еще того и гляди, раздавят.

Петька пригляделся и, увидев своего собеседника, не поверил собственным глазам. Прямо у него под ногами из под земли вылез дождевой Червячок.

— Ну что ты на меня уставился, как будто в жизни червяков не видел? проворчал тот. — Если уж ты на меня чуть не наступил, то мог бы, по крайней мере, извиниться.

— Извини, пожалуйста, но мы не знали, что тут кто-то есть, — ответила за Петьку Даша.

— «Кто-то есть», — передразнил Червячок. — Да тут уже целая толпа! Не подземелье, а базар какой-то! Вон, полюбуйте, еще какой-то чудак лезет!

Из-под земли появился еще один червячок. Он важно посмотрел из стороны в сторону и неторопливо сказал:

— Прошу прощения, но я вовсе не чудак. Я в некотором роде... как бы это выразиться... твой хвост.

Первый червячок обернулся, оценивающе посмотрел на второго, и хихикнул:

— Да, это и в самом деле мой хвост, а я уж думал, кто-то еще притащился.

— Я выполз чтобы наконец решить важный вопрос, касающийся меня и моей Головы, — растягивая слова, проговорил Хвост.

— Какие еще могут быть вопросы? — возмутилась Голова. — У меня лично нет никаких вопросов. У вас вопросы есть? — обратилась она к детям и, не дожидаясь ответа, быстренько добавила:

— Видишь, у них тоже нет никаких вопросов. Все вопросы исчерпаны.

— А у меня есть вопрос, — сказала Даша. — Как вы узнаете, где Голова, а где Хвост?

Голова и Хвост были так похожи, что Даша никак не могла разобрать, кто из них кто.

— Мы узнаем по очереди. Один день он голова, а другой день я, — не спеша объяснил Хвост. — Сегодня моя очередь быть головой.

— С чего это ты взял, что сейчас «другой» день?

— Но я ведь до сих пор еще ни разу головой не был. Должен же когда-нибудь наступить «другой» день, — все так же медленно пояснил Хвост.

— Оно верно. Но это вовсе не значит, что именно сегодня он наступил. Это еще нужно доказать, — скороговоркой выпалила Голова.

— Как так? — не понял Хвост.

— Очень просто. Если сегодня один день, то завтра будет другой, а потом еще один, и еще другой... так?

— Так, — согласился Хвост.

— Так вот, «другой» день был вчера, а сегодня опять «один» день.

— Но ведь вчера ты тоже был головой, — обиженно засопел Хвост.

— Потому что вчера ты мне об этом не напомнил, а значит, ты сам виноват, и теперь тебе придется подождать пока наступит «другой» день, понял?

— А как же я узнаю, что он наступил? — вздохнул Хвост.

— Другой день наступает утром, когда рассветает, — объяснила Хвосту Даша.

— Тогда я поползу наверх, чтобы не пропустить рассвет, — решил Хвост.

— А я поползу вниз, чтобы отдохнуть в тишине, — заявила Голова.

Голова и Хвост тянули в разные стороны, и червячок стоял на месте.

— Ах, вот ты как! Тогда я поползу направо, — разозлился Хвост.

— А я налево, — упрямо сказала Голова.

— Так вы никуда не уползете, — усмехнулся Петька.

— И все из-за этого упрямого Хвоста. Как же мне надоело это подземелье. Я так хочу уползти на теплую рыхлую грядку, — мечтательно сказала Голова.

— Куда угодно, только б уползти отсюда. Но из-за этой Головы я вынужден торчать здесь, — угрюмо вторил Голове Хвост.

— По-моему, вам надо помириться, — сказала Даша.

— Ни за что! — пылко возразили Голова и Хвост.

Петька понял, что этому спору не будет конца и спросил:

— А как к Хрустальному ключу пройти, вы не знаете?

— Надо идти направо. Этот путь короче, — не задумываясь, выпалила Голова.

— Лучше идти налево, потому что направо живут карлики, — заявил Хвост.

— Карликам не до них. Они воюют с гномами, — возразила Голова.

— Это гномам не до них, потому что они защищаются от карликов, сказал Хвост. — Тем более, что направо путь короче, — добавил он.

— Но лучше идти налево, потому что направо живут карлики, — сказала Голова, хотя только что посылала детей направо.

— Карликам не до них. Они воюют с гномами, — немедленно заявил Хвост.

— Это гномам не до них, потому что они защищаются от карликов. Тем более, что направо путь короче, — сказала Голова.

— Но лучше идти налево, потому что направо живут злющие карлики, продолжал Хвост.

— Карликам не до них...

Петька и Даша совсем запутались и перестали различать, где Голова, а где Хвост.

— Куда идти-то? — перебил их спор Петька.

— ... Тем более, что направо путь короче, — не обращая на него внимания, продолжала Голова.

— Но лучше...

Петька усмехнулся, взял Дашу за руку, и они пошли направо, а Голова и Хвост продолжали свой вечный спор.

— Все-таки жалко, что они никак не помирятся, — вздохнула Даша, оглядываясь назад. В темноте Червячка уже не было видно.

Петька с Дашей отошли на почтительное расстояние, когда Голова и Хвост спохватились, что ребят нет.

— В какую же сторону они ушли? — Голова и Хвост припали к земле и прислушались, а потом разом воскликнули, — Направо!

— Бедные-бедные крошки, теперь они попадут к злющим карликам!

— Откуда им знать, что все дороги в подземелье ведут в Долину Миражей.

— А все из-за тебя, заладил «направо, направо».

— Нет, из-за тебя. Это ты говорил «направо».

— Я поползу за ними, и верну их назад.

— Нет, это я поползу за ними и верну их назад.

Червячок пополз.

— Эй, кажется, я ползу, — обрадовался он. ю Да, да, я ползу. Ура! Я снова целый червячок, мои голова и хвост наконец помирились!

Червячок на мгновение остановился:

— Теперь я могу ползти, куда пожелаю. Я могу даже поселиться на рыхлой грядке в чьем-нибудь ухоженном огороде, — мечтательно произнес он.

Петька и Даша не знали о радости Червячка. То ли глаза их привыкли к темноте, то ли в подземелье стало немного светлее, но теперь они стали лучше различать дорогу и шли быстрее.

Вдруг коридор, вымощенный булыжниками, закончился. Ребята дошли до сталактитового грота, похожего на большие ворота. Петька заглянул внутрь. За гротом коридор расширялся, и стены его были вытесаны из цельной скалы. Даша поежилась:

— Не нравится мне тут.

Петьке и самому здесь не нравилось. Сталактиты свешивались, как клыки саблезубого тигра.

Казалось, сталактитовая пасть готова захлопнуться в любую минуту, но другого пути не было, и Петька, скорее чтобы подбодрить себя, чем Дашу, бесшабашно махнул рукой:

— Ладно, не трусь, пробьемся.

Они шагнули за порог грота, даже не подозревая, что ступили в королевство карликов.

ГЛАВА 10. КАРЛИКИ

Петька с Дашей продолжили путь. Каждый неосторожный шаг гулко разносился по подземному коридору, и ребята старались ступать как можно тише. Вдруг им показалось, что впереди забрезжил свет. Не сговариваясь, они прибавили шагу. Свет становился все ярче. Наконец, они увидели факел, прикрепленный к стене как в средневековом замке. Стена и потолок вокруг него закоптились. Факел догорал. Видно, скоро его надо было менять, но ребята были рады любому островку света. Подальше они встретили второй факел, за ним еще и еще.

Петька почувствовал смутную тревогу. Он даже подумывал, не вернуться ли назад, но уйти из освещенного коридора снова в темноту было выше его сил. Даша словно прочитала его мысли.

— Там так темно, — сказала она, махнув рукой в ту сторону, откуда они пришли, и вдруг спросила:

— Петь, а может тут живет страшный-престрашный дракон?

— Не поместится. Попробовал бы он тут пролезть, так и застрял бы, как пробка в бутылке.

Представив застрявшего дракона, Даша хихикнула, но потом опять стала серьезной. Тут ребята услышали слабый ритмичный звук:

«Бум-бум-бум», — словно кто-то стучал в барабан.

Ребята прислушались.

«Бум-бум-бум», — едва уловимо доносилось издалека, и в этом стуке слышалось что-то зловещее. Ноги ребят остановились сами собой.

— А может убежим? — шепотом спросила Даша.

— Куда? Давай лучше я незаметно прокрадусь вперед и разведу, что там такое. В случае чего — убежим. Жди меня здесь.

— Нет, я с тобой, — уцепилась за брата Даша.

Теперь они продвигались вперед осторожно, стараясь не задерживаться под светом факелов, и жались туда, где потемнее.

— «Бум-бум-бум», — гулко разносилось по коридору.

Сердце у Петьки колотилось так сильно, что порой он не понимал, то ли это звук барабана, то ли стук его собственного сердца, которое словно хотело выскочить из груди. Даша вцепилась в Петьку. Ноги у нее подкашивались от страха и не никак не хотели идти, лишь Петькина храбрость придавала ей силы. Чем громче звучал барабан, тем тревожнее становилось на

душе у ребят. Постепенно к звуку барабана стали примешиваться голоса, которые сливались в приглушенный хрипловатый хор.

«Стой, стой, стой», — стучало у Петьки в висках в унисон барабану, но он знал, что назад пути нет. Маленькая Даша преданно семенила за ним. Стоит ему показать, что он боится, она еще чего доброго расплачется, подумал Петька.

Грохот барабана и голоса были совсем близко. Вдруг Петька заметил в стене коридора узкий лаз. Стертые каменные ступени вели

куда-то вверх. Петька пригнулся, кивком головы показал Даше, чтобы она шла за ним, и почти на четвереньках стал медленно подниматься по узкой лестнице. Вскоре Петька добрался до небольшой каменной площадки. Он помог Даше забраться на нее и, стараясь не высовываться, заглянул вниз. Внизу была огромная пещера. Посередине нее полыхал костер. Над огнем на толстых железных цепях висел большущий котел. Языки пламени лизали его черные закопченные бока.

Возле костра кривлялся отвратительный карлик. Лицо его было похоже на печеную картофелину. Маленькие глазки источали злобу. Спину уродовал огромный горб. Скрюченными костлявыми ручонками карлик постукивал в барабан и, выкидывая невероятные коленца кривыми ножками, приплясывал возле огня. Вокруг костра толпилось множество таких же карликов. Они притопывали под звуки барабана и что-то бормотали. Голоса их сливались в зловещий хор. Пламя освещало карликов, отбрасывая на стены пещеры чудовищные пляшущие тени, такие гигантские, что казалось, они не имеют ничего общего с уродливыми тщедушными тельцами своих обладателей.

Вслушавшись, ребята начали разбирать слова.

Варим, варим, варим зелье

Для кошмарного похмелья.

Пейте зелье, пейте зелье,

Чтобы не было веселья.

Над котлом клубится пар

Это варится кошмар.

Присолив его слезами,

Добавляем горсть страданий.

А из остреньких приправ:

Леденящий душу страх.

Рвется, рвется пар наружу:

Медленно вскипает ужас.

Варим, варим, варим зелье

Для кошмарного похмелья.

И тому, кто выпьет зелье,

Никогда не знать веселья.

Два карлика-кашевара стояли возле котла и исполинской ложкой помешивали бурлящее в нем варево. Ложка была такой громадной, что они вдвоем едва удерживали ее.

Вдруг Карлик-горб перестал стучать в барабан. Он указал скрюченным пальцем на котел и закричал:

— Пробу!

— Пробу!.. Пробу!.. Пробу!.. — Эхом отозвались другие карлики.

Повара зачерпнули зелье и, сгибаясь под тяжестью ложки, поднесли ее Карлику-горбу. Тот попробовал варево, почмокал губами и одобрительно сказал:

— Славное получается зелье. Хозяйка будет довольна. Не хватает одного пустячка. Нам нужно сердце.

— Где же мы возьмем сердце? — развел руками карлик с выпученными глазами.

— У нас нет сердец, — проговорил уродец с оттопыренными ушами.

— Нам они и не нужны. Сердце нужно Морре, — пояснил горбун.

— Морре... — как заклинание хором повторили карлики.

— Горячее человеческое сердце. И оно само придет к нам, да не одно, а два. Навострите уши, отточите взор. Я получил известие от Морры: в подземелье зашли люди.

Чутье подсказало Петьке, что лучше Даше не слушать того, о чем говорят карлики. Он обнял сестренку и, прижав ее голову к своей груди, будто случайно закрыл ей уши. Карлик-горб продолжал:

— Мы должны схватить их до прихода Морры. Когда зелье будет готово, Морра вырвет их сердца, и пока они еще бьются, бросит в котел. Живые и горячие сердца! Одно сердце ей, чтобы обрести былую силу, а другое она обещала нам. Стоит нам отведать зелья, настоянного на человеческом сердце, мы перестанем бояться солнечного света. Тогда мы выйдем из подземелья и будем властвовать на всей земле.

Карлики одобрительно зашумели.

Петька был так ошарашен услышанным, что сначала даже не поверил. Как можно, вырвать живое сердце? Но постепенно смысл сказанного стал доходить до него, и Петьку сковал ужас. Он словно окаменел. Даша надоело сидеть неподвижно, и потом ей тоже хотелось послушать, о чем говорят обитатели пещеры. Она заерзала, пытаясь высвободиться из Петькиных объятий. Это вернуло Петьку к действительности. Надо было убегать, и как можно скорее. Петька отпустил Дашу и сделал ей знак, что пора уходить. После пещеры, освещенной пламенем костра, лестница казалась совсем темной. Стоит оступиться, и карлики тотчас же обнаружат их. Петька медленно ощупывал ногой каждую ступеньку, стараясь разглядеть неровные каменные выступы. Даша продвигалась следом за ним. Неожиданно бой барабана и бормотание смолкли, и из пещеры донесся голос Карлика-горба.

— Тот, кто поймает их, получит в награду горб почти такой же большой, как у меня.

«Интересно, кого они ловят?» — пронеслось в голове у Даши, но когда она услышала про награду, ей стало так смешно, что она прыснула со смеху. Тут нога ее соскользнула, Даша не удержалась и повалилась на Петьку. Петька сорвался, и они оба кубарем скатились с лестницы.

— Слышу!.. — раздался из пещеры вопль Лопоухого.

Петька вскочил на ноги, помог Даше встать и рванул прочь. Даша попробовала бежать за ним, но коленку пронзила острая боль. Даша вскрикнула, прохромала пару шагов и присела. Петька бросился к Даше и, подхватив ее на руки, побежал. Ноша была нелегкая. Петька не знал, сколько он протянет. Он задыхался, но упрямо бежал вперед. Позади раздался топот ног.

— Давай я сама, — сказала Даша. Петька опустил сестренку на пол, взял за руку, и она прихрамывая побежала за братом.

Топот неумолимо приближался.

— Вижу! — закричал Пучеглазый.

Ребята пробежали еще несколько шагов, силы их убывали. Они уже слышали за спиной дыхание уродцев.

— Хватаю! — крикнул Косорукий, и узловатые цепкие пальцы крепко вцепились в Дашино платье.

Петька набросился на карлика, пытаясь отбить Дашу, но все новые и новые уродцы наваливались на них. Даша не растерялась и изо всех сил молотила карликов кулачками. Удивляясь Дашиной храбрости, Петька и сам дрался как лев. Он раскидывал наступающих, но силы были не равными. Карлики все прибывали и прибывали. Они заполнили весь проход. Петька и Даша прижались друг к другу и сопротивлялись из последних сил, но врагов было слишком много. Отвратительные уродцы окружили обессиленных ребят и, протягивая к ним скрюченные пальцы, кричали:

— Сердце... Сердце...

Даша прижалась к Петьке, ее колотило, как в ознобе, но она не проронила ни слезинки.

Вдруг карлики расступились, и вперед вышел Карлик-горб. Он осмотрел ребят и, отвратительно хихикая, потер ладони:

— Какие у нас гости. То-то Морра будет довольна. А девчонка, как по заказу, черноглазенькая, хорошенькая, — он потянулся к Даше.

Петьку словно что подтолкнуло. Он вывернулся из рук державших его карликов и со всей силы двинул горбатого уroda в челюсть. Тот, взвизгнув, как побитый пес, отлетел в сторону. Но в это время что-то тяжелое ударило Петьку по голове, и он провалился в темноту.

ГЛАВА 11. ТЕМНИЦА

Петька очнулся от холода. Вокруг стояла такая кромешная тьма, что он не видел дальше

кончика собственного носа. Он лежал на сыром земляном полу. Даша гладила его по щекам и сквозь всхлипывания молила:

— Петенька, Петенька, ну пожалуйста, вставай.

Петька попробовал сесть. Голова у него гудела, тело было тяжелым, словно налитым свинцом.

— Петя, ты проснулся! — Даша бросилась целовать Петьку.

Сейчас было не до нежностей, и Петька отстранил сестру.

— Где мы? — спросил он.

— В темнице. Будем сидеть тут, пока Морра не придет. Мне страшно, Петь! — жалобно сказала Даша.

— А мне весело, — огрызнулся Петька. Он разозлился на Дашку и ее хныканье. — Сама желание загадала, так что теперь не скули.

— Я ведь хотела как лучше, для всех, — всхлипнула Даша, и Петьке стало стыдно, что он сорвался. Кто же знал, что все так обернется? Сам-то он тысячу раз загадывал разные желанья, и ничего.

— Ладно, не обижайся. Слезами горю не поможешь. Давай выход искать. Может нам сбежать удастся.

Петька встал. Потолок был так низко, что он едва не ударился об него головой. Он сделал несколько шагов вперед и наткнулся на склизкую каменную стену. Даша уцепилась за брата. Темнота пугала ее, но больше всего она боялась остаться одна. Шаря руками по стенам, Петька обследовал тюрьму. Это была крохотная клетушка, сложенная из неотесанных булыжников, пригнанных так плотно, что между ними не было ни малейшей щели.

— Ну и ну, ни окон, ни дверей, полна горница людей. Как же мы сюда попали? — озадаченно проговорил Петька.

— Не знаю, — прошептала Даша. — Карлики мне глаза завязали.

Петька обшарил темницу еще раз. Он тщательно ощупал каждый уголок, каждый булыжник и, наконец, с ужасом понял, что они замурованы. Ошеломленный, Петька уселся на земляной пол и стал лихорадочно соображать, что делать. Единственное, что приходило на ум — попробовать раскидать карликов, когда они придут за ними, но Петька понимал, что надежды на это мало.

— Кхе-кхе, — вдруг услышал Петька.

Не хватало еще, чтобы Дашка разболелась. Петька взял сестру за руки, они были ледяные.

— Замерзла? Давай я тебя разотру, — предложил Петька и стал растирать Даше руки.

— Ты сам не кашляй, — сказала Даша.

— Я и не кашляю.

— А кто же тогда это был? испуганным шепотом спросила Даша.

Несмотря на холод подземелья, Петьку словно жаром обдало. Тут был кто-то еще. Петька остро почувствовал свою беспомощность, но твердо решил, что дешево Морре не дастся.

Главное, чтобы на них не напали сзади. Петька пяťся, и увлекая за собой Дашу, сделал пару шагов назад и прижался спиной к холодной стене. Ему показалось, что он услышал шорох.

— Кто тут? — спросил Петька, стараясь, чтобы голос его звучал уверенно.

— Я. Только, будьте любезны, сидите на одном месте, а то вы, чего доброго, меня раздавите, — проворчал знакомый голосок.

— Червячок! — обрадовалась Даша.

— Собственной персоной. И голова, и хвост.

— Эй, а как ты сюда попал? Я отсюда никакого хода не нашел, — спросил Петька в надежде, что он что-то проглядел.

— Я рою свои ходы сам, — важно сказал Червячок.

— В камнях? — удивился Петька.

— Почему в камнях? — в свою очередь удивился Червячок. — Здесь же пол земляной. Куда хочу, туда и ползу!

— Счастливый, — вздохнула Даша.

— Еще бы! Об этом я и приполз вам сообщить. Теперь я ужасно счастлив: мои голова и хвост, наконец-то, помирились. Это так здорово, когда можно ползти, куда захочешь, и тебя не тянут в разные стороны.

— Я рад за тебя, — язвительно сказал Петька. Мало того, что они оказались в ловушке, теперь еще является этот пустомеля и рассуждает о прелестях свободы.

— Я так и знал, что эта новость вас обрадует больше, чем другая, — не заметив Петькиного тона, продолжал Червячок.

— А у тебя есть еще новость? — встрепнулся Петька.

— Ну, не то чтобы новость. Скорее совет. В прошлый раз забыл вам сказать, что все дороги подземелья ведут в Долину Миражей. В какую бы сторону вы не пошли, все равно окажетесь там. Так что вам лучше было идти налево. Там живут гномы. Они добряки и всегда готовы помочь, не то что злюки карлики. Так что запомните, когда пойдете, держитесь левой стороны.

— Ах, ты еще издеваешься! Вот сейчас я тебя раздавлю, мокрого места не останется, — Петька затопал ногами.

— Ой, чего это с ним? Я же хочу как лучше, чтоб вы не заблудились, испуганно сказал Червячок, подползая к Даше в поисках защиты.

— Если б ты сказал об этом раньше! Теперь мы никуда отсюда не уйдем, Даша горько заплакала.

— Понимаю, вы нашли уютное местечко, где прохладно, сыро и никто не нарушает уединения. А я-то думал вам помочь. Значит, я напрасно спешил. Что ж, счастливо оставаться.

Петька испугался, что теперь, когда забрезжила слабая надежда на спасение, Червячок уползет.

— Э-эй, мы тоже непрочь отсюда уйти, только как?

Конечно, через дверь. Насколько я понимаю, вы не умеете рыть земляные ходы.

— Кабы найти эту дверь, — с досадой сказал Петька.

— А вы посмотрите хорошенько, — посоветовал Червячок.

— Много увидишь в кромешной тьме! — угрюмо проворчал Петька.

Червячок явно что-то знал, но более бестолкового создания Петька не встречал. Они теряли драгоценное время, и Петька просто кипел от злости на Червячка, но сдерживался. Он понимал: если Червячок уползет, надежда на спасение рухнет окончательно.

— А может посветить лунным лучиком? — робко предложила Даша.

— Пробовали мы твой хваленый лучик, — огрызнулся Петька, но тем не менее полез в карман за кошельком.

Стоило ему открыть кошелек, как одна горошина выкатилась ему на ладонь. В тот же миг она словно растворилась, и с Петькиной руки тоненькой ленточкой протянулся лунный лучик. Он осветил подземелье мягким серебристым светом и медленно пополз по стене, словно что-то искал. Вдруг лучик остановился.

— Ну что, теперь видишь? — спросил Червячок.

Петька повернул руку, но луч не сдвинулся с места. Он словно приклеился к стене. И тут Петька разглядел едва различимый выступ, очертаниями напоминавший оскалившуюся пасть. Не успел Петька опомниться, как Даша схватила каменную морду за нос.

— Ой! Нос-то крутится! — удивленно воскликнула она.

В стене что-то глухо звякнуло, и она начала медленно отходить в сторону. Ребята зачарованно смотрели на открывающийся проход. Петькино раздражение как рукой сняло. Он готов был расцеловать бестолкового Червячка.

— Ура! Дашка, нашли!

— Вам бы лучше поторопиться, такие ходы обычно не открываются надолго, — посоветовал Червячок.

Не помня себя от радости, ребята протиснулись в приоткрывшуюся щель. Едва они выбрались из своего заточения, как стена дрогнула и начала также медленно вставать на прежнее место. Даша оглянулась на Червячка.

— А разве ты не пойдешь с нами?

— Нет, я поползу по своим делам. Счастливого пути!

Даша прильнула к сужающейся на глазах щели и тихо крикнула:

— А мы еще увидимся?

— Может быть, где-нибудь на теплой рыхлой грядке в огороде. Не забудьте, держитесь левой стороны, — крикнул Червячок в ответ, и вход закрылся.

Ребята опять оказались в длинном подземном коридоре. Позади них была глухая стена.

Лунный лучик на Петькиной ладони начал тускнеть и, наконец, потух без следа. Коридор погрузился в полумрак. Тусклый свет, исходящий неизвестно откуда, позволял различать дорогу и не наткаться на стены. Ребята поспешили от страшной темницы, опасаясь новой погони. Они неслись сломя голову. Добегая до развилки, они всегда сворачивали налево. От долгого бега ноги у Даши стали заплетаться, она еле-еле попевала за Петькой. Петька и сам уже задыхался, но стоило ему вспомнить о карликах, как неизвестно откуда брались силы. Вдруг ребята услышали равномерное постукивание. Они в ужасе застыли как вкопанные и напряженно прислушались. Звук не был похож на барабанный бой. Скорее он напоминал удары множества молоточков.

ГЛАВА 12. ПОДЗЕМНЫЙ ДВОРЕЦ

Молоточки стучали так весело и задорно, что даже подземелье показалось ребятам не таким мрачным. Дети приободрились, но усталость давала о себе знать. Даша еле передвигала ноги.

— Я хочу пить, — сказала она и остановилась.

— Не канючь, где я тебе возьму воды, — Петька потянул ее за руку.

— Наверное, это работают гномы. Как ты думаешь, они дадут нам попить?

— Если мы будем торчать здесь, тебя карлики напоят, — проворчал Петька. Он сам валился с ног от усталости, а тут еще Дашкины капризы.

Даша тяжело вздохнула, и как могла прибавила шагу. Петька надеялся, что все опасности уже позади, но чем громче становился стук молоточков, тем большие сомнения охватывали его. Он был почти уверен, что они пришли к гномам, ведь сворачивали они только налево, но в то же время внутренний голос подсказывал ему, что осторожность не помешает. Несмотря на усталость, Петька решил сходить на разведку, чтобы убедиться, что это на самом деле гномы, а не карлики. Петька посмотрел на притомившуюся Дашу и сказал:

— Посиди, отдохни пока, а я подкрадусь поближе и погляжу, кто там стучит. Если карлики — убежим, а если гномы, я тебя позову.

Даша испуганно уцепилась за брата:

— Петь, я ничуть не устала. Честно-пречестно. Я с тобой пойду.

После минутного колебания Петька согласился взять Дашу с собой. Он и сам побаивался оставлять ее одну. Она такая доверчивая и беззащитная, ее любой обидеть может.

Даша изо всех сил старалась не показывать, что она устала. Дети на цыпочках приближались к тому месту, откуда доносился звук. Стук раздавался уже где-то рядом. Петька с Дашей ступали очень осторожно. Вдруг пол под ними провалился, и ребята, не успев глазом моргнуть, очутились прямо в подземной кузнице. Перед большим горном суетились три невысоких человечка в широких кожаных фартуках. В горне горело пламя, и фигурки кузнецов отбрасывали на каменные стены огромные тени. В руках у двоих были громадные не по росту молоты, а у третьего щипцы. При виде этих страшных орудий и гигантских теней, Петька так испугался, что не раздумывая, карлики перед ним или гномы, подхватил Дашу и, откуда только силы взялись, бросился к выходу. Человечки, в первый момент ошарашенные появлением нежданных гостей, пришли в себя и пустились в погоню.

— Лови! Держи! — кричали они.

Сразу откуда ни возьмись набежало множество таких же коротышек. Не успели Петька с Дашей опомниться, как на них набросили сетку. Преследователи окружили ребят со всех сторон, и, как Петька ни брыкался и не сопротивлялся, их с Дашей запихнули в мешок, завязали веревкой и куда-то потащили. Даша начала шмыгать носом. Петька как мог старался успокоить ее.

— Не сопи, Дашка, зато покатаемся, — хорохорясь, сказал он, хотя ему было совсем не до шуток.

Наконец, мешок опустили на землю, и кто-то стал развязывать веревку. Мешковина упала, и... Петька с Дашей ахнули, ослепленные представшим зрелищем. Это был настоящий подземный дворец. Ребята оказались в огромном зале, за которым открывалась анфилада комнат. Стены зала были выложены малахитом, который сама природа разрисовала кружевными узорами: диковинными птицами, зверями и неизвестными цветами. С высокого потолка колоннами свешивались сталактиты, усыпанные самоцветными камнями. Посередине висела люстра из горного хрусталя. В ней горело множество свечей, и от этого в подземном дворце было светло, как днем. Огни свечей отражались в самоцветах, играя в отполированных гранях хрусталя, отчего все вокруг переливалось и сверкало, как праздничный фейерверк. Ребята были так ошеломлены этим великолепием, что в первый момент словно онемели.

В зале было полно народа. Собравшиеся были не похожи на тщедушных и кривоногих карликов. Напротив, все они были крепенькие, коренастые, на них ладно сидели замшевые курточки и бархатные панталончики. На головах у них были колпачки с кисточками, а на ногах туфли с большими золотыми пряжками. Петька совсем было успокоился, решив, что это гномы, как вдруг один из человечков, шустрый малый с округлым животиком, объявил:

— Беглецы пойманы.

По залу прошел гул:

— Молодец, Затычка!

— Им от нас никуда не уйти, мы их быстренько словили, — важно хвастался Затычка.

«Неужели обознался?» — ужаснулся Петька. Он огляделся: ни Лопоухого, ни Пучеглазого, ни Карлика-горба тут не было. Но это еще ничего не значило, карлики могли быть разные. «Наверно, порода другая», — в отчаянии решил Петька.

Вдруг все почтительно расступились и вперед вышел человек с длинной белой бородой:

— Так вы и есть те пришельцы, что свалились нам на голову? — спросил Борода, с интересом разглядывая ребят.

— Да. Мы идем спасать Хрустальный ключ, — выпалила Даша, прежде чем Петька успел открыть рот.

— Для этого надо иметь горячее сердце! — воскликнул Борода.

Петька ширнул Дашу в бок и поспешно вставил:

— Не слушайте вы ее! Вечно она все выдумывает! У нас сердец вообще нет!!

— Это ты, Петенька, все выдумываешь! Без сердца жить нельзя! наставительно сказала Даша.

Бывали в жизни моменты, когда Петька с удовольствием дал бы Дашке по шее. Сейчас был как раз один из них.

— Вот глупая! — с жаром сказал Петька и, выпучив на сестру страшные глаза, постучал кулаком по голове. — У нее не только сердца, у нее еще и мозгов нет, — добавил он, обращаясь к Бороде.

Затычка выскочил вперед и, смерив Петьку и Дашу неодобрительным взглядом, покачал головой:

— Ай-ай-ай-ай-ай, бессердечные дети — это никуда не годится.

— Вот и я про то же. Зачем мы вам? Отпустите нас на все четыре стороны, — подхватил Петька.

— А что по этому поводу скажет наш главный лекарь? — Борода обратился к человечку в курточке с белым кружевным воротником и такими же кружевными манжетами. Лекарь вытащил из нагрудного кармана слуховую трубочку, как у доктора Айболита, и хотел приставить ее к Петькиной груди.

— Это еще зачем? — отстранился Петька.

— А я не боюсь, когда меня доктор слушает, — Даша выступила вперед.

Петька готов был рвать на себе волосы: эта глупая девчонка сама лезла в петлю.

Он хотел встать между Лекарем и Дашей, но несколько человечков схватили его за руки. Затычка суетился рядом, пытаясь тоже послушать в трубку. Он мешался под ногами, пока терпение Лекаря не лопнуло, и он не приказал Затычке держаться подальше. Послушав Дашу, лекарь сказал:

— С девочкой все в порядке. У нее есть сердце.

Это сообщение было встречено гулом одобрения.

Потом он начал слушать Петьку. Петька не сопротивлялся. Его охватило полное безразличие.

«Тук-тук-тук», — предательски стучало сердце, но Петьке было все равно.

Наконец, лекарь сказал:

— С мальчиком сложнее...

— Нет сердца? — спросил Борода.

— Сердце у него есть, но у него нет совести, потому что он бессовестно лжет, — произнес свое заключение Лекарь.

— Ах так, у меня нет совести? — Петька рассвирепел. — А у вас, значит, совесть есть?! Ловить детей и варить из них зелье, сердца вырывать — на это у вас совесть есть?! Так вот, передайте вашей Морре, что я год на самбо ходил. Пусть только приблизится.

— Постой, постой, какая Морра? — спросил Борода.

— За кого ты нас принимаешь? — высунулся Затычка.

— За кого надо, за того и принимаю, — огрызнулся Петька.

— Петя, да это же гномы, — сказала Даша.

— Мы-то гномы, а вы кто? На подземных жителей вы не похожи, — сказал Борода, оглядывая ребят.

Даша начала взахлеб рассказывать про загаданное желание, про Хрустальный ключ, про Деда Пихто, про эльфов и про страшных карликов. Она на удивление быстро осваивалась со всем сказочным людом. Когда Даша закончила свой рассказ, гномы заволновались. Они и знать не знали о потайном ходе. Борода поднял руку, все затихли.

— Похоже, все это правда, — обратился он к ребятам. — Тем лучше, значит, вам не трудно будет справиться с нашими испытаниями.

— Какими еще испытаниями? — насторожился Петька.

— Есть у нас издревле обычай: каждый, кто к нам попадает, должен пройти три испытания. Кто справится — тому мы помогаем.

— Загадки, что ли, отгадать? — спросил Петька.

— Нет, состязание в силе, — ответил Борода.

— А кто не справится? — заволновалась Даша.

— Тот сгинет, — брякнул Затычка таким тоном, словно это было само собой разумеющимся.

Петьку бросило в холодный пот. Он был не из слабаков и при случае мог постоять за себя, но особой силой не отличался, а уж про Дашку и говорить нечего. Даша подвинулась поближе к брату.

«А червячок этих гномов хвалил. Добренькие нашлись», — подумал Петька, не на шутку разозлившись.

— Ну и порядки у вас тут. К одним попадешь, из тебя супчик варить хотят, другие — изничтожить грозятся. Прямо мафиози какие-то.

— Если вы те, за кого себя выдаете, вам нечего бояться, — сказал Затычка.

— Да не за кого мы себя не выдаем, — с жаром запротестовал Петька. Идем себе, никому не мешаем. От карликов сбежали, думали, вы как люди, а вы...

— Мы — гномы и помогаем только тем, кто докажет свою силу.

— Слушайте, отпустите нас безо всяких испытаний. Нам от вас ничего не надо, — предложил Петька.

— Нельзя. Мы обычаев не нарушаем, — наотрез отказались гномы.

Продолжать разговор было бесполезно. Даша с надеждой посмотрела на брата. Петьке не оставалось ничего другого, как согласиться, и он мрачно сказал:

— Ладно, давайте ваши испытания.

— Всеу свое время. Для начала отдохните, освоитесь. Мы вам покажем Город Мастеров, — сказал Борода.

Гномы вернулись к прерванной работе, а ребята в сопровождении Бороды и Затычки отправились в Город Мастеров.

ГЛАВА 13. ГОРОД МАСТЕРОВ

Несмотря на то, что ни у Петьки, ни у Даши не было никакого настроения осматривать достопримечательности, стоило им выйти на улицу, как жизнь Города Мастеров настолько захватила их, что они даже забыли о предстоящих испытаниях.

Повсюду кипела работа, и было видно, что живут здесь труженики и умельцы. Вдоль улиц тянулись мастерские и кузни, магазинчики и кофейни, и все в них: начиная от инструментов и кончая столами и стульями было маленьким, словно игрушечным.

Забыв про усталость, ребята глазели на искусные поделки, выставленные в витринах: ювелирные украшения, зеркала, оружие.

Борода вел их по улицам, показывая, где что находится. Тут же суетился Затычка, стараясь, где надо и не надо, вставить свое слово. Наконец, они подошли к крошечной неприметной мастерской.

— Здесь работает наш лучший ювелир Хрусталик, — сказал Борода. — Это он сделал из горного хрусталя башмачки для Золушки.

— А еще корону для Голого Короля, искусственного соловья и розу для принца-свинопаса, а уж о свадебных украшениях и говорить нечего. Их ему заказывают в конце каждой сказки, — вставил Затычка.

— А можно взглянуть хоть одним глазком? — попросила Даша.

Гномы закивали головами.

— Отчего же нельзя. Хрусталик всегда рад гостям. Он любит показывать свою работу.

В мастерской было тесно, но ювелир радушно принял гостей. Хрусталик был сухонький расторопный гном в очках в роговой оправе с толстыми линзами. Он усадил гостей на табуреточки, подошел к деревянному буфету, похожему на тот, в каких хранят посуду и запасы варенья, и открыл дверцу. Ребята так и ахнули: на полках, на черных бархатных подушечках лежали драгоценные украшения.

— Вот это да! — удивился Петька. — Такие сокровища надо в сейфе держать под семью замками!

— А зачем запирать? Кому что в жизни предназначено, тот то и получит. А если кто чужое возьмет, так себе же во вред. Счастья от этого не прибавится, — спокойно объяснил Хрусталик и начал доставать из шкафа бархатные подушечки. На одной из них лежал гребень, усыпанный мелкими зелеными изумрудами.

— Это русалка заказала, волосы расчесывать. Еще на прошлой неделе должна была забрать, да видно все недосуг, — сказал ювелир. — А это серьги для принцессы на горошине. Они с принцем отмечают годовщину свадьбы и готовят большой бал, — продолжал Хрусталик. — А вот леший заказал подарок для старушки-лесовушки, — Хрусталик показал брошь: из серебряных дубовых листочков выглядывали янтарные желуди.

Наверное, Хрусталик работал с утра до ночи, потому что украшений было великое множество, одно лучше другого: браслеты и подвески, брошки и ожерелья, кольца и сережки. Даше нравилось все. Была бы ее воля, она бы все перемерила, но она стеснялась попросить

об этом гнома-ювелира.

Наконец, гном достал из шкафа последнюю подушечку. На ней лежала цепочка с маленькой подковкой из черного серебра.

— А это для кого? — спросила Даша.

— Эту вещицу мне никто не заказывал. Вдруг захотелось, вот я и сделал. Может потом заказчик отыщется, — сказал Хрусталик.

— А можно мне ее померить? — решила наконец Даша.

— Отчего же нельзя, померить всегда можно. — Ювелир протянул Даше подвеску.

Не успел Петька одернуть Дашу, чтобы она ничего не брала, как та надела цепочку, и тут случилась удивительная вещь: чернота сошла с серебра, и подковка заиграла как золотая. У всех вырвался вздох восхищения. Петька первый пришел в себя.

— Ладно, Дашка, поносила и хватит. Нам дальше надо идти, — сказал он, и сняв с Даши цепочку, вернул ее Хрусталику.

— Что ж, не смею вас задерживать. Если надумаете что заказать, я к вашим услугам, — сказал ювелир. Ребята и гномы попрощались с хозяином мастерской и вышли на улицу.

— Так-так-так, куда же мы теперь направимся? — Борода, хитро прищурившись, посмотрел на Затычку.

— Конечно, в мастерскую нашего знаменитого оружейника Кольчуги.

Оружейная мастерская находилась на соседней улочке. Тут у Петьки глаза разгорелись не меньше, чем у Даши при виде украшений. И было из-за чего. Возле мастерской были выставлены и сабли, и мечи, и шпаги, и палаши. Клинки блестели, как зеркала. Рукояти были покрыты инкрустацией тончайшей работы, а ножны выложены перламутром и отделаны серебром и позолотой.

— Классное оружие, — похвалил Петька.

Молчаливый и степенный оружейник был доволен, что его работу оценили. Он молча поклонился. Как многие люди дела, он был немногословен и привык больше работать руками, чем языком. Кольчуга поклоном пригласил гостей зайти. При виде великолепия мастерской, Петька онемел не в силах оторвать взгляд от развешанного по стенам оружия. Лезвия мечей горели огнем, а ножны, усыпанные самоцветами, играли и переливались. В углу оцетинились копыя, острие каждого из которых было тоньше иглы. На болванках красовались кольчуги такие искусные, что казалось, они сделаны из парчи, а зеркала были отшлифованы так, что в них и впрямь можно было смотреться как в зеркало.

— Ну, у вас тут лучше, чем в историческом музее! — восхищенно произнес Петька.

К мастеру подскочил Затычка и затараторил:

— Он у нас самые сложные заказы выполняет. Меч-кладенец — это его работа.

После всего, что Петька увидел этой ночью, он уже не оспаривал существования меча-кладенца. Оружейник Кольчуга обвел рукой свою мастерскую и вопросительно посмотрел на Петьку.

— Он спрашивает, что тебе нравится больше всего? — перевел молчаливый вопрос Затычка.

Петька оглядел мастерскую. Из такого великолепия выбирать было очень трудно, но тут Петька увидел кинжал, который ему сразу чем-то приглянулся. Петька и сам не знал, чем он ему так понравился, может, оттенком стали, а может тем, что особых украшений на нем не было. По сравнению с другими он был, можно сказать, невзрачный. Так или иначе, но Петька сразу же показал на него.

— Вот это.

Кольчуга с интересом посмотрел на Петьку и впервые за все это время заговорил.

— Я вижу, ты разбираешься в оружии. Во всей мастерской только этот клинок сделан из необычной стали.

— А чего в ней особенного? — спросил Петька, но Кольчуга лишь улыбнулся, молча поклонился и больше не проронил ни слова.

Когда ребята снова оказались на улице, Борода сказал:

— А не зайти ли нам в таверну Лакомки, она как раз через дорогу.

— Точно, закусить никогда не помешает, — поддержал предложение Затычка.

Нельзя сказать, что ребята очень проголодались, но при упоминании о таверне Даша опять захотела пить, а Петьке было интересно, что же едят гномы.

Возле таверны их встретил толстенький щекастый гном по прозвищу Лакомка — лучший повар в городе. В обеденное время и по вечерам в таверне яблоку негде было упасть, но сейчас все работали, и таверна была пуста. Столики были накрыты чистыми скатертями в крупную красно-белую клетку, а на окошках висели такие же занавески. Стойка, за которой восседал Лакомка, была натерта до блеска, а возле стойки висело длинное меню. Чего в нем только не было! И супы, и каши, и котлеты, и салаты, и компоты, и кисели, словом, все, что можно приготовить из овощей и фруктов.

— Где же вы все это под землей выращиваете? — удивилась Даша.

— Сами мы ничего не выращиваем. Гномы — ремесленники, а не пахари, но раз в неделю у нас бывает базарная ночь, когда все обмениваются товарами, объяснил Лакомка

— И с кем же вы обмениваетесь? — поинтересовался Петька.

— В базарную ночь кто только не собирается. Лешие с ягодами, грибами, да лесным медом. Русалки с рыбой да морскими водорослями. Маги заморские парчу, шелка, да пряности привозят. Домовые хлеб сухой приносят, что люди выбрасывают.

— Лакомка из него блюда готовит — пальчики оближите, — вставил свое слово Затычка.

— Так что вам принести? — улыбнулся Лакомка.

— Я хочу пить, — сказала Даша.

— Это я мигом, — Лакомка хитро подмигнул Бороде и побежал выполнять заказ. Через минуту он появился с подносом, на котором стояли две глиняные кружки. Лакомка поставил кружки перед ребятами и выжидательно склонил голову. Даша схватила кружку. Вода была холоднющая, — даже зубы ломило, но такой вкусной воды Даша в жизни не пробовала. Она залпом выпила все до дна, и вытерев рот тыльной стороной руки сказала:

— Вкуснее лимонада.

Петька тоже разом осушил свою кружку. Вода освежила его. Казалось, что с каждым глотком ему прибавлялось силы. Усталость как рукой сняло, будто не было долгого плутания по подземным коридорам и побега от карликов. Даже голова, которая после удара нет-нет да побаливала, теперь была ясная и свежая.

— Ну и вода у вас! Ничего лучше никогда не пил, — сказал Петька.

— Это вода из Хрустального ключа, того самого, что питал озеро. Она силы прибавляет, — сказал Затычка.

При упоминании о силе, Петька вспомнил про испытания, и настроение у него испортилось. Даша подумала о том же и внутренне вся сжалась. Ребята не знали, какие испытания им еще предстоят.

ГЛАВА 14. ИСПЫТАНИЯ

Лакомка суетился, расставляя на столе приборы, но Петька решительно отодвинул от себя тарелку.

— Ладно, хватит нам зубы заговаривать. Давайте сначала ваши испытания, — сказал он.

— Так вы их уже выдержали! — хором воскликнули Борода и Затычка.

— Когда? — так же хором удивились Даша и Петька.

— Только что. Подвеска-подковка сделана не из простого серебра. Тот, у кого в сердце есть хоть один черный уголок, не мог бы даже прикоснуться к ней. А от доброты она начинает блестеть, — сказал Борода.

— Сталь на кинжале заколдованная. Он помогает только тому, кто защищается. А если вздумаешь с ним нападать, то кинжал против тебя обернется. Его не мог выбрать злой человек, — продолжил Затычка.

— А вода из Хрустального ключа делает добрых людей сильными, и усталость снимает, а злой пригубит, — себе на погибель, — объяснил Лакомка.

— А говорили, что ваши испытания на проверку силы, — недоуменно сказал Петька.

— Правильно, нет ничего сильнее добра.

— Ну, это только в сказках добро всегда побеждает, — скептически усмехнулся Петька.

— Нет, добро побеждает всегда, только вы, люди, не всегда это замечаете. Зло хитрое и о себе кричит, а добро дело делает, да помалкивает. Вот зло и заметно больше.

— Эх, так бы сразу и сказали, а я-то думал, может драться с кем надо, или штангу таскать, — засмеялся Петька, а за ним и все остальные.

Из кухни потянуло вкусным ароматом горячих булочек. Лакомка в белоснежном фартуке и поварском колпаке был такой толстенький и аккуратный, что сам его вид возбуждал аппетит. Ребята вдруг поняли, как они проголодались. Выбрать что-нибудь из длинного меню было не так-то просто, все хотелось попробовать, — поэтому Лакомка решил принести угощения на свой вкус. Вскоре стол ломился от яств. За трапезой заговорили о Хрустальном ключе.

— Вы бы нам дорогу к нему показали, — сказал Петька, уписывая за обе щеки брусничный пирог.

— Но мы не знаем дороги, — развели руками гномы.

— Как же так? А воду где взяли? — Петька был уверен, что гномы знают, где находится ключ, только не хотят открывать секрет.

— С тех пор, как озеро стало болотом, ключ запрятан глубоко под землей за крепким запором. У нас с прежних времен остался один бочонок ключевой воды. Мы бережем его как зеницу ока и даем лишь тем, кому занеможется.

— Что же вы, так ни разу и не попытались дойти до ключа и отпереть его? — недоверчиво спросил Петька.

— Ключ может отпереть только человек с горячим сердцем. К тому же дорога к нему лежит через Долину Миражей, — сказал Борода.

— А что это за Долина Миражей? — спросила Даша.

— Этого никто сказать не может. Гномам туда путь заказан. Кто в Долину ходил, назад не возвращался, — покачал головой Борода.

— Как же никто? А Сердитый? — вставил свое слово Затычка.

— Что толку? Лучше б он не вернулся совсем. Не поймешь, кто он теперь: то ли карлик, то ли гном. Вечно злой, ни с кем не разговаривает. Вроде что-то мастерит, а толку чуть.

— А может, он все таки согласится поговорить с нами? — спросила Даша.

Гномы переглянулись и, посоветовавшись, решили, что попытка — не пытка. Надо сходить к Сердитому гному. Уж если кто и знает тайну Долины Миражей, так только он. Закончив трапезу, дети поблагодарили Лакомку, и Борода с Затычкой повели их к домику Сердитого. Домик стоял на краю улицы ремесленников, и хотя был похож на соседние, почему-то казался одиноким и унылым. Подойдя поближе, ребята увидели, что отличало его от других. Он был очень запущенный. За тусклыми давно немывтыми окошками едва просматривались серые от пыли занавески. Над дверью висела огромная паутина, а прямо возле порога выросла большая куча мусора. Из домика доносился то стук молотка, то скрежет напильника, но даже голоса инструментов, звучали как-то натужно и безрадостно.

Затычка постучал в дверь. В мастерской все стихло, но дверь не открылась. Затычка постучал снова. На этот раз сердитый голос крикнул:

— Убирайтесь! Не мешайте работать!

— Фу, как невежливо, — сказала Даша.

Дверь приоткрылась, и оттуда выглянул насупленный гном:

— Кто это сказал? У нас что, — появилась новая Белоснежка?

— Совсем не Белоснежка, а Даша, — сказала Даша, и протянула гному руку. Тот нерешительно пожал ее, сердитая складка между его бровей разгладилась, а губы дернулись в подобии улыбки, но наверное, по-настоящему гном улыбаться не умел.

— Нам нужно идти через Долину Миражей, а говорят, вы знаете ее тайну, — продолжила Даша.

Стоило ей это произнести, как гном отчего-то разозлился и закричал:

— Нет-нет! Не смейте ходить в Долину Миражей! Никогда, никогда, никогда! А теперь убирайтесь отсюда! — он хотел захлопнуть дверь, но Петька подставил ногу и помешал ему.

— Ты лучше не сердись, а толком расскажи, что там и как. Назад нам пути все равно нет, так что, хочешь — не хочешь, а придется идти через эту злосчастную Долину, — сказал Петька.

Через Долину пройти нельзя. Раз попавший в нее никогда не останется самим собой. Она пожирает всех, кто туда попадает. Не ходите в Долину Миражей, этим вы навлечете беду и на себя, и на Город Мастеров, — грустно сказал Сердитый гном, и в глазах его блеснули слезы.

Петька задумался, а потом сказал:

— Знаешь, ты лучше не темни, а расскажи без обиняков, что это за Долина такая, а там мы сами решим, стоит нам туда идти или нет.

— Конечно, мы сами решим, — поддержала Петьку Даша.

Гном вздохнул, задумчиво оглядел ребят и, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы они могли войти, кивнул:

— Что ж, проходите. Я поведаю вам тайну Долины Миражей.

ГЛАВА 15. ТАЙНА ДОЛИНЫ МИРАЖЕЙ

Ребята прошли в мастерскую, но прежде чем Сердитый гном захлопнул дверь, в нее протиснулся Затычка:

— Погодите. Как же без меня?

За порогом остался только Борода. Сердитый вздохнул, махнул рукой и сказал:

— Не хотел я рассказывать гномам свою историю. Стыдно мне. Да, видно, от позора не скроешься, сколько ни прячься. Раз уж так получилось, слушайте все. Пускай другим наука будет.

Он впустил Бороду, и начал рассказ.

«Случилось это давно. Пожалуй, те времена только Борода и помнит. Тогда еще Долины Миражей не было и в помине. Я был молодым да прытким, и звали меня в ту пору иначе. Мастером звали, потому как был я мастер на все руки. Повседневная работа мне скучной казалась. Ну что интересного коньки да салазки мастерить — Новогодние подарки Деда Мороза, или набойки эльфам на туфли ставить? Я любил работу повычурнее, потоньше. Вот лунную дорожку из тончайших серебряных нитей выковать, да так, чтобы она дышала на воде, словно живая, или искорки инея в морозную ночь, чтобы горели и переливались, как самоцветы — это была работа по мне. Да только, что я ни делал, все мне казалось, что могу лучше и больше того сделать. И хотел я сотворить что-нибудь такое, о чем все долго говорить и помнить будут.

Вот однажды пришла ко мне незнакомка, сама в черный бархатный плащ укутана, лицо красивое, словно из мрамора выточенное, а глаза дикие. Назвалась она феей, а больше того не сказала. И заказала она мне раму для волшебного зеркала. Работа эта мне скучной

показалась, да незнакомка сказала, что задача с заковыкой, трудно, мол, для рамы размер подобрать. Был я молодой, бедовый, не поверил, что мне, мастеру на все руки, не удастся какой-то рамы для зеркала выковать. А заказчица условие ставит. Рама должна быть исписана магическими знаками.

Тут уж я напрочь отказался. Мы гномы никогда магических знаков не пишем, если их значения постичь не можем. А дама в черном презрительно рассмеялась мне в лицо.

„Я, говорит, так и знала, что ты откажешься. Куда тебе! Многие мастера искуснее тебя пытались раму выковать, да только никому еще это не удавалось“.

Тут меня словно пришпорил кто. Гордыня во мне взыграла, доказать захотелось, что лучше меня нет никого, и согласился я взяться за работу. Как узнали о том другие гномы, стали меня отговаривать, мол, не доброе это дело. Да разве я кого слушал? Чем больше меня отговаривали, тем больше я думал, что это они от зависти.

Собрался я и в назначенный день пришел в назначенное место. А фея в черном меня уж поджидает. Принялся я за работу. Раму сделать дело не хитрое. Я зеркало вымерил, и к вечеру рама была готова. Стал зеркало вставлять, а оно не идет. Уж я и так и сяк, а все напрасно. С утра начал работу заново. К вечеру новую раму сделал, а она оказалась так велика, что зеркало из нее выпадает. Что за диво? На третий день опять я раму делаю, мерил, мерил, а как работу сделал — все одно, не подходит рама. Задумал я тогда свои мерки сравнить. Сравнил и глазам своим не поверил, — все разные. Знать, зеркало то уменьшается, то увеличивается, как ему заблагорассудится.

Тут уж я в азарт вошел, решил, что раму ту должен во что бы то ни стало сделать. День и ночь работал, все угадать пытался, как зеркало размер меняет, а толку чуть. Не подходят мои рамы к зеркалу, и все тут. И вот однажды разозлился я на зеркало, да так, как никогда в жизни не злился. Все, думаю, если опять рама не подойдет, все сокрушу и зеркало разобью. Что на меня нашло не знаю, ведь всем известно, что гномы никогда ничего не ломают, а только мастерят.

Со злости сделал я последнюю раму. Примерил к ней зеркало, и вдруг оно точнехонько в раму вошло. Тут появилась откуда ни возьмись огромная летучая мышь, о землю ударилась и обратилась в даму в черном. Только тогда узнал я женщинумышь. Это была Морра. Схватил я зеркало, хотел из рамы вытащить, да куда там, оно сидело, как влитое. Глядя на мои попытки, Морра расхохоталась:

— Не старайся, ты выполнил свою работу на славу.

Она топнула ногой, и из зеркала выплеснулись черные кляксы. От неожиданности, я выронил зеркало. Кляксы стали расти, обретая очертания страшных уродов с шакальими мордами и тщедушными тельцами карликов. Они окружили меня плотным кольцом, скаля желтые клыки, готовые напасть в любую минуту и разорвать в клочья. Я глянул на зеркало и оцепенел. Оно росло. Чем больше чудовищ выпрыгивало из него, тем больше становилось зеркало.

Наконец, из зеркала сползла последняя клякса. Теперь зеркало было выше меня. Карлики-шакалы со злобным рычанием приближались. Я понял, что это оборотни. Еще мгновение и они нападут на меня, и я стану таким же, как они. Я закрыл глаза, но вдруг Морра прикрикнула на своих слуг:

— Пошли вон. Разве не видите, что это мастер — ваш спаситель. Если бы не он, сидеть бы вам в Зеркале Кривды вечно.

Оборотни отступили, а Морра продолжала, обращаясь ко мне:

— Зеркало кривды обрело магическую силу, ты помог мне выпустить оборотней. Отныне это место станет Долиной Миражей. Оборотни вечно будут властвовать здесь. Каждый, кто попадет сюда, сам станет оборотнем. Но это еще не все. Знай, чем больше оборотней будет в Долине, тем сильнее будет зеркало, и Долина будет расти вместе с зеркалом.

Я представил, как Долина простирается все дальше и дальше, поглощая Город Мастеров, и бросился к ненавистному зеркалу, чтобы разбить его, но Морра рассмеялась пуще прежнего:

— Если ты разобьешь зеркало, то его осколки разлетятся по Городу Мастеров. Они пронзят сердца гномов, как ядовитые жала, и обратят их в камень, и тогда гномы навечно превратятся в карликов.

Руки у меня опустились. Я понял, что никогда не смогу разбить зеркала. А Морра стояла, высоко подняв голову, и презрительно глядя на меня. Плащ ее развевался, она взмахнула руками-крыльями и начала приговаривать:

Всюду, всюду миражи:

Вы попали в царство лжи.

В зеркалах что отразится,

То тотчас преобразится

То ль ворона, то ль жар-птица,

То ли бред, а то ли снится.

Все на свете исказится

Так, что сразу не поймешь,

Где тут правда,

Где тут ложь...

Сам себя не узнаешь.

Где тут ложь?

Сплошь...

Я ждал, что Морра превратит меня в оборотня, испепелит или уничтожит. Я был готов ко всему. Любая кара была бы для меня мала, такое несчастье я навлек на гномов, но Морра сказала:

— Я умею платить за работу. Ты будешь единственный, кто уйдет из Долины Миражей.

Лучше бы Морра меня уничтожила. Я вернулся в Город Мастеров, но уже никогда не стал мастером. День-деньской я пытаюсь сделать хоть что-нибудь, но эти противные инструменты словно сговорились против меня. Даже самая простая работа не удается мне. Сейчас никто не помнит, что когда-то я был Мастером. Теперь меня зовут Сердитым. Вот она плата за непослушание и за то, что я считал себя лучше и умнее других.»

ГЛАВА 16. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ШАР

Сердитый гном закончил свой рассказ и сидел, низко склонив голову. Первым молчание нарушил Петька.

— Неужели нет никакой обходной дороги?

— Нет, все дороги ведут в Долину Миражей, — ответил Борода.

— Должно же быть что-то, чего эти оборотни боятся: чеснока, например, или серебряных пуль, — с досадой сказал Петька.

— Солнечного зайчика они боятся, — уверенно сказала Даша.

— Откуда ты знаешь? Ты что, читала эльфийские книги? — гномы с интересом уставились на Дашу.

— Читала! Конечно... — начала было Даша, но посмотрев на Петьку, осеклась и неопределенно повертела в воздухе рукой, — ... кое-что читала.

Даша немного помолчала, а потом добавила, обращаясь к Петьке:

— Там, Петенька, и про зайца, между прочим, есть.

Петька усмехнулся. Он-то знал, что «кое-что» означало половину букваря, где на букву «З» действительно было про зайца.

— В мою бытность Мастером, я тоже умел читать по-эльфийски. — Сердитый тяжело вздохнул. — Эльфы даже подарили мне за работу книгу премудростей. Помнится, там говорилось про то, как победить оборотней.

— Так это ж как раз то, что нам нужно, — оживился Петька.

— Что ты, что ты! Спроси у своей сестры. Она читала эльфийскую книгу и знает, что оборотней можно одолеть только с помощью солнечного света, сказал Сердитый и грустно добавил, — но Долина Миражей находится под землей, куда никогда еще не проникал ни единый луч солнца.

— А вот и проникал! — воскликнула Даша. — У нас есть солнечный зайчик!

Эта новость поразила гномов, как гром среди ясного неба. В глазах подземных человечков загорелась искорка надежды:

— Где же ваш зайчик? — они в нетерпении столпились вокруг ребят.

— Петь, покажи, — попросила Даша.

Петька вытащил из кармана кошелек:

— Ну, это не то, чтобы солнечный зайчик. Вернее, это конечно зайчик, но только... Короче, мы не знаем, где он прячется, Петька открыл кошелек, в котором лежали горошины.

Вдруг одна горошина выскочила из кошелька, покатила по полу и, едва не провалившись между половицами, остановилась на самом краю щели.

— Ой, одна потерялась, — воскликнула Даша, проворно подняла горошину и хотела положить ее обратно в кошелек, но горошина выскользнула из рук.

— Эх ты, руки крюки, — сказал Петька, нагнулся за горошиной, но та, словно живая, откатилась в сторону.

Через минуту Петька, Даша и все три гнома ползали на четвереньках, пытаясь поймать прыткую горошину, которая ускользала прямо из-под пальцев. Горошина скакала из стороны в сторону. Стоило поимщикам обнаружить ее в одном месте, как она тут же перескакивала в другое.

— Ну, ребята, это неспроста, — почесал затылок Петька.

Даша села и, покусывая губу, в задумчивости наморщила лоб.

— Мы его совсем запугали, — вдруг сказала она и, встав на колени, обратилась к непоседливой горошине. — Не бойся. Ты ведь солнечный зайчик, да?

Горошина застыла на месте, как бы прислушиваясь к Дашиным словам, а потом подкатилась чуть ближе.

— Тебе, наверное, надоело сидеть взаперти? — продолжала Даша. — Еще бы, когда меня не выпускают гулять, мне тоже очень тоскливо. Если не хочешь, мы тебя больше в кошелек не посадим.

При этих словах горошина подкатилась еще ближе. Даша подставила ладонку, и горошина вкатилась прямо на нее.

— Это солнечный зайчик! Маленькая волшебница приручила его! — Затычка даже подпрыгнул от радости.

— Если у нас есть солнечный зайчик, осталось только прочитать как победить оборотней. Где твоя книга премудростей? — обратился Борода к Сердитому.

Сердитый бросился к полке и с благоговением достал толстенную книгу. По-видимому, ее не брали уже много лет. С книги поднялось такое густое облако пыли, что все дружно чихнули. Гном, расчистив место на столе, заваленном всякой всячиной, бережно положил огромный фолиант. Он любовно протер книгу от пыли и раскрыл ее.

Сердитый медленно повел пальцем по строчкам. Потом он перевернул страницу, другую, третью... Нервным движением он перелистывал листы, что-то бормоча себе под нос. Все застыли в ожидании. Наконец, гном отодвинул от себя книгу. В глазах его читались ужас и недоумение.

— Что там написано? — в страхе воскликнули остальные.

— Нет, нам не одолеть оборотней, — упавшим голосом сказал Сердитый. Я забыл, как читать эльфийские знаки.

В мастерской повисло тяжелое молчание.

— Ничего страшного, — вдруг нашелся Затычка. — Ведь маленькая волшебница умеет читать по-эльфийски.

Все взоры обратились на Дашу. Честно говоря, она и по-русски-то читала только по слогам, а признаваться в том, что она чего-то не умеет было не в ее правилах. Даша почувствовала себя неуютно. Она обернулась к Петьке и серьезно сказала:

— Петя читает громче.

Петька покосился на Дашку и глянул в книгу. Страницы были испещрены какими-то непонятными значками и закорючками.

— Не, по-эльфийски у нас только Дашка мастак. Она у нас волшебница, так что все вопросы к ней, — усмехнулся он.

Даша заглянула в книгу, вздохнула, посмотрела на Сердитого и сказала:

— Я, конечно, могла бы прочитать вместо тебя, но тогда ты никогда не научишься читать снова. Постарайся! Ты сам все вспомнишь.

Гном опять начал листать страницы, но чем больше он смотрел в книгу, тем мрачнее становился.

— погоди! — вдруг остановил его Петька. — Смотри-ка, зеркальный шар!

В углу пожелтевшей страницы был рисунок шара, обклеенного множеством мелких зеркал.

— Ну, шар. Ну и что? — угрюмо спросил Сердитый.

— А то, что у нас в школе на Новый год так зал украшают. Шар под потолком подвешивают и начинают вращать, а потом на него луч света направляют. Свет на зеркала попадает, отражается и разбрасывает во все стороны солнечных зайчиков. Получается очень здорово! Как будто снег идет. — Петька многозначительно помолчал, а затем с видом знатока продолжил, — Соображаешь? Из одного солнечного зайчика можно хоть миллион сделать!

Гномы с уважением уставились на Петьку.

— Вспомнил! вдруг воскликнул Сердитый. — Я же читал, как победить оборотней! Надо сделать зеркальный шар легче воздуха, чтобы в движение его приводил солнечный зайчик.

— Зеркальный шар легче воздуха сделать нельзя, — уверенно заявил Петька.

— Можно, тут как раз написано, как. Эх, если б я умел работать, как раньше, но мои руки будто подменили. Ничего у меня не получится, — Сердитый с досадой махнул рукой.

— Руки тут не при чем. Здесь другая причина, — серьезно сказала Даша.

— Какая? — гном с тоской посмотрел на девочку.

— Злишься ты очень, вот в чем дело. Я по себе знаю, когда я злюсь, у меня ничегошеньки не получается, а когда злиться перестаяю, сразу все выходит.

— Но раму-то я сделал, когда разозлился, — сказал Сердитый, и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. — Понял! Я все понял! Раму для зеркала кривды смастерить — дело недоброе, потому и сделал я ее со злости. Ты права, маленькая волшебница! Добрые дела со злостью в сердце не делают, вот у меня ничего и не получалось.

— Правильно. Просто тебе надо превратиться из Сердитого опять в Мастера, — кивнула Даша.

— Меня заколдовала Морра, значит, расколдовать может только добрая волшебница. — Сердитый с надеждой посмотрел на Дашу. — Может, ты меня превратишь обратно в Мастера?

— Кто? Я?! — удивилась Даша, но через мгновение ее удивление сменилось

решительностью. Быть волшебницей ей явно нравилось. — Я попробую, милостиво согласилась она, но вовремя вспомнив, что искусством превращений она еще никогда не занималась, добавила, — ой, только для этого нужна волшебная палочка.

Гном был так искренне огорчен, что Даше стало жаль его.

— Ладно, я постараюсь, только если без палочки не получится, ты, пожалуйста, не обижайся.

— Как не получится? Ты ведь волшебница, — забеспокоился Сердитый.

— Ну, не то чтобы совсем не получится, а, скажем, вместо Мастера ты можешь превратиться в Затычку или в Бороду, — серьезно сказал Петька, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Сердитый так хотел снова стать Мастером, что согласился и на это. Гномы наблюдали за Дашей с благоговейным страхом. Ну как действительно появится второй Затычка? Петька же не переставал удивляться Дашкиным фантазиям. Ну, артистка!

Даша поставила гнома посреди мастерской, торжественно положила руки ему на плечи и сказала:

— Ты должен закрыть глаза, три раза повернуться вокруг себя и громко-прегромко повторить: «Я Мастер!»

Даша подняла руки вверх и начала что-то бормотать про себя с таким видом, будто произносит заклинание.

Сердитый сделал все, как велела Даша, но, как и следовало ожидать, ничего не произошло. Гномы с облегчением увидели, что ни Затычкой, ни Бородой Сердитый не стал. Он был такой же как всегда. Гном открыл глаза, задумчиво постоял минутку, оглядел свою мастерскую, посмотрел на инструменты, заглянул в книгу и вдруг рассмеялся:

— Я — Мастер! Я вспомнил эльфийские знаки! Скорей за работу!

— Получилось, — охнула удивленная Даша.

Теперь и все заметили, что Сердитый вовсе не такой, как раньше. Он преобразился: глаза его светились добротой и радостью. Сердитые морщинки разгладились. Перед ними был Мастер.

Не теряя времени даром, Мастер принялся за работу. Он взял у Даши непоседливую горошину, оглядел ее, внимательно прочитал нужную главу из книги и, мурлыча себе под нос веселую песенку, начал доставать с запыленных полок инструменты. Некоторые он клал на верстак, другие же, придирчиво осмотрев, возвращал на полку. Наконец, он вытащил из шкафчика плоские плошечки, развел в них мыльную пену и, вручив ребятам по соломинке, велел пускать мыльные пузыри.

ГЛАВА 17. В ПОГОНЮ

В это время глыба, закрывавшая вход в подземелье, задрожала. Края ее раскались и окрасились в ярко алый цвет. Казалось, будто кровь тонкой струйкой стекает по рваным краям каменной раны. Подземный коридор осветился зловещим красноватым светом. В невидимые щели между глыбой и стенами подземелья стал проникать едкий черный дым. Он

щупальцами обволакивал коридор и сматывался возле входа в густой черный клубок. Клубок дыма купался в отблесках раскаленного камня, багровые всполохи пронизывали его, и от этого дым казался то черным, то кроваво-красным.

Вот дым стал подниматься столбом вверх, скручиваясь в спираль, словно смерч. Он все быстрее кружился в бешеной пляске, сгущаясь и уплотняясь, пока, наконец, не стал непроницаемо черным. И тут смерч замер и приобрел очертания женщины в черном бархатном плаще. Лицо женщины белело во мраке подземелья, словно гипсовая маска. Женщина взмахнула плащом, будто крыльями, и вихрем полетела вниз, вглубь подземелья. Полет ее был так стремителен, что его нельзя было уловить простым взором. Казалось, сильный порыв ледяного ветра пронесся по подземным коридорам. Морра хорошо знала дорогу.

Через секунду черный смерч кружился в подземной пещере, где на толстых цепях висел над костром огромный закопченный котел. Пламя костра, как высоко оно ни было, заколебалось, затрепетало и угасло от ледяного шквала, налетевшего со смерчем. Тлеющие угли, лежали на месте костра, переливаясь червонным золотом, словно это были не головешки, а золотые слитки. Смерч стал замедлять свое вращение и, наконец, замер. Посреди пещеры стояла Морра. Гибкий стан ее был обтянут черным шелком. Диким взором она обвела пещеру. Карлики, как подрубленные, пали ниц.

Морра усмехнулась и, обернувшись к погасшему очагу, взмахнула над ним крылом плаща. Языки пламени начали робко высовываться из тлеющих головешек. Они на мгновение взмывали вверх и прятались вновь, словно костер не решался разгореться в полную мощь. Пламя ли, холод ли, ничто не могло причинить Морре боль. Разве может пламя обжечь тень? Морра не спеша достала из огня тлеющую головешку. Та мерцала на ладони колдуньи то красноватым, то золотистым светом, пока вдруг не застыла, превратившись в огромный кусок золота. Морра повертела самородок в тонких холеных пальцах и швырнула его карликам. Толпа тщедушных уродов издала вздох восхищения. Карлики жадно, не отрываясь, смотрели на самородок, не решаясь приблизиться к нему без соизволения хозяйки. Глаза их алчно горели, руки дрожали от желания схватить золото и ласкать его скрюченными пальцами.

Морра обвела карликов пристальным взглядом и презрительно бросила:

— Дарю.

Тут же, словно сорвавшиеся с цепи псы, карлики ринулись к золотому слитку. Те, кто был поближе, стремились ухватить золото первыми, задние навалились на счастливых. Карлики расталкивали друг друга локтями, пинали ногами, рвали друг другу волосы, топтали упавших, стремясь, во что бы то ни стало, завладеть желанным самородком.

На губах Морры застыла довольная усмешка. Она долго с видимым удовольствием наблюдала за жестокой схваткой, пока, наконец, из кучи тел не выполз Карлик-горб. Израненный и избитый, он прижимал к груди заветный самородок. Губы его кривились в улыбке, а глазами он пожирал добытое им сокровище. Потасовка продолжалась. Морра выхватила из-за пояса длинный хлыст и начала стегать им сбившихся в клубок карликов.

— Прочь! — крикнула колдунья.

Клубок тел тут же распался. Карлики, ссутулившись и испуганно глядя на Морру, снова пали ниц. Морра подманила к себе Карлика-горба. Словно побитый пес, он покорно засеменил к хозяйке.

— Ты, как я вижу, не потерял былой сноровки. Еще можешь ухватить кусок пожирнее! Не даром в жоках ходишь, — Морра с одобрением поглядела на Карлика-горба. — Если ответишь на мой вопрос, золото твое. Что это? Рукояткой хлыста она указала на самородок.

— Золото, — запинаясь, не произнес, а скорее выдохнул горбун.

Морра расхохоталась.

— Нет, это не золото. Это власть, сила, могущество. Это то, из-за чего люди готовы убивать друг друга, продавать и предавать. Это то, что держит их в повиновении. Вот, что это такое!

Ведьма коснулась самородка, и тот, превратившись опять в тлеющую головешку, замерцал в руках у Карлика-горба червонным огнем. Карлик взвизгнул от боли и выронил головешку. Упавши на пол, она разбилась и тут же погасла, обратившись в куски черного угля и пепла. Морра поддела их носком туфли и усмехнулась:

— Вот цена силы, преданности и власти, приобретенных за золото! Морра вновь расхохоталась. Карлики подобострастно растянули губы в подобии улыбок. Морра оборвала свой смех так же внезапно, как и рассмеялась. Она обвела уродцев тяжелым взглядом и глухо сказала:

— Ну, а теперь показывайте вашу добычу.

Карлик-горб ринулся к темнице, распихивая и расталкивая остальных, чтобы первым угодить хозяйке. Морра стояла, скрестив руки на груди, и ждала, когда к ней приведут детей. Ожидание затягивалось, Морра начала нервно постукивать носком туфли по каменному полу. Наконец, решив, что она ждет слишком долго, Морра расправила крылья-плащ и стремительно подлетела к темнице.

Возле входа столпилось несколько карликов, среди них был и Карлик-горб. Лица карликов исказил неопиcуемый ужас. При виде Морры они сжались и затряслись мелкой дрожью. Морра заглянула в темницу. Каменный мешок был пуст.

— Где?! — взвизгнула колдунья. Она схватила за шиворот в конец сгорбившегося Карлика-горба и начала неистово трясти его.

Карлик беспомощно заскулил. Он знал, что пощады от Морры ждать не приходится.

— Ты мне за это ответишь, — прошипела ведьма и отшвырнула Карлика-горба, словно ненужную тряпку.

— Где мой магический кристалл?! — Морра пошарила в складках плаща и вытащила молочно-белый стеклянный шар величиной с яблоко. Она провела по нему тонкими изящными пальцами, и белизна, как бы растворяясь, стала исчезать. Вот в кристалле возникла картина: словно кадры фильма, в нем пробегали коридоры подземелья. Они то сворачивали, то разбегались в стороны, то пересекались вновь. Лабиринт коридоров был пуст. Морра напряглась, чтобы вызвать в кристалле нужное ей видение. Она хотела знать, где находятся беглецы. Вот ей показалось, что она напала на их след, но тут кристалл вновь подернулся туманной пеленой.

— Проклятье! Они в Городе Мастеров. Я бессильна видеть, что делается там! — воскликнула Морра, готовая грохнуть кристалл об пол.

Вдруг ведьма вновь устремила взгляд на магический шар. Морра вспомнила, что в Городе Мастеров есть одно место, где она обладает властью, — пусть и не такой сильной, как в других местах подземного царства. Мастерская того самого глупца, что выковал раму для Зеркала Кривды. Пока существует Долина Миражей, ему не освободиться от ее власти.

Морра долго вертела в руках мутно-белый шар и водила над ним тонкими пальцами, пока, наконец, в кристалле не появился едва заметный просвет. Шар был словно окутан туманом, но Морра все же различила фигуры детей и нескольких гномов. Один из них, наверняка это

был хозяин мастерской, что-то мастерил. Шар то заволакивало пеленой, то в нем снова появлялись размытые силуэты. Что же они делают? Морра напряглась, и вся обратилась в зрение, но как ни старалась — ничего не могла понять. Лицо Морры исказило бешенство.

— Карлика-горба сюда! — взвизгнула она.

Толпа уродов выбросила горбуна к ногам Морры. Ведьма вцепилась ногтями ему в плечо и прошипела:

— По твоей милости Долина Миражей оказалась в опасности. Гномы с людишками что-то замышляют. Ты отправишься в Город Мастеров и помешаешь им.

Горбун в ужасе содрогнулся. Город Мастеров был так пронизан духом добра, что ни один карлик не мог долго находиться в нем, не испытывая мучений, но страх перед Моррой был сильнее. Морра со всех сил толкнула Карлика-горба. Тот стукнулся об пол и обратился в огромную омерзительную крысу.

— Если ты не выведаешь и не нарушишь их замыслов, то даже жизнь в крысиной шкуре покажется тебе блаженством. Спешу. Ты знаешь, я не бросаю слов на ветер.

ГЛАВА 18. ПОХИЩЕНИЕ

Петька не мог взять в толк, какой прок от мыльных пузырей, но не решился отрывать своими вопросами Мастера, который был погружен в какие-то расчеты. Повертев в руках соломинку, Петька пожал плечами и начал пускать мыльные пузыри. Большие и маленькие шары медленно парили в воздухе. Они переливались разными цветами, поворачиваясь то розовыми, то зеленоватыми, то лиловыми бочками. Некоторые сталкивались друг с другом и сливались в прозрачные причудливые грозди. Другие, менее удачливые, натыкались на стены или на мебель и от них не оставалось и следа. Даша присоединилась к Петьке. Пускать мыльные пузыри было одним из ее любимых занятий. Один за другим из ее соломинки стали появляться братцы пузыри, и вскоре вся мастерская была увешана гирляндами прозрачных шаров.

Затычка заерзал на скамейке. Он не мог сидеть в стороне, когда все были при деле. Он тоже схватил соломинку, обмакнул ее в пену и уже было приставил к губам, как ему в голову пришла отличная мысль: зачем каждый раз макать соломинку в пену, когда можно выдуть все пузыри сразу. Не долго думая, он сунул соломинку в плоскую и, набрав в легкие побольше воздуха, дунул. Мыльная пена разлетелась во все стороны, обдав и Дашу, и Петьку, запутавшись в волосах Бороды и попав в глаза Мастеру, который тотчас же опять превратился в Сердитого.

— Так невозможно работать, — в гневе он затопал ногами.

— Не сердись, давай я Затычку временно в Немешайку превращу, предложила Даша, окрыленная своим первым успехом в роли волшебницы.

— Ой-ой-ой, если я стану Немешайкой, мне придется сидеть без дела! заволновался Затычка.

— Зачем же без дела. Ты мыльные пузыри считай, — пошутил Петька, но Затычка воспринял шутку всерьез.

— Будьте спокойны, я их все сосчитаю. Ни одного не пропущу, обрадовался он, и работа

закипела.

По мастерской опять закружились разноцветные шары. Увлеченный делом, Петька тем не менее не забывал следить за Мастером, чтобы не пропустить, что он будет делать с мыльными пузырями. Мастер стоял посередине комнаты, как бы присматриваясь к парящим шарам. Время от времени он ловил то один, то другой шар, примерял к ним горошину, а потом вновь отпускал в воздушное плавание. К Петькиному удивлению, ни один пузырь не лопнул в руках Мастера. Все они оставались целехонькие, словно были не из мыльной пены, а из тончайшего стекла. Петька несколько раз попытался поймать мыльный пузырь, но у него на ладони оставалось лишь мокрое пятно. Тут он заметил, что Дашка украдкой тоже старается ухватить мыльные пузыри, но не тут-то было. Едва она прикасалась к невесомому шару, как он тут же лопался.

— Рожденный ползать летать не может, — продекламировал Петька.

— Чего? — не поняла Даша.

— Я говорю, как там у вас, у волшебников насчет ловли мыльных пузырей? — язвительно спросил Петька.

Даша передернула плечами, для порядка обиженно посопела, давая понять, что ей не нравятся Петькины насмешки, и опять принялась пускать пузыри. Вдруг из ее соломинки появился маленький пузырик, который начал раздуваться и расти, как на дрожжах. Вот он стал величиной с яблоко, потом с маленькую дыньку, и все продолжал расти. Наконец, он оторвался от соломинки и повис в воздухе. Что это был за красавец! Он был размером со средний мяч, а его бока переливались всеми цветами радуги. Стоило Мастеру поймать мыльный пузырь и поднести к нему горошину, как та проворно проскользнула внутрь. Как ни странно, пузырь не лопнул. Мастер выпустил его из рук, и шар продолжал парить в воздухе, хотя внутри него точно поплавок плавала крошечная горошинка. Но на этом работа не кончилась.

Мастер налил в таз воды, взял тонкий длинный ножик похожий на острый лист осоки и начал ловко кроить зеркальную гладь, словно это был кусок ткани. Петька от удивления вытаращил глаза. «Попробовал бы я рассказать об этом учительнице физики, она бы мне тут же двойку вкатила. Эх, жаль фотоаппарата нет!» — подумал Петька.

Мастер трудился с таким воодушевлением, что не замечал ничего вокруг. Руки его двигались споро и слаженно. Он резал зеркальную гладь воды на мелкие пластинки, прикладывал их к мыльному шару, и они прилипали, как приклеенные. Наконец весь шар был покрыт множеством зеркал, многократно отразивших мастерскую. Мастер еще раз внимательно осмотрел шар со всех сторон и, видимо, оставшись доволен своей работой, одобрительно кивнул.

— Готово? — решила спросить Даша.

— Почти. Осталось сделать его прочным, чтобы не лопнул чего доброго, вот тогда будет готово.

Мастер опять погрузился в чтение книги. Перечитав страницу дважды, он бросился к шкафчику, где стояли разные пузырьки, флаконы и банки: крошечные и большие, пузатые и плоские, прозрачные и из темного стекла. Он достал пыльный флакон, прочитал этикетку, приоткрыл крышку, понюхал и, убедившись, что это именно то, что нужно, направился к шару. Все сгрудились вокруг, наблюдая за каждым движением Мастера.

Гном открыл флакон, пробормотал заклинание и капнул на шар тягучей маслянистой жидкостью. Шар задымился, а затем вдруг стал съеживаться прямо на глазах. У Петьки с

Дашей аж дух захватило. Они испугались, что шар вот-вот исчезнет совсем, но ничего подобного не случилось. Шар стал похожим на орешек и таким же твердым на ощупь. Мастер довольно потер руки:

— Вот теперь готово. Шар нельзя ни разбить, ни сломать.

— Что же это за шар? Вон он какой маленький, — Даша разочаровано сморщила нос.

— Когда солнечный зайчик проснется, шар снова станет большим. Слышишь, пока он спит внутри, — Мастер тряхнул необычным орешком, и все услышали, как внутри перекачивается горошинка.

Даша взяла орешек, тоже тряхнула его и приложила ухо к скорлупке:

— Эй, зайчик, ты спишь?

Из скорлупки в ответ донеслось лишь легкое постукивание.

В это время возле стола послышался шелест. Все обернулись. На столе возле Книги Премудростей сидела огромная, величиной с сибирского кота, крыса. На спине у крысы был нарост, наподобие большого горба. Ее маленькие злобные глазки были налиты кровью. Крыса выдернула страницу из книги, зажала ее в зубах, и хлестнув омерзительным длинным хвостом, соскочила со стола.

— Моя книга! Моя прекрасная книга! — воскликнул Мастер и бросился к фолианту.

Бросив вырванную страницу, крыса метнулась в сторону Даши. Даша завизжала и кинулась прочь, но споткнулась и растянулась на полу. Крыса оскалила острые желтые зубы и подскочила к девочке, готовая напасть. Петька понял, что помешать ей не успеет. Тогда он схватил попавшийся под руку молоток и изо всех сил запустил им в мерзкую тварь. Молоток попал крысе по задней лапе. Она пронзительно запищала, отскочила от Даши, схватила что-то на ходу и, прихрамывая, кинулась к двери.

Петька бросился к Даше. Сестренка пыталась что-то сказать, но слезы душили ее, и Петька не мог разобрать ни слова.

— Она тебя укусила? — Петька тряс Дашу за плечи.

— Шар... шар... — выдавила Даша сквозь рыдания.

— Что?! — вскрикнул Петька. — Быстро! В погоню! Наш зеркальный шар у крысы! — И он первый выскочил на улицу.

С этого дня горбатый стал еще и хромым. Перебитая лапа волочилась, мешая бежать, но двойной страх: перед гномами и перед Моррой гнал его вперед. К счастью горбуна, пока гномы и дети не опомнились, у него было время добежать до конца улицы.

Выскочив из дома, Петька увидел лишь мелькнувший за углом крысиный хвост. Крыса свернула на окраину Города Мастеров. Перебитая лапа все больше давала о себе знать. Горбатый замедлил бег. Петька же, напротив, бежал так, словно он сдавал кросс на оценку. Расстояние между крысой и Петькой неумолимо сокращалось. Когда крыса выскочила из Города Мастеров и опрометью кинулась по дороге в Долину Миражей, между ними было не больше десяти метров.

Петька бежал за воров, не жалея сил и не замечая ничего вокруг. Он едва не наступал крысе на хвост. Сердце Петьки отчаянно забило от радости. Он уже протянул руку, чтобы схватить крысу за длинный лысый хвост, как вдруг крыса исчезла, словно сквозь землю

провалилась. Петька остолбенел. Он протер глаза и в недоумении огляделся. Дорога была пустыня. Гномы с Дашей так отстали от Петьки, что их не было видно. Петька хотел было повернуть, но что-то подсказало ему, что стоит сделать хоть один шаг назад, и они с Дашей никогда не смогут выбраться из подземелья.

Петьку сковал страх. Ему стало жутко, как перед первым прыжком в бассейне с семиметровой вышки. Он вытащил из кармана кошелек и дрожащими руками расстегнул застёжку. Горошины не подавали признаков жизни.

«Вечно их не дождешься, когда надо», — в отчаянии подумал Петька и сунул кошелек назад.

Чувство страха целиком завладело им. Кровь гулко стучала в висках, по спине побежали мурашки, а грудь словно сдавило железным обручем. Петька хотел повернуться и бежать без оглядки, не разбирая дороги, но внутренний голос все явственнее и настойчивее советовал ему оставаться на месте, и Петька стоял.

— Ну куда я пойду? Возвращаться плохая примета, — громко вслух сказал он. Звук собственного голоса немного успокоил его. В это время вдалеке на дороге показались гномы и Даша. У Петьки отлегло от сердца. Он с облегчением вздохнул. Пустынная дорога уже не казалась такой зловещей.

Вскоре к Петьке подбежал Мастер, а вслед за ним Затычка с Дашей. Последним еле доковылял старенький Борода.

— Упустил, — сокрушенно махнул рукой Петька. — И куда она подевалась? Как в воду канула.

— Ничего удивительного. Здесь начинается Долина Миражей. Это владения Морры, — сказал Мастер.

— Значит, шар мы потеряли. Называется, допрыгались, — с досадой сказал Петька. — Ну, Дашка, все неприятности из-за тебя.

— Знаешь что, Петенька... — начала Даша, но Мастер перебил ее.

— Эх, жалко, я не захватил с собой инструментов, без них я как без рук. Ну, да все равно. Я пойду с вами. Может, вместе мы и одолеем эту долину, — решительно сказал он.

— Тогда и я пойду. Еще ни одно важное дело не обходилось без Затычки, — вставил Затычка.

— Эх, тряхну-ка и я стариной! — расхрабрился Борода, который едва отдышался после пробежки. Он резво шагнул вперед, но вдруг охнул и схватился за спину.

Даша положила руку ему на плечо.

— Тебе идти нельзя, ты старенький. Вот мы освободим ключ, ты попьешь, станешь снова здоровым и сможешь ходить далеко-далеко.

— Да, ты права, я для вас буду только обузой, — вздохнул Борода. — Не думал я, что вы покинете наш город столь скоро, но коли так случилось, я должен вернуть вам наш долг: помощь, которую вы заслужили.

Петька с Дашей вопросительно посмотрели на гнома.

— Наши подарки попроще, чем у эльфов, — продолжал Борода, — да тоже с секретом. Первый подарок — подковка, — гном протянул Даше подвеску, — Она от зла уберезет и в

трудную минуту поможет. А второй подарок просил передать оружейник Кольчуга, — Борода вытащил из-за пазухи кинжал и вручил его Петьке.

— Да это же тот самый, что мне в мастерской понравился! — узнал кинжал Петька.

— Он и есть. От нападения он защитит. А против нападающего, обернется, — предупредил Борода.

Петька поблагодарил старика за подарок, и заткнул кинжал за пояс. Ребята и гномы попрощались с Бородой, и четверо путников пошли по дороге, ведущей в Долину Миражей.

ГЛАВА 19. ТУМАН

Магический кристалл начал светлеть. Морра подалась вперед, напряженно вглядываясь в стеклянный шар. Сквозь редящую белизну медленно проступала петляющая лента дороги, убегающей вдаль. Здесь подземной пещере не было конца и края. Выжженная равнина с растрескавшейся землей, тянулась до самого горизонта. Неизвестно откуда лился ровный сумеречный свет. Все яснее и четче проявлялась картина в кристалле, и вот, наконец, Морра увидела то, что хотела: маленькие фигурки на пустынной дороге. Почему их четыре?

Морра, не мигая, смотрела на кристалл. Узнав в одном из гномов Мастера, она в ярости сжала кулаки. Этот досужий коротышка решился выступить против нее? Что ж, она принимает вызов. Она прочит и его, и другого глупца, увязавшегося за ним в Долину. Этих подземных делателей железок пора поставить на место. Они всегда стояли у нее на пути и мешались под ногами. Она отучит их соваться в ее владения.

Откинувшись на спинку каменного кресла, Морра поигрывала кристаллом, размышляя, какую изощренную кару придумать для путников. Морра была спокойна. В Долине она хозяйка, там ей нет равных.

Она опять мельком взглянула на кристалл. Теперь картина в нем была ясная и четкая, прежней белой пелены не осталось и следа.

Туман, окутывавший кристалл, исчез. Вдруг зловещая ухмылка искривила губы Морры. У нее созрел план.

— Пусть будет туман! — чеканя каждое слово, произнесла она.

Морра спрятала магический кристалл и стремительно подошла к котлу, висевшему над вновь разгоревшимся огнем. Зеленоватое варево в нем бурлило, громко булькая и нароя выплеснуться через край. Карлики раболепно подползли на коленях к Морре и застыли в угодливых позах вокруг котла. Морра окинула их взглядом и резким движением опрокинула тяжелый котел.

Кипящее зелье выплеснулось, ошпарив уродцев. Те с подвыванием отскочили от котла. Морра глянула, как они корчатся от боли, и расхохоталась. Карлики, сидевшие подальше, угодливо захихикали. Среди карликов, Морра получала истинное наслаждение. Кого еще можно было мучить, топтать, унижать, встречая в ответ такое подобострастие? Но однако, сейчас было не до развлечений. Надо приниматься за дело. Морра распахнула плащ и зашептала:

Там, в Долине, все обман:

Ясный день или туман.

Над землей клубится пар

Это вырвался кошмар.

Просочился вдруг наружу,

Медленно вскипевший ужас.

Нет спасенья в миражах,

Там царит повсюду страх.

Пар от выплеснувшегося зелья устремился из пещеры. Сначала он стелился по земле, а потом набирая скорость, перекачиваясь причудливыми клубами, понесся все быстрее и быстрее, пока не вырвался из подземных коридоров на плоскую равнину, где мгновенно растекся по всей Долине.

Земля дышала, как в жаркий день после прошедшего ливня. Пар робкими дрожащими струйками поднимался от обнаженной каменистой почвы и таял без следа, но вскоре он начал густеть. Он лизал ноги путников и, едва пропустив их, тотчас смыкался вновь. Даше было неприятно прикосновение этого пара, и она старалась как цапля повыше поднимать ноги. Между тем пар все густел. Белым мягким пухом он покрыл всю землю, а затем начал клубами подниматься все выше и выше.

Туман уже не расступался перед идущими, как раньше, а окутывал их колени промозглым одеялом. Теперь, как Даша ни старалась, она не могла переступить через него и только жалась поближе к Петьке. Скоро дети и гномы шли по пояс в тумане, густом как молоко. Хуже всех было Даше. Она была самой маленькой, и утопала в белом мареве уже по грудь.

Туман был такой плотный, что путники не видели собственных ног. Вязкая белая вата все больше заволакивала все вокруг. Теперь Даша шла на цыпочках и изо всех сил тянулась вверх, чтобы противный туман не прикасался к лицу, но белые клубы похожие на гигантских медуз протягивали липкие пальцы-щупальца, хватая ее за нос, уши, волосы. Даша расплакалась. Петька посадил сестру на плечи, и они пошли дальше. Каждый шаг давался с трудом, туман словно не пускал их. Ноги вязли в густой белой пелене. Движения путников стали вялыми и замедленными, как во сне. Казалось, они не шли, а плыли в море облаков. Наконец, туман полностью поглотил их.

Нести Дашу дальше было бессмысленно. Петька опустил ее на землю. Вокруг не было ничего, кроме царства тумана. Петька окликнул Дашу и не услышал собственного голоса, будто ненасытный туман проглотил и его. Испугавшись, что они потеряются, Петька стал лихорадочно шарить руками вокруг. Вот он схватил кого-то за руку. Это оказался Затычка. Скоро Петька нашел Дашу и Мастера. Все были в сборе. Вокруг царило белое безмолвие. Молочный кисель тумана пожирал краски и звуки. В мире не было ничего, кроме безграничной белизны и мертвой тишины.

Путники упрямо отмеряли шаги в неизвестность. Одежда набухла туманом и отсырела. Леденящий холод пробирал до самых костей.

Они попытались идти быстрее, чтобы хоть как-то согреться, но туман сковывал движения, словно опутывая идущих тысячами незримых нитей. Четверо пленников находились в его

безграничной власти.

Вдруг Петька осознал, что все попытки выбраться из тумана обречены на провал. Они шли, не зная куда, и не видя дороги. Так можно плутать вечно. При этой мысли Петьку охватил ужас. Несмотря на холод, на лбу у него выступила испарина. Чем дальше они шли, тем большее отчаяние и безысходность охватывали Петьку, и вдруг он увидел вдалеке нервно мерцающий огонек. Надежда робко забрезжила в Петьке. Он потянул на свет остальных, но к его удивлению за ним никто не пошел. Даша тянула совсем в другую сторону, Затычка в третью, а Мастер в четвертую. Петька не знал, что каждый из них видит свой огонек. Миражи начали свою опасную игру, в которой до сих пор не знали проигрыша.

ГЛАВА 20. КОСТРИЦЕ

«Что они, спятили, что ли? Не видят куда идти надо?» — разозлился Петька и изо всех сил рванул на себя Дашу и гномов. Цепочка рук разорвалась, и путники кубарем покатались в разные стороны. Потирая ушибленный локоть, Петька поднялся и, как слепец, выставив перед собой руки, попытался наощупь отыскать своих друзей. Ни Даши, ни гномов нигде не было. Петька с ужасом понял, что остался один в непроницаемой мгле. Вспомнив про Дашу, Петька испугался еще больше. Его прошиб холодный пот. Он должен во что бы то ни стало найти ее и как можно скорее. Петька лихорадочно ощупывал каждую пядь земли вокруг себя. Он кричал и отчаянно звал сестру, надеясь, что голос его прошибет глухую стену тумана, но он лишь, как рыба, раскрывал рот и не мог произнести ни звука.

Полное безмолвие властвовало в царстве сплошной белизны, и никто был не в силах нарушить его. Вдруг Петька увидел, как впереди что-то блеснуло. Да это же Дашина подковка! Петька, не раздумывая, побежал вперед. Маленькие ручонки жадно ухватились за него. Петька едва не задохнулся от радости. Конечно же, это была Даша! Он прижал сестренку к себе и рукавом вытер слезы, катившиеся у него по щекам: он и не знал, что от радости можно плакать. Хорошо еще, что был туман, и Даша ничего не заметила.

Вдруг кто-то наткнулся на Петьку и в испуге шарахнулся в сторону. Боясь отпустить Дашу, Петька протянул руку и поймал полу чьей-то замшевой курточки. К своей радости Петька понял, что это Затычка. Последним на блеск подковки пришел Мастер. Все были в сборе. Некоторое время дети и гномы стояли обнявшись, чтобы прийти в себя от пережитого потрясения. Постепенно страх улегся. Они огляделись. Огоньки исчезли, только Дашина подковка продолжала светиться, как крошечный спасительный маячок в безбрежном море тумана.

Сбившись в кучу, путники в нерешительности топтались на месте. Туман скрадывал их голоса, и они не могли даже посоветоваться. Наконец, Петька решил взять командование на себя. Он двинулся вперед. Теперь уже никто не сопротивлялся и не тянул его в другую сторону. Все крепко схватились за руки и покорно гуськом зашагали за Петькой.

Некоторое время путники шли словно ослепшие и оглохшие: не слыша ни единого звука, и не видя ничего, кроме белой ваты тумана. Время от времени они поглядывали на подковку, и это придавало им силы и уверенности. Вскоре им показалось, что идти стало легче. Постепенно туман начал редеть.

«Неужели выбрались?» — с надеждой подумал Петька, боясь поверить в собственное счастье.

Вдруг путники застыли, удивленные и потрясенные. В единый миг туман рассеялся, и в их

жизнь вновь ворвались звуки и краски. Способность видеть и слышать ошеломила их. Они чувствовали себя как слепцы, которым вернули зрение. Правда, зрелище, представшее перед путниками, мало радовало взор. Они стояли на пяточке голой бурой земли. Кое-где валялись сухие ветки, да посередине догорал неизвестно кем оставленный костер.

Видимость была такой четкой, что каждая трещинка, каждый бугорок выглядели так, словно талантливый фотограф запечатлел их на снимке, вложив в него все свое умение и мастерство. Вокруг этого безжизненного клочка земли плотной белой стеной стоял туман. В этом было что-то неестественное и жуткое. Казалось, что путники попали в огромный аквариум, сквозь прозрачные стенки которого туман не мог просочиться. Даша крепче ухватилась за Петьку. У Петьки у самого было такое чувство, будто кто-то невидимый наблюдает за ними со стороны.

Некоторое время ребята и гномы стояли молча, не решаясь приблизиться к костру, опасаясь, что в любой момент из тумана может выскочить неведомый хозяин огня. Возвращаться в туман путники тоже не спешили. За время плутаний в проморзглой мгле они сильно озябли, и одежда их отсырела. Здесь на прогалине было посуше и потеплее. Огонь в костре умирал на глазах. Вот уже маленькие язычки пламени перестали лизать угли, а светящиеся головешки начали гаснуть и чернеть.

— Эх, сейчас огонь погаснет, и не обогреемся, — с досадой сказал Петька.

— Интересно, кто это костер тут оставил? — задумчиво произнес Мастер.

Не успел он договорить, как Затычка подскочил к костру и громко крикнул:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответом ему было гробовое молчание.

Затычка подержал руки над костром. Угли едва теплились, но все же от костра шло приятное тепло.

— Чего вы там стоите? Идите сюда! Погреемся!

Мастер, а за ним и дети осторожно подошли к костру. Петька взял палку, раздвинул головешки и с огорчением увидел, что огонь почти потух.

— Ничего, сейчас разожжем! Несите хворост! — весело скомандовал Затычка.

Все разбрелись по округе, собирая сухие ветки. Даша семенила за Петькой, не отставая ни на шаг. Петька обернулся к ней:

— А ты чего ходишь, как барыня? Давай, тоже хворост собирай.

Даша помотала головой:

— Нет, Петь, я его боюсь.

— Кого? Хворост?

Даша молча кивнула.

— А возле огня греться ты не боишься? — рассердился Петька. Только Дашкиных капризов сейчас не хватало.

— И возле огня боюсь, — шепотом ответила Даша.

В это время Затычка подтащил к костру огромную охапку хвороста. Мастер присел на корточки и принялся раздувать огонь. Вдруг Затычка испуганно вскрикнул. Стоило искрам попасть на хворост, как сухие сучья ожили. Они зашевелились, словно пробуждаясь от спячки. Петька глянул в сторону гномов, но тут почувствовал, что хворостина у него в руках с шипением извивается. Петька с ужасом увидел, что держит гадюку. Вскрикнув, он отшвырнул змею далеко в сторону. Там, где лежала куча хвороста, кишел клубок желтовато-серых чешуйчатых тел. Змеи со злобным шипением поползли в разные стороны.

Даша завизжала. Больше всего на свете она боялась змей. Петька подхватил сестру на руки и, не разбирая дороги, бросился прочь от заколдованного места. На бегу он увидел, как Мастер, отступая в белую пелену тумана, отбивается от шипящего и извивающегося полчища. Вдруг прямо наперерез Петьке прокатился огромный клубок змей. Петьке показалось, что в нем мелькнул колпачок Затычки, но разобрать он не успел, потому что клубок скрылся в тумане.

Петька пробежал еще несколько шагов, и они с Дашей вновь оказались в беспросветной мгле. Все звуки разом оборвались. Теперь Петька не слышал ни Дашиного визга, ни страшного шипения змей, только кровь метрономом стучала у него в висках в такт шагам. Бежать становилось все труднее и труднее, сердце рвалось из груди, но страх перед ядовитыми тварями, которые, казалось, неотступно следуют по пятам, гнал Петьку вперед.

Вдруг он со всего размаха налетел на невидимую в тумане преграду. От неожиданности Петька чуть не упал, едва удержав равновесие и крепче прижав Дашу к себе. Чьи-то руки протянулись к детям из толщи тумана. Петька быстро опустил Дашу на ноги и встал в стойку, как учили в секции самбо. Но тут из непроглядной мглы появился Мастер. У Петьки отлегло от сердца. Ребята бросились к гному и заключили его в объятия. Теперь оставалось найти Затычку. Даша подняла свою подковку высоко над головой, чтобы указать Затычке путь в тумане. Время шло, но Затычка не появлялся. Проморзглый холод начинал пробираться до костей.

Друзья решили идти на поиски гнома. Они знали, что кострище стерегут змеи, и одна мысль о встрече с ними приводила в содрогание, но другого выхода не было. Надо было выручать Затычку. Дети и Мастер повернули назад к костру. Каждый шаг давался усилием воли. Казалось, что вот-вот скользкое тело гадюки обовьется вокруг ног, но, видно, змеи затерялись в тумане, и мало помалу Петька, Даша и Мастер зашагали смелее. Они шли и шли, а безбрежному океану тумана не было конца. Кострище словно померещилось им. Временами казалось, что они повернули не в ту сторону, и тогда они сворачивали вновь, и опять блуждали в белой мгле. Наконец, они поняли, что костра им уже не найти.

Сердце у Петьки сжималось, когда он вспоминал о смешном, суетливом Затычке. Кто его просил уходить из Города Мастеров? У Даши по щекам текли слезы, она то и дело вытерала их подолом платья. Казалось, что слез слишком много для такой маленькой девочки. Платье уже давно промокло, а слезы все текли и текли. На душе у Мастера было тревожно. Зачем только он взял с собой детей и Затычку? На что он надеялся? Кому как ни ему было знать, что из Долины Миражей не возвращается никто. Проклятие Долины начало сбываться.

ГЛАВА 21. ПИР НА РАЗВАЛИНАХ

— Один мой, — Морра громко рассмеялась. Такая игра ей нравилась. Она любила беспроегрышные игры. Неплохая задумка убирать коротышек и людишек по одному, доводя оставшихся до крайней степени ужаса. Ведьма отложила кристалл и, вытянув руки перед собой, произнесла:

Все века переплетитесь,
Встаньте мертвые, очнитесь.
Нет могил, и нет оков
На развалинах веков.
Миражи царят вокруг,
Пусть родит безмолвье звук.

Петька, Даша и Мастер брели еле переставляя ноги от усталости, потеряв отсчет времени и направление. Туман притупил мысли и чувства, и путники полностью покорились ему. Им казалось, что прошла вечность, а разлившемуся молоку тумана не было ни конца, ни края.

Вдруг Петьке почудилось, что он услышал чье-то сопение. Он остановился и прислушался. Вот раздался отчетливый вздох. Вслед за Петькой насторожились и Даша с Мастером. Все почуяли недоброе, и затаив дыхание ждали, что будет дальше. Тишина. Петька перевел дух, и туман ответил ему глубоким вздохом. Плотное марево словно ожило. Туман дышал, стонал и всхлипывал. Какие-то неведомые силы окружали путников.

Друзья сжались в кучу. Казалось, вот-вот из белой пелены протянутся скользкие щупальца и схватят их. Ребята и гном замерли. И опять — тишина, но стоило им расслабиться, как туман вновь ожил звуками. Кто-то невидимый дразнил их, играя с ними, словно кошка с мышкой. Враг был совсем рядом, но не нападал.

— Пусть только попробуют меня схватить, — вдруг отчетливо произнесла Даша. Туман подхватил ее слова и, многократно усилив и повторив их, пустил в разные стороны, пока отовсюду не загромыхало:

— Схватить... схватить... схватить...

— Этого не может быть. В тумане эха не бывает, — прошептал Петька, но тут же услышал:

— Бывает... бывает... бывает...

Избавившись от гнетущего безмолвия Долины Миражей, друзья в первые минуты обрадовались многоголосию звуков и вновь обретенной возможности общаться, но вскоре поняли, что у этого преимущества есть обратная сторона. Туман больше не глушил их голосов, наоборот, теперь самый тихий шепот обращался в душераздирающий крик. Самый невинный звук — в устрашающий вопль.

Звуки перекрывали друг друга, будто состязались в громкости. Вскоре молчание тумана казалось путникам утерянным блаженством. Им хотелось заткнуть уши и не слышать воплей и стонаний, несущихся со всех сторон, но они боялись разнять руки, чтобы снова не потеряться. Они старались не произносить ни звука, но даже их дыхание обращалось в зловещие стоны, а иногда им казалось, что они слышат далекие раскаты нечеловеческого, ледящего душу хохота.

Вдруг туман опять начал редеть. Впереди проступили очертания какого-то странного сооружения. Контуры здания постепенно темнели и прояснялись, как на проявляющейся фотографии. Вот показалась полуразрушенная колоннада со старыми, стершимися

ступеньками, ведущими к тяжелой, окованной железом двери. Возле полуразвалившихся стен лежали груды камней. Это были развалины старого замка. Туман, наполненный беснующимися звуками, остался позади, стоя на страже вокруг таинственного замка. Вновь обретенная тишина была так приятна, что некоторое время путники стояли молча и смотрели на лежащие перед ними руины. Вдруг Петька заметил в одном из зарешеченных окон замка неровный свет. Он хотел было сказать об этом другим, но тут свет погас, словно кто-то поспешно задул свечу.

«Показалось», — подумал Петька.

— Пойду разведу, что это за замок, — наконец нарушил молчание Мастер.

— Пойдем все вместе, — решительно сказал Петька и, сильнее сжав Дашину руку, направился за Мастером.

Чем ближе они подходили к замку, тем беспокойнее становилось на душе у Петьки. Он все вглядывался в стрельчатые окна замка, но все они были темны. Из замка не доносилось ни звука. Вот уже они приблизились к стершимся ступеням. Шаги путников гулко падали в тишину. Они поднялись на верхнюю ступеньку. Тяжелая кованная железом дверь была плотно закрыта. Посреди ее красовалась массивная ручка в виде львиной морды, из пасти которой свисало большое медное кольцо. Петька потянул за ручку, потом нажал на дверь плечом, та не подавалась.

— Заперто, — сказал Петька.

В это время Даша схватила за кольцо и стукнула им по двери. В тот же миг за дверью раздался страшный скрежет. Ребята и гном отпрянули. Дверь начала медленно открываться. Перед взором путников открылся огромный зал, тускло освещенный факелами. Посреди зала стояли тяжелые дубовые столы, накрытые для пиршества. Вокруг столов на почерневших от времени стульях с высокими спинками сидели рыцари в полных доспехах. В свете факелов тускло отсвечивали серебряные кубки и латы рыцарей. Никто из сидящих не повернулся в сторону вошедших. Это было странное пиршество. Высокие кубки были до краев наполнены вином, на подносах грудями лежали куски мяса и дичь, но никто из пирующих ни к чему не прикасался. Рыцари неподвижно и молча сидели за столами, полными яств, сложив руки перед собой. Забрала у всех были опущены.

— Эй, есть кто живой? — крикнул Петька.

Никто не ответил. В зале стояла мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая потрескиванием смолы в факелах, да шелестом крыльев летучих мышей.

— По-моему это чучела, и еда не настоящая, — сказал Петька и сделал шаг вперед.

— Сейчас проверим, — Мастер быстро подошел к ближайшему рыцарю и поднял его забрало. Латы были пусты.

— Доспехи пустые, — с облегчением выдохнул Мастер.

Петька с Дашей направились к столу, и тут раздался скрежет металла. Рыцари зашевелились. Один за другим они стали оживать. Металлические доспехи издавали неприятный лязг. Неповоротливые железные монстры прервали свое безумное пиршество и медленно вставали из-за столов. Дети окаменели от ужаса. Вот один из рыцарей с лязгом поднял забрало. Из-под шлема на ребят глядело иссохшее обтянутое пергаментной кожей лицо мумии. Очнувшись от оцепенения, Петька схватил Дашу и потащил ее к двери, пока им не отрезали выход.

— Быстрее! — крикнул он.

На бегу он увидел, как один из мертвых рыцарей поймал за шиворот Мастера. Петька хотел броситься на помощь, но другой воин, уже протянул железную руку к Даше. Петька изо всех сил двинул по руке. Рыцарь пошатнулся. Воспользовавшись его замешательством, Петька схватил Дашу в охапку и стремглав бросился из замка. Вслед за ними в дверь полетело копье. Петька отскочил в сторону, и копье воткнулось в землю в метре от ребят. Стрелы и копья посыпались градом.

Пронзительный скрип лат говорил о том, что рыцари пустились в погоню, но Петька не решался оглянуться. Он петлял как заяц, уворачиваясь от стрел. Еще недавно он хотел вырваться из плена тумана, теперь же не было ничего более желанного, чем непроницаемая белая завеса. Когда, наконец, плотная пелена вновь упала между детьми и замком, Петька облегченно вздохнул. Он сделал пару шагов, остановился и опустил Дашу на землю. Петька не знал, будут ли рыцари преследовать их в тумане, но он твердо решил, что надо во что бы то ни стало спасти Мастера. Звуков погони не было слышно.

— Даш, — тихонько шепнул Петька. К его удивлению, туман не усилил его голос, но и не заглушил его.

— Чего? — так же тихонько откликнулась Даша.

— Давай подождем немножко, а потом, когда эти утихомирятся, поищем Мастера.

— Угу, — согласилась Даша.

Они долго сидели в тумане, пока окончательно не промерзли. Вокруг было тихо, и ждать дальше не имело смысла. Петька решился сделать вылазку. Он специально заметил, в какую сторону надо идти. Надо сделать не более трех шагов, и замок вновь появится перед ними. Петька сделал два осторожных шага. Перед третьим он немного помедлил, потом, собравшись с духом, шагнул вперед, но... их с Дашей окружал все тот же туман. Петька сделал еще шаг, и еще. Туман не рассеивался. Петька был уверен, что идет в правильную сторону. Они с Дашей прошли еще несколько шагов. Туман становился все гуще. Замок исчез, словно растворился в белой мгле вместе со своими страшными обитателями.

ГЛАВА 22. СТОРОЖКА

— Вот и Мастер пропал, — всхлипнула Даша.

— Не хнычь, мы еще и Мастера и Затычку найдем. Нас голыми руками не возьмешь. Нам бы, главное, шар найти, — хорохорился Петька, хотя понимал, что найти шар в Долине Миражей все равно, что отыскать иголку в стоге сена.

Туман стал редеть в третий раз, но ни Петька, ни Даша радости от этого не испытали. Они не знали, что теперь готовит им Долина Миражей, но были твердо уверены, что руины мертвого замка остались позади, и их ожидает новое испытание.

— Давай держаться поближе к туману, — предложил Петька. Даша молча кивнула.

Белая мгла рассеялась. Ребята стояли перед небольшой избушкой, похожей на сторожку лесника. Избушка была сложена из почерневших от времени бревен. Крыльцо покосилось, но было видно, что в сторожке кто-то живет. Окна были чисто вымыты, возле глухой стены высилась поленница. Кое-где избу подлатывали и достраивали.

Вокруг стояла мертвая тишина. Казалось, что сторожка пуста, но наученные горьким опытом ребята с подозрением относились ко всему, что встречали в Долине.

Даша потянула Петьку за руку и молча показала на крышу. Из печной трубы шел дымок. В доме топилась печка. Ребята не знали, кто живет посреди этого царства тумана, но не сомневались, что встреча с обитателями Долины не сулит им ничего хорошего. По краю тумана они обошли хижину вокруг и остановились напротив крыльца. Вдруг дверь сторожки скрипнула и отворилась. От неожиданности дети отпрянули и бросились прочь, но из тумана перед ними опять возникла сторожка. Петька с Дашей метнулись в другую сторону, и чуть не налетели на ту же избушку. Куда бы ребята ни бежали, сторожка преследовала их, вырастая на пути. Петька понял, что им ее не обойти. Он сжал кулаки и, гордо вскинув голову, пошел к двери заколдованного домика.

На крыльцо вышел старик, такой же древний, как и его жилище. Он был ссохшийся, худое лицо его избороздили глубокие морщины, но стоял он крепко, и в нем чувствовалась сила. Одежда на старике была древняя, какую носили века назад. Ветхие, сплошь латанные-перелатанные рубаха и штаны были хоть и изношенные, но чистые, а лапти новые, словно только сплетенные.

Хозяин не спешил завести разговор. Он смотрел на ребят из-под насупленных бровей. Сначала старик окинул беглым взглядом Петьку, а потом поглядел на Дашу. Глаза его широко раскрылись, и он буквально впился в девочку взглядом. Петьке это не понравилось, и он встал перед Дашей, нарочито загородив ее собой.

Старик глубоко вздохнул, покивал головой и пробормотал, как был разговаривая сам с собой:

— Так вот оно что.

Петька кашлянул, чтобы прочистить горло и, как можно увереннее, произнес:

— Зачем вы нас возле вашей избушки держите, не отпускаете?

— Я держу? Бог с тобой! Я никого не держу. Ступайте, коли хотите. Нешто я неволю? — ответил старик.

Петька решительно потянул Дашу в туман, но они опять оказались лицом к лицу со стариком.

— Видите, мы уйти не можем, — сказал Петька, но старик словно не слышал его. Он опять сверлил Дашу взглядом.

Петька вновь загородил Дашу, и старик, словно очнулся.

ю Что ж, я мог бы проводить вас. Только сначала зайдите, обогрейтесь, да обсохните. А то ведь продрогли, небось.

— А куда вы нас проводите? — высунулась из-за Петькиной спины Даша.

— Есть в тутошних местах зеркало заветное. К нему и провожу. Кто в него посмотрится, краше всех станет. Вот хоть и ты, к примеру. Глянешь в него разок, красоту не писанную обретешь.

— Я и так красивая, — пожала плечами Даша.

Петька задвинул Дашку назад.

— Да, да, — задумчиво проговорил старик. — Ну, да что ж мы стоим на пороге. Проходите, коли пришли. У меня гости нечасты, — он прошел в избу и кивком пригласил ребят следовать

за ним.

— Ладно, пан или пропал. Все равно нас туман дальше не отпустит, сказал Петька, и они с Дашей вошли в дом вслед за стариком.

Внутри изба, как и снаружи, была чистенькой и опрятной, хотя весь нехитрый скарб ее был древним, сто раз чиненным. От жарко натопленной печи шло приятное тепло, и после проморзлости тумана в избушке было особенно уютно.

Старик указал детям на лавку, и они сели.

— Как же это вас угораздило сюда забрести? — покачал головой старик.

— А вы оборотень? — спросила вдруг Даша, с интересом разглядывая старика.

— Дожил, уж за оборотня принимают. Я не боле оборотень, чем вы, вздохнул необычный хозяин дома.

— А нам сказали, тут только оборотни живут, — не унималась Даша.

Петька толкнул ее в бок, слишком разговорчивая стала.

— И этого добра тут хватает, — согласился старик. Видя, что Петьке не нравится, как он разглядывает Дашу, старик теперь старался не глядеть на девочку в упор, хотя нет-нет, да и поглядывал на нее украдкой.

— А вы чей дедушка? — спросила Даша.

Старик вздрогнул, как от удара, спрятал глаза и поспешно проговорил:

— Ничей я ни дедушка. Никого у меня нет. Никому до меня дела нет, и мне ни до кого дела нет. Коли обогрелись, так я тебя к зеркалу зараз сведу, — он ткнул пальцем в Дашу.

— Одна она никуда не пойдет, — решительно заявил Петька.

Старик зыркнул на Петьку. Глаза его злобно сверкнули.

— Тут я решаю, кто с кем пойдет.

Петька вскочил и, заслонив собой сестру, сжал кулаки.

Даша высунулась из-за Петьки и сказала:

— Правда-правда, мы всегда вместе.

Старик стоял лицом к лицу с Петькой. Он перевел взгляд с Петьки на Дашу, снова на Петьку и опять на Дашу, и вдруг случилось непредвиденное. Даша подскочила к старику, схватила его за руку и, глядя прямо в глаза, спросила:

— А хочешь, ты будешь нашим дедушкой? У нас дедушки нет, только бабушка.

Старик отпрянул от Даши и опрометью выскочил из избы.

Даша с Петькой озадаченно переглянулись и осторожно вышли вслед за стариком. Его нигде не было видно. Дети обошли избушку и нашли старика за поленницей. Уткнувшись лицом в ладони, он сидел на земле и безутешно рыдал. Даша подошла и положила руку ему на плечо. Петька не остановил ее. Теперь он совсем не боялся этого древнего обитателя сторожки, перед ним был всего-навсего несчастный старик.

— Я ведь голоса человеческого, почитай, лет триста не слышал. Вы первые, кто сюда забрел. Надо ж такому случиться, — причитал старик.

— Деда, а тебе триста лет? — удивилась Даша, перейдя со стариком на ты.

Старик посмотрел на нее, кивнул и ласково погладил ее по голове.

— А как вы сюда попали? — спросил Петька.

Постепенно старик успокоился, вытер рукавом слезы, которые нет-нет да скатывались по морщинистым щекам, и сказал:

— История моя необыкновенная и страшная.

ГЛАВА 23. ОХОТА НА ОБОРОТНЕЙ

В стародавние времена, когда был я молодой, пошли вдруг слухи, будто в округе оборотни завелись. В те времена о наших местах вообще слава худая шла, что, дескать, ведьма у нас хозяйничает. А я хорабрый был о ту пору, парень бедовый, хоть куда. Коли где угроза какая аль опасность, там меня и ищи. Вызвался я оборотней извести. Отлил пуль серебряных, а стрелок я был меткий, кол осиновый прихватил, все как полагается. Пошел ночью в лес. Бродил, бродил, да ничего не выходил, оборотней не нашел. Я и вдругорядь ночью в лес отправился. Опять ничего.

Сколь ночей я так сторожил, уж и со счета сбился. И вот единощи, в полнолуние услышал я в чащобе вроде говор какой. Притаился я, прислушался, а потом на голоса пошел. Я с мальства был к охоте приучен, а посему умел по лесу так ходить, что у меня под ногой ни сучок не треснет, ни травинка не шелохнется. Подкрался я, раздвинул ветки кустов, да так и ахнул.

Сидят на поляне люди, на погляд обыкновенные, токмо у них опричь лунного света никакого огня нету. Подивился я, что они костра не разожгли. А тут словно ветер налетел. Явилась вдруг откуда ни возьмись огромная летучая мышь, в человеческий рост, оземь ударилась да женщиной обернулась. Начали тут и люди свое обличье менять. На погляд люди, как люди, только шерстью обрастать стали, да так скоро, что глядь, ан уж не лица, а звериные морды у них, клычищи из пасти торчат. А когти, что те ножи острые. Я так и обмер. Много их, порядочная орава, а я один. Ну, думаю, один не управлюсь. Надо подмогу собирать, да потом всем миром оборотней выследить.

А в этот самый миг ведьма в мою сторону глянула, — меня словно огнем обожгло. Лицо у нее красивое, не нагладишься, а глаза дурные, бешеные. Хоть и ночь была да темь, и стоял я за кустами, а чую, она меня всего насквозь видит. Понял я, отступать мне некуда. Вскинул пищаль, думаю, хоть ведьму убью. Выстрелил, а она, колдуново отродье, оборотнем прикрылась, и ну хохотать. Я ружье перезаряжать, а она свою ораву посылает, чтоб меня схватили, да к ней в целости, да сохранности доставили.

Бросилась на меня злобесовная шайка людей-волков, но я решил, что дешево не дамся. Покудова они меня ломали, да крутили, я еще двоих уложил. Ну, повязали они меня, да пред очи хозяйки своей представили. Взяла меня тут грусть-тоска, молодости моей мне дюже жалко стало. Жизнь-то еще не пожил. А ведьма словно мысли мои прочитала.

— Что, жить хочешь? — спрашивает, а у меня как ком в горле и слова молвить не могу.

— Много ты мне хлопот доставил, да нынче полнолуние, у меня праздник. Дарую тебе жизнь.

Испугался я тут, что она меня в оборотня превратит, а она точно и этот мой страх угадала.

— Щедрая я, говорит. Не робей, коли я слово дала, сдержу. Оборотнем тебя не сделаю и жизнь тебе дарую долгую, вечную.

Меня словно подкосил кто. Пал я перед ней на колени, а она продолжает:

— Да задаром я ничего не даю. Работу от тебя попрошу пустячную. Есть у меня Долина. В ней жить будешь. Живут в той долине мои верные слуги, ведьма указала на оборотней. — Они тебя не тронут, а вот ты за то, что троих серебряными пулями уложил, их покой стеречь станешь. Хотя стеречь-то не от кого. В долину и не ходит никто. Знай себе в избе сиди, а довольствие тебе будет такое, что ни пахать, ни сеять не надобно.

За то, чтоб в живых остаться, да оборотнем не стать, согласился я на все, думал, потом убегу, ан не тут-то было. Долина-то под землей оказалась. Так и живу здесь, уж состарился, сколько раз пытался руки на себя наложить, да смерть меня не берет. А надысь весточка мне была от Морры, так хозяйку мою теперешнюю кличут. Обещала она мне, что отпустит меня на волю вольную, да только за это я должен вас разлучить, да девчоночку одну к зеркалу доставить. Как бишь зовут-то тебя, любушка? — обратился старик к Даше.

— Даша, а это Петька, мой брат, — ответила Даша.

— Так вот, Дарья, я тебя как узрел, сразу все разумел. Хочет Морра тебя новой ведьмой сделать, да в твоём обличье наземь выйти.

— Еще чего? Я ведьмой не стану. Я добрая волшебница, — сказала Даша.

— Но вы ведь Дашу к зеркалу не поведете? — с опаской спросил Петька.

— Что ты! Кто ж свою внучку-то ведьме на растерзание даст? — грустно улыбнулся старик. — Я к зеркалу сам пойду. Коли велено девочку туда доставить, знать, Морра там поджидать будет. Есть у меня одна тайна.

Старик поманил детей и зашел в избу. Там он откинул половик, поднял половицу и, пошарив под ней, достал что-то завернутое в тряпочку.

— Вот, еще с тех времен осталась. За подкладку случаем завалилась, ее у меня и не отобрали, — старик показал ребятам серебряную пулю. — Я пойду старые счета сведу. Первая пуля цели не достигла, может последней посчастливится. А вы ждите здесь.

Старик снял со стены старинную пицаль, вскинул ружье на плечо и направился к двери. Даша бросилась к деду и, крепко обняв его за шею, сказала:

— Ты, деда, там поосторожнее. Я тебя еще с нашей бабушкой познакомлю, а потом мы в город поедем, и я тебе своих кукол покажу.

Петька пожал старику на прощанье руку. Ему было тяжело расставаться с этим суровым стариком и он вдруг почувствовал себя так, будто прощается со своим родным дедом.

— Береги себя, дед, — сказал Петька.

Старик решительно повернулся и скрылся в тумане.

Морра вскочила. Глаза ее метали молнии. В долине она была хозяйка, все здесь было подвластно ей.

— Эта старая кочерыжка вздумала противиться мне?! Не выйдет! Еще никому не удавалось нарушить договор со мной, — процедила ведьма сквозь зубы, пряча магический кристалл в складках плаща. * * *

Дети сидели на крыльце избышки. Теперь, когда старик ушел, она казалась осиротевшей. Вдруг ребята услышали надрывный крик старика:

— Петька! Петька! Скорее!

Петька с Дашей ринулись на голос.

— Спрячь Дарью. Там погреб есть. Да пускай запрется изнутри. Скорее! кричал старик.

Петька с Дашей вбежали в избу. Петька поднял крышку погреба, и Даша поспешно спустилась по приставной лестнице вниз.

— Ой, Петя, тут страшно, — взмолилась она.

— Сиди, и никому кроме меня не отпирай, — оборвал ее Петька.

Проверив, что Даша заперлась изнутри на крючок, он бросился на крик старика.

Вскоре он выскочил из тумана и увидел огромное дерево, похожее на иву. Старик стоял под деревом, по рукам и ногам стянутый гибкими ветвями так, что не мог даже пошевелиться. Старик хотел что-то сказать Петьке, но лишь мычал, как немой, не в силах произнести ни слова. Петька подбежал к старику, чтобы освободить его, но тут дерево ожило. Тонкими, но прочными как жгуты ветвями, оно обхватило Петьку и спеленало его точно так же, как и старика. Петька с ужасом понял, что они попали в плен. «Что теперь будет с Дашей?» — пронеслось у него в голове, и тут он услышал свой собственный голос.

— Дашка, выходи! Все нормально.

Петька хотел крикнуть, но точно так же, как и старик не мог вымолвить ни слова. Голос будто покинул его. В какое-то мгновение ему показалось, что дерево сорвалось с места и подхваченное ураганным ветром понеслось в бездну.

Даша вылезла из погреба. Петьки нигде не было.

— Петя, — тихонько окликнула она брата. Никто не отозвался. Она позвала громче. Тишина. В этот момент туман, окружавший избу, стал быстро рассеиваться, словно кто-то невидимый поднимал белую вуаль. Даша увидела, что изба стоит посреди выжженной равнины. Вокруг, сколько хватал глаз, не было ничего живого, только в одну сторону от избы тянулась длинная дорога, уходящая в бесконечную даль.

— Петя! Деда! — в отчаянии закричала Даша, но лишь ветер протяжным тоскливым завыванием откликнулся на ее зов. Даша поняла, что осталась одна. Плача навзрыд и утирая кулаками слезы, она безотчетно направилась вперед по дороге, не думая о том, куда она приведет.

ГЛАВА 24. ЗЕРКАЛО

Даша не помнила, сколько она шла. Она плакала так долго, что все слезы кончились, и теперь глаза ее были сухими. Время от времени она тихонько приговаривала как заклинание:

«Петя, Петя». Но ответом ей была мертвая тишина. Даше показалось, что она слышит едва уловимый звук. Она прислушалась. Откуда-то доносился шум падающей воды. Девочка прибавила шагу. Впереди забрезжил свет. Он становился все ярче. Словно на ожившей абстрактной картине, голубые, зеленоватые, изумрудные мазки акварели меняли очертания, перемещались и колебались, составляя все новые и новые орнаменты. Гул воды нарастал. Постепенно мозаика призрачного калейдоскопа стала обретать более четкие образы. Даше показалось, что она различает деревья и мерцающую голубую ленту реки, и она побежала туда.

Вскоре перед Дашей открылась удивительная картина. Дороги дальше не было. С трех сторон ее окружали отвесные скалы, с которых непрерывным потоком падала вода. Перед гигантским водопадом, как в чаше, лежало прекрасное голубое озеро. Вода в озере была жгуче синей. Низвергающийся со скал водопад, чистый и прозрачный, словно горный хрусталь, вспенивал озеро, и у самого подножья его вода вскипала и бурлила, но колдовское озеро умирало бешенство потока, обращая его в гладкую бездонную синь. Даже возле берега дна не было видно. У Дашиных ног лежала голубая бездна. Даша зачарованно глядела на водопад. Мельчайшие брызги легкой дымкой дрожали над водой. В них, переливаясь разными цветами, играла радуга. Казалось, воздух был пронизан золотыми нитями лучей, которые исходили изнутри водного потока. Свет был таким манящим и успокаивающим, что после всего пережитого Даше захотелось искупаться в этих лучах и забыть обо всех бедах и страхах.

Вдруг клокочущая стремнина водопада разверзлась, и из воды вышла прекрасная золотоволосая девушка, за ней другая, третья... Золотые локоны обрамляли их лица, такие же чистые и свежие, как сама вода. Их легкие белые туники, сколотые на плечах золотыми брошками, ниспадали мягкими фалдами. Девушки беспечно плескались в воде, смеясь и перекликаясь. Их нежные голоса звучали, как перезвон бубенцов. Вот одна за другой они выбежали из озера на берег, но вода не замочила их золотых волос и одежд. Прекрасные незнакомки несколько не удивились Дашиному приходу. Они обступили изумленную девочку и, взявшись за руки, закружились вокруг нее в веселом хороводе, напевая и пересмеиваясь. Даша глядела на них во все глаза. Как ей хотелось быть одной из них, такой же прекрасной и беззаботной.

— Кто вы? — спросила Даша.

— Мы нимфы, золотые нимфы, водяные феи, — ответили звонкими голосами девушки. — Иди к нам, искупайся в волшебном озере, и ты забудешь все тревоги и печали. Искупайся, — наперебой уговаривали они Дашу, и та, как во сне, медленно пошла к воде. Время от времени она останавливалась, словно что-то не пускало ее, но феи тут же легонько подталкивали ее вперед. Они, как мотыльки, вились вокруг, голоса их звенели успокаивающе и убаюкивающе, и Даша делала еще несколько шагов. * * *

Морра глядела в магический кристалл. Губы ее тронула довольная усмешка. Ей нравилось это зрелище. Все четверо: два гнома, старик и мальчишка были закованы в тяжелые кандалы. Цепи крепко держали их. Морра задумалась, что бы такое с ними сделать. Превратить их в оборотней было бы слишком просто и неинтересно. Надо придумать кару поизощреннее. Впрочем, она займется этим на досуге. Это будет хорошим развлечением. Сейчас у нее было дело поважнее. Не отрывая взгляда от кристалла, Морра, как замороженная, следила за каждым движением Даши. Вот она, девчонка, которой судьбой предназначено стать новой ведьмой.

Шаг за шагом она приближается к Зеркалу Кривды, даже не подозревая, что всего в нескольких шагах от нее находятся все ее бывшие спутники, скрытые стеной водопада, сквозь которую можно видеть только в одну сторону.

Мысль о том, что пленники будут свидетелями всего, что сейчас произойдет, развеселила Морру. Какую муку они, должно быть, испытают, присутствуя при рождении новой ведьмы и осознавая свое бессилие что-либо изменить!

Даша все ближе подходила к зеркалу-водопаду. Вот ей осталось сделать всего пять шагов.

— Пора! — выдохнула Морра. Она поднялась, величественная и страшная, расправила крылья плаща, и тут... произошло неожиданное. В кругу золотистых нимф вдруг появилась крысиная морда Карлика-горба. * * *

Даша ступала медленно, словно в забытьи, не останавливаясь и не думая ни о чем. Ноги будто сами несли ее. Она забыла обо всех страхах, о Петьке, гномах и старике. Она видела лишь чарующий водопад. Осталось пять шагов, и она окунется в живительный поток и сама станет такой же прекрасной и беспечной, как резвящиеся вокруг нее феи. Даша сделала еще шаг, и тут увидела крысу, ту самую, что утащила солнечного зайчика. Чары спали с Даши, она будто очнулась ото сна и вспомнила обо всем.

— Отдай нашего солнечного зайчика! Где наш солнечный зайчик! — громко закричала Даша и, забыв о страхе, кинулась к омерзительному серому вору.

Крыса вздрогнула всем телом, челюсти ее помимо воли разжались, и она выронила свою ношу. Маленький орешек ударился о землю, покатился и вдруг стал раздуваться и расти. Он становился все больше и больше, пока, наконец, не превратился в огромный сияющий шар. Шар взлетел, ведь он был легче воздуха, и повис над землей. На мгновение Даше показалось, что она увидела в середине шара крошечного зайчонка с золотистой шерсткой.

— Солнечный зайчик! — захлопала в ладоши Даша.

Но зайчика уже не было. Вернее вместо него из шара разлетелись мириады солнечных зайчиков, которые засияли словно множество крошечных солнышек. Солнечные зайчики плясали и кружились в зеркальцах шара, точно белки в колесе, и от этого шар начал вращаться сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Солнечные зайчики выпрыгивали из него и плясали на воде и на скалах. Скоро солнечный свет залил все вокруг.

Нимфы с визгом и воплями бросились прочь, но солнечный свет настигал их. Яркие краски слезали с них, как слезает старая шкура со змеи. Золото волос блекло, а белые одежды чернели на глазах. Вместо прекрасных нежных лиц на Дашу скалились клыкастые звериные пасти. Толкаясь и пронзительно визжа, оборотни пытались укрыться от света, но солнечные зайчики настигали их всюду. В слепящих лучах оборотни начали плавиться как пластилиновые фигурки на жарком солнце. Они таяли и оседали.

Даша оглянулась на водопад, но тот исчез. Там, где только что падала отвесная водяная стена, перед Дашей стояло огромное зеркало в оправе, испещренной магическими знаками. Чем быстрее плавись и исчезали оборотни, тем стремительнее уменьшалось и съеживалось зеркало. Скоро от оборотней остались лишь черные зловонные кляксы, а зеркало стало таким крошечным, что могло уместиться на ладони. Вдруг Даша увидела Петьку, гномов и старика. Они сидели на земле, в том месте, где раньше был водопад. Наверное зеркало скрывало их от Даши. Узники потирали запястья и щиколотки, на которых еще сохранились следы исчезнувших оков. Даша с радостным возгласом бросилась к брату. Петька подхватил сестренку:

— Дашка, нашлась! Ну, теперь я тебя ни за что не оставлю, — воскликнул он и, оглянувшись на зеркальный шар, одобрительно добавил: — А эльфы-то не подкачали. * * *

Морра в ярости рвала на себе волосы. Красивое лицо ведьмы обезобразила гримаса злобы и отчаяния. Она потеряла все: Долину, Зеркало Кривды, девчонку, и все из-за этого

безмозглого, горбатого уroda. Кто бы мог подумать, что он окажется настолько тупым, что притащит солнечный луч в Долину Миражей?! Морра готова была собственными руками изничтожить этого недоумка. Вдруг ведьма застыла на месте, пронзенная страшной мыслью. Окажись она у зеркала в тот миг, она тоже растворилась бы, исчезла навсегда: ведь она всего лишь тень, которой солнечный свет несет погибель. Ведьму пробрала дрожь. Плотнее закутавшись в полы плаща, Морра, как раненный зверь, забилась в самый темный угол своего пристанища и предалась размышлениям. * * *

— Конец Долины Миражей. Я снова свободен! — воскликнул Мастер.

Он схватил зеркало, и оно с легкостью выпало из рамы. Даша повертела его в руках: зеркало как зеркало, ничего особенного. Если бы она не видела всего, что произошло, собственными глазами, ни за что бы не поверила, что в этом кусочке стекла скрыта такая сила.

— А что теперь с ним делать? — спросила Даша.

— Есть у меня одна мысль. Кто знает, может быть, это зеркало поможет нам освободиться от карликов. — Мастер загадочно поднял палец, но он не успел рассказать о своей задумке, потому что в этот момент Петька крикнул:

— Смотрите!

Все обернулись туда, куда указывал Петька. Там, где только что низвергался водопад, ровная, словно отшлифованная поверхность скалы треснула. Трещина расширялась на глазах, пока не превратилась в зияющую щель, достаточно широкую, чтобы в нее можно было пролезть.

Радость встречи тут же померкла, потому что все вспомнили о том, что Даше и Петьке еще предстоит нелегкий путь. Затычка подбежал к трещине и хотел сунуть туда нос, но его остановил резкий возглас Мастера.

— Стой! Это вход в Царство Теней! По неписанному закону ни один из гномов не может преступить границы своего круга. Если хотя бы один гном пройдет в Царство Теней, то тем самым он откроет путь теням в страну гномов. Они устремятся к нам из мрака, и мы будем бессильны их остановить.

— Значит, мы пойдем одни? — Даша поежилась от страха.

— Я пойду с вами, — сказал старик.

— Дед, а ты можешь преступить свои границы? — спросил Петька.

— Какие у меня границы? — махнул рукой старик. Я ж подземный токмо по несчастью, а так я обыкновенный, земной. Так-то вот.

Шар с солнечным зайчиком вращался все медленнее, пока не остановился совсем. Солнечный зайчик мигнул в последний раз и погас, а шар лопнул, как простой мыльный пузырь. Долину окутала сизая мгла, и только из расщелины, струился неживой красноватый свет.

Старик сунул голову в щель, поглядел вниз и, обернувшись, кивнул детям.

— Тут не шибко глубоко. Я спущусь первым и вам подсоблю.

Путешественники попрощались с гномами. Старик снял с плеча ружье, бережно опустил его в расщелину, и вслед за ним протиснулся меж гранитных глыб. Петька помог Даше спуститься вниз, и сам переступил порог Царства Теней. * * *

Морра очнулась от раздумий. Словно спохватившись, она извлекла из складок плаща магический кристалл. Шепча заклинания, ведьма принялась медленно вращать шар в тонких холодных пальцах. Мутное стекло постепенно прояснялось, и Морра видела, как старик и дети спустились в Царство Теней.

Она ткнула указательным пальцем в крошечную фигуру старика и гневно прошипела:

— А долг-то невыплачен. Еще никому не удавалось обвести меня вокруг пальца. Этот старый лапотник нанимался стеречь долину, и в уплату получил жизнь. Больше стеречь нечего, я расторгаю договор, — Морра гневно сверкнула глазами. Между ее рукой и магическим кристаллом, словно разряд тока, пробежала искра. * * *

Старик нагнулся, чтобы поднять ружье, и вдруг нечаянно оступился. Пошатнувшись, он попытался удержаться рукой о гранитную стену. Рука его соскользнула, и он задел курок. Грянул выстрел. Серебряная пуля, которую столько лет старик берег для Морры, прошла навывлет. Схватившись за грудь, старик медленно сполз на пол. Петька ринулся к нему, обхватив деда за плечи.

— Где Дарья? — едва слышно спросил старик.

Даша кинулась к деду.

— Деда, ты же бессмертный. Вставай. Пойдем. Ты же бессмертный, повторяла она, теребя старика.

— Был бессмертный, покудова с Моррой уговор был. А нынче я вольный. Накося, не удержала меня нечистая, — выкрикнул старик и на мгновение приподнялся, но силы оставили его. Слабеющим голосом он продолжал, — Обо мне не кручиньтесь. Ступайте дале да помните: ваша сила в том, чтобы всегда вместе быть.

Старик смолк и закрыл глаза. Сердце его больше не билось.

ЧАСТЬ 2. ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

ГЛАВА 25. ПЕРЕВОЗЧИК

В Царстве Теней время остановило свой бег. Вечные сумерки клубились над дорогой. Тут не было ни дня, ни ночи, ни восхода, ни заката. Петька и Даша шли по призрачной дороге, давно перестав понимать, то ли все происходит на самом деле, то ли это кошмарный сон. В сумерках все краски казались размытыми, серыми. Даже дети выглядели точно две крошечные тени в царстве вечного сна, и только подковка, подаренная гномами, одинокой звездочкой мерцала у Даши на груди.

Мир вокруг был зыбким и нереальным. С двух сторон дорогу обрамляли неотесанные каменные стены, но стоило протянуть к ним руку, как они раздвигались, словно отступая и избегая прикосновения. Сверху вместо пещерного свода нависали темные гроззовые тучи. Казалось, вот-вот полохнет молния, и грянет гром, но сколько дети ни шли, свинцовые облака стояли неподвижно, точно нарисованные. Душный воздух был тяжел и вязок, как перед бурей.

Вскоре впереди забрезжил холодный люминисцентный свет, будто на заиндевелом стекле вечных сумерек кто-то продышал круглое оконце. Фиолетово-черные тучи расступились, приоткрыв таинство подземного царства. Пройдя еще немного, Петька с Дашей оказались возле реки, такой широкой, что другой берег едва угадывался в серой туманной мгле. Темная река катила свои воды плавно и бесшумно, и если бы не редкий всплеск волн, лизавших берег влажными языками, можно было подумать, что это мертвое озеро.

Подойдя к реке вплотную, дети в нерешительности остановились. Поблизости не было ни брода, ни мостика. Вдруг от противоположного берега отделился огонек. Он повис над водной гладью, словно крохотный маячок. Петька заметил, что огонек приближается. Дети напряженно вглядывались вдаль, пытаясь угадать, кто зажег этот свет. Постепенно из тумана, висящего над водой, выткалось смутное очертание лодки. Ее контур очерчивался все четче и четче. Вот уже можно было разглядеть человека, неподвижно, как статуя, стоящего посреди лодки. В поднятой руке он держал огонек. Издалека было не понять, свеча это или фонарь, но свет был живой, мигающий. У Петьки отлегло от сердца. Он и сам не знал, откуда к нему пришла уверенность, что этот человек не причинит им зла.

— Глади, лодка сама движется, — прошептала Даша.

Лодка действительно бесшумно скользила по воде без паруса и без весел, словно ведомая невидимой силой. Наконец, она подплыла так близко, что дети могли довольно ясно разглядеть хозяина суденышка. Это был высокий сухощавый человек, одетый в широкий серый балахон, ниспадающий фалдами до самого дна лодки. Его молодое лицо явно не вязалось с седыми, будто посыпанными пеплом, волосами.

Нос лодки с тихим всплеском стукнулся о берег. Лодочник молча оглядел детей. В руке он держал фонарь, но, казалось, он вполне мог обойтись и без света. Взгляд его был глубоким и пронизательным, словно он видел все насквозь. Даша поежилась. Она подумала, что точно так же смотрит бабушка, когда подозревает, и не без причины, что Даша набедокурила. Обычно в таких случаях Даша брала инициативу на себя. На этот раз она тоже первая начала разговор.

— Здравствуйте. Меня зовут Даша, а это мой брат Петя. А вас как зовут?

— Я — Перевозчик, — ответил человек. Голос его звучал глухо и монотонно.

— Разве такое имя бывает? — пожала плечами Даша.

— У меня много имен. Кто зовет меня Анубис, кто Харон. Все народы называют меня по разному. В имени моем нет смысла. Я — Перевозчик, в этом моя суть и мой смысл.

— Дашка, ну что ты пристала, — одернул сестру Петька и обратился к Перевозчику.

— А вы не могли бы перевезти нас на тот берег?

Перевозчик повыше поднял фонарь и поднес его к детям, будто хотел получше разглядеть их, но взгляд его был направлен куда-то вдаль, за их спины. Петька оглянулся, но ничего особенного не увидел. Перевозчик опустил фонарь и покачал головой.

— Нет, я вас не повезу.

— Почему? ю спросила Даша.

— У вас есть тени.

— Конечно есть. Как же без теней-то? — недоуменно спросил Петька.

— По ту сторону реки лежит Мир Теней. Это Царство Мертвых. Вам там не место. Пока в вас есть дыхание жизни, вы сами способны подчинить тень своей воле.

— А как ее подчинить? — спросила Даша.

— Нет ничего проще. Разве каждый из вас не носит всегда с собой свою тень? Разве вы не заставляете ее рабски повторять каждое ваше движение, каждый жест, часто даже не удостоивая ее взглядом?

— Так то свою тень, а я говорю про чужую. За нами гонится Морра. Она тень, которая гуляет сама по себе, — объяснила Даша.

— Тени, не нашедшие успокоения, находятся по эту сторону реки, в Царстве Теней.

— А какая разница между Миром Теней и Царством Теней, — спросил Петька.

— Мир Теней — мир мертвых, где тени нашли свое успокоение. В Царстве те тени, что мечутся, пытаются найти покой и пристанище. Одни из них со временем обретают мир, и я перевожу их на тот берег, другие обречены вечно быть здесь, терзаемые муками бесконечного поиска.

— И много их тут живет? — поинтересовался Петька.

— Они не живут, — покачал головой Перевозчик.

— Но вы ведь только что сказали, что они здесь, на этом берегу.

— Да, это так, но они не могут жить. Они не живые и не мертвые.

— Наверное, они очень страшные, — поежилась Даша.

— Не страшные и не красивые, не злые и не добрые, не сильные и не слабые. Всякие и никакие. Они тени.

— А как же Морра? Она, знаете, какая страшная! Чего ей от нас надо? Почему она за нами гонится? — воскликнула Даша.

— Потому что вы выбрали дорогу.

— Какую? — не понял Петька.

— Вам лучше знать, куда ведет ваша дорога.

— Но мы не знаем, честное слово. Мы даже не знаем, куда попадем дальше, — с жаром возразила Даша.

— Бывает, что разные дороги ведут в одно место, и одна дорога ведет в разные места. Важно то, что вы хотите найти в конце пути, — бесстрастно произнес Перевозчик.

— Мы хотим найти Хрустальный Ключ. Вы знаете, где он?

— Вы должны сами искать свой путь. Я всего-навсего Перевозчик. Я помогаю тем, кто переправляется на другой берег, — с этими словами лодочник поднял руку с фонарем и вновь взгляделся в даль поверх голов детей.

Петька обернулся и онемел. К лодке шел дед. Он был окутан белым саваном, и двигался так, что движения его были неуловимы. Он словно растворялся в одном месте и тут же появлялся в другом, но уже ближе. Лицо его было бледным, словно вылепленным из воска, и таким же

бесстрастным, как лицо Перевозчика. Даша проследила Петькин взгляд. Увидев деда, она радостно рванулась к нему:

— Деда!

Старик продолжал идти. Взгляд его был устремлен на фонарь, но зрачки были пустыми и темными, как у слепого.

Петька положил руку Даше на плечо.

— Не надо. Он уже не с нами.

Дети стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели, как старик подошел к реке. Ни Петька, ни Даша не видели, как он оказался в лодке. Он просто встал рядом с Перевозчиком.

Лодка отошла от берега и быстро и бесшумно поплыла на другую сторону, влекомая неведомой, таинственной силой. Казалось, она только что была возле берега, где стояли ребята, и вот уже ее силуэт виднелся почти на середине реки.

ГЛАВА 26. ЧЕРНАЯ ДЫРА

Морра не сразу решилась переступить порог Царства Теней, откуда она когда-то с таким трудом вырвалась к людям. Сейчас она медлила, отрешенно перекладывая магический кристалл из руки в руку, поглаживая его длинными тонкими пальцами. Как знать, сумеет ли она во второй раз преодолеть все преграды и снова оказаться наверху?

Морра не предполагала, что ей, могущественной ведьме, предстоит вернуться к теням. Вдруг ее пронзила страшная мысль: она вспомнила, что никто, вырвавшись из Царства Теней, не может вернуться туда безнаказанно. Что если ее отправят в Черную Дыру?

Морра передернула плечами, крылья плаща нервно колыхнулись у нее за спиной. Ей предстояло сделать выбор. Было еще не поздно остаться на земле перешептыванием деревьев, пугающим путников, застигнутых в лесу ночью, или скрипом половиц, наводящим страх на проснувшегося ребенка. Невидимым духом, отпугивающим кошку из нового дома, или похожим на стоны завыванием ветра в печной трубе...

Морра сжала магический кристалл так, что между пальцами пробежала искра, словно от электрического разряда. Сделать шаг в Царство Теней было почти невыносимо, и все же она решилась. Никчемное бесплотное существование наверху не для нее. Либо она вернется в мир людей властной повелительницей, либо... будь, что будет!

Морра резко швырнула магический кристалл в провал, ведущий в Царство Теней и, влекомая им, полетела в никуда. Шаг был сделан. Магический кристалл, символ ее существования не земле, летел в пропасть, набирая скорость, а вместе с ним в самой сердцевине его неслась в бездну жалкая, скомканная, словно лист ненужной бумаги, тень, которая некогда была могущественной колдуньей Моррой.

Кристалл раскалился, от него полетели искры. Сначала они загорались и гасли во тьме одинокими робкими звездочками, потом искры посыпались снопами, как бенгальские огни. Комета кристалла неслась вниз с бешеной скоростью, оставляя за собой светящийся, слепящий след. С каждым новым всплеском ослепительных брызг кристалл становился все меньше и меньше, пока не исчез совсем.

Тень выплеснулась и плоским пятном повисла в пустоте. Худшие опасения Морры становились явью. Она была в Черной Дыре, месте, перед которым трепетала каждая тень. Морра поняла, что ее ждет встреча с Оным. «Тень Теней» иногда называли Его, но никто не знал кто или что это. Встретившиеся с Оным исчезали бесследно, а те немногие, кто видел Его, и кому посчастливилось вернуться из Черной Дыры, хранили глубокую тайну.

В Черной Дыре не существовало ни времени, ни пространства. Здесь царил вакуум, полная пустота. Морра не знала, тянулось ли ожидание вечность или Оное появилось тотчас же, потому что для попавшего сюда не было ни измерений, ни точек отсчета.

Вдруг Морра услышала голоса:

— Она здесь. Она вернулась, — возбужденно сообщил один.

— А где же ей еще быть? — ехидно спросил другой.

— Поглотить. Немедленно поглотить, — захлебываясь и торопясь, предложил третий.

— Нельзя же так сразу, — раздраженно возразил четвертый.

— Суд! Я устрою суд! — мстительно прохрипел пятый.

Перед Моррой было нечто бесформенное и постоянно меняющее очертания. Подобно огромной амебе Оно то протягивало щупальца, то сворачивалось в клубок, ни на мгновение не оставаясь прежним. Оно шевелилось, перетекая из формы в форму, и беседовало само с собой разными голосами.

— Что такое суд, глупец? Это всего лишь средство оттянуть момент, когда ее можно будет поглотить, — раздраженно произнес один из голосов.

— Ох уж эта вечная спешка! Низменная кровожадная тварь, никаких интересов, кроме как поглотить, — презрительно фыркнул второй.

— Так хочется спокойствия. Как я устал от вечных свар. Какая разница поглотить или не поглотить? — флегматично простонал третий.

— Тупое, безразличное животное! Разница большая. Поглотить — значит, вырасти еще на одно существо, — ликовал четвертый.

— Поглотить, и возникнет еще одно «я», которое мне ненавистно, зловеще прошипел пятый.

— От которого я хочу избавиться! — воскликнул шестой.

— Растворить! — взвизгнул седьмой.

— Уничтожить! — отчеканил восьмой.

Морра силилась понять, сколько голосов ведут разговор, но скоро сбилась со счета. Вдруг ее осенило: Оное — это чудовищный клубок, в котором намертво переплелись все тени, когда-либо поглощенные им. Теперь, против своей воли, они существовали в едином целом. Они так и остались разными и непохожими друг на друга, но волею судеб были навечно соединены и обречены существовать вместе, как сиамские близнецы. Они жаждали избавиться друг от друга, зная, что это невозможно, как невозможно избавиться от самого себя. Постоянно ссорясь, они были в вечном разладе с собой. Проклиная друг друга, они проклинали себя, пытаясь освободиться друг от друга, они были не в силах убежать от себя.

Морра содрогнулась. Лучше стать шорохом, шелестом, дуновением, вздохом, скрипом,

стоном — чем угодно, только не частью этого монстра, постоянно терзающего, ненавидящего и бичующего самого себя.

— У меня есть слово, — выкрикнула Морра.

— Слово?

— ... У нее есть слово.

— ... Что такое ее слово?

— ... Я не потеряю ничего, если послушаю.

— ... Я не желаю ничего слушать.

— ... Какое у тебя слово?

Морра медленно, но отчетливо произнесла:

— Ты не можешь поглотить меня сейчас. Я принадлежу девчонке.

— Девчонке?

— ... Какой девчонке?

— ... Может той, которая спустилась в Царство Теней?

— ... Но у нее есть другая тень.

— ... То жалкое подобие, которое таскается за людьми не может с полным правом называться тенью.

Морра воспрянула духом: либо она вырвется из Черной Дыры сейчас, либо никогда.

— Я спустилась сюда за девчонкой, а значит, я ее тень. Дай мне время, пока девчонка не пройдет весь путь до конца, и я докажу тебе, что Я — ее тень, а не та, что следует за ней.

— Я ничего никому не даю, — произнесло Оное.

— У тебя нет времени, нет отсчета часов и минут. Я прошу у тебя время, а значит, не прошу ничего. Если ты дашь мне время, то значит, ничего не дашь. Не давай мне ничего. Я прошу лишь об одном: поглоти одну из нас, одну из теней девчонки. В конце пути, ты узнаешь которую.

На мгновение Оное перестало менять очертания, плавно покачиваясь в небытии, словно гигантская черная медуза. Перед ним была поставлена слишком сложная задача. Впервые за все его существование оно задумалось.

Морра, сжавшись, ждала приговора. Молчание длилось целое безвременье, пока Оное, наконец, не заговорило:

— Я ничего не даю тебе. Если ты докажешь, что ты — тень девчонки, я поглосю ту тень, которая всегда следует за ней. Если нет, то — тебя.

ГЛАВА 27. ХОКА

Лодка скрылась в туманной мгле. Дети все еще стояли на берегу и смотрели ей вслед.

Петька думал про Перевозчика, про деда и про то, как он шел к лодке, глядя перед собой невидящими глазами, и вдруг Петьке стало страшно, как не было страшно еще никогда. Он попытался стряхнуть с себя леденящие щупальца ужаса. С тех пор, как под окнами бабушкиного дома расцвели волшебные маки, и они с Дашкой отправились на поиски Хрустального ключа, у Петьки было странное чувство, будто все происходит с ним, как в сказке. Теперь сказка кончилась. Петька отчетливо ощутил, что они перешагнули запретную черту, путь за которую закрыт, и откуда может не быть возврата. Он лихорадочно сунул руку в карман и ощупал кошелек эльфов, но даже дары крошечных волшебников не ободрили его.

Петьку вывел из задумчивости Дашин голос:

— Петь, хорошо, что ты такой храбрый и ничего не боишься.

— Чего? ю не сразу понял Петька.

— Я говорю, что когда я вижу, какой ты храбрый, я тоже ничего не боюсь, — пояснила Даша, а потом в приливе искренности добавила, — ну, боюсь, конечно, но не так сильно.

Даша восторженно и преданно глядела на Петьку, и он, к своему удивлению, почувствовал, что это придало ему храбрости. В конце концов он должен найти путь назад, хотя бы потому, что Даша младше его, и он за нее в ответе.

— Ладно, пойдем искать твой ключ, — сказал он, и они зашагали по тропинке прочь от реки.

Царство Теней было серым, безликим подобием мира людей. В нем стояли вечные сумерки. Дорога терялась в дали, и ничто не нарушало ее монотонности. Время от времени по обочинам попадались окаменелые деревья, в которых не было ни жизни, ни тепла.

Вдруг позади дети услышали неясный рокот, похожий на глухое урчание отдаленных раскатов грома. Они оглянулись. На линии горизонта клубилось едва различимое облачко, которое стремительно несло вперед и росло на глазах. Петька осмотрелся в поисках убежища. В стороне от дороги стояло одинокое скрюченное подобие дерева. Дети со всех ног побежали к нему. Согнувшись в три погибели и, прижавшись к холодному безжизненному стволу, Петька с Дашей стали ждать неизбежного. Они понимали, что их нетрудно заметить, но все таки чувствовать себя под защитой пусть даже такого никудышнего укрытия было лучше, чем стоять посреди дороги в ожидании, когда тебя догонит и раздавит что-то несущееся следом.

Гул нарастал, постепенно он перешел в топот множества ног. Даша от страха зажмурилась и зажала уши ладонями. Петька осторожно выглянул из-за каменного ствола.

Бесформенная туча, движущаяся по дороге, распалась на множество невиданных существ: длиннолапых и колченогих, хвостатых и бесхвостых, мохнатых и лысых, пеших и летучих... Все они были разные, непохожие друг на друга, и лишь одно роднило их: они были плоские и бестелесые, подобно силуэтам на белой простыне в театре теней. Толпа стремительно мчалась вперед, словно одержимая какой-то сумасшедшей идеей. Чем ближе эта многоликая серая орда приближалась к детям, тем страшнее она казалась. Топот разносился далеко окрест. Только теперь Петька заметил, что со всех сторон к дороге стекаются все новые и новые чудища. Орава росла прямо на глазах. Время от времени по толпе проносился ропот, и тогда из гула голосов вырывалось:

— Та, Которая Видит... Та, Которая Видит, заговорила...

Чудища пронесли мимо. Петька перевел дух. Он выждал немного, прежде чем высунуться

из-за дерева. Гул и топот стихали. Серое облако таяло вдалеке. Петька опасливо вышел из укрытия и, убедившись, что дорога пуста, поманил к себе Дашу. Стоило Даше выйти из-за дерева, как на нее едва не налетело странное существо, которое стремглав мчалось к дороге, чтобы присоединиться к шествию, но, видимо, запоздало. Оно было похоже на взъерошенную кляксу, шлепающую на двух уродливых ножках-капельках. Словно эхо промчавшейся кавалькады, клякса вопила:

— Та, Которая Видит заговорила!

Увидев девочку, существо испугалось не меньше, чем Даша. Торчащие в разные стороны клясины-волосины встали дыбом. Существо взвизгнуло, затряслось, как желе, и, подскочив, постаралось прошмыгнуть между Дашей и деревом, но ему не повезло. Зацепившись за ветку, оно зависло над землей. Несчастливая клякса так беспомощно болтала в воздухе ножками, так жалобно скулила и попискивала, что Даша совсем перестала ее бояться и решила познакомиться с ней поближе. Петька был начеку. Зная Дашину доверчивость, он одним прыжком оказался возле дерева и, строго посмотрев на сестренку, предупредил:

— Дашка, не трожь! Может, он кусается.

— Вот именно. Не трогайте меня. Я кусаюсь! Я очень больно кусаюсь! истошно завопило существо, дрожа мелкой дрожью.

— Никто тебя и не трогает. Только ничего ты не кусаешься. Выдумываешь ты все, ю покачала головой Даша.

— К-к-как ты узнала? — заикаясь от страха, пролепетала клякса.

— Да твоя хитрость насквозь видна, — сказала Даша точно так, как ей говорила бабушка.

— А я вас насквозь не вижу. Значит, вы настоящие?! — от ужаса волосинки зашевелились на голове у неведомого создания.

— А какие же еще? — пожала плечами Даша. — Давай я тебя с дерева сниму.

— Нет!!!

— Ну и виси тогда, если тебе так нравится, — рассердилась Даша.

— Хватит тебе дрожать, скажи лучше, кто ты такой? — вступил в разговор Петька.

— А вы не поглотите меня? — жалобно заскулило существо.

— Чего? Тебя глотать? Да я б и за сто порций мороженого не согласился! — брезгливо поморщился Петька.

— Мы вообще никого не глотаем, мы же не удавы, — вставила Даша.

— А зачем тогда ты меня с дерева хотела снять? — подозрительно спросила клякса.

— Просто мне показалось, что тебе не нравится болтаться в воздухе, сказала Даша.

— А какая тебе польза оттого, что ты меня снимешь?

— Никакой, — пожала плечами Даша.

— Не понимаю, — существо было так озадачено, что даже перестало дрожать.

— Давай, ты нам на вопросы ответишь, а мы за это тебя с дерева снимем. Так понимаешь?
— деловито спросил Петька.

— Теперь понятно, — кивнула клякса и приготовилась отвечать.

— Ты кто такой?

— Кошмар! — сказала существо.

— Я тебя серьезно спрашиваю, — разозлился Петька.

— А я серьезно отвечаю. Я — кошмар.

Существо выглядело так безобидно и комично, что Петька рассмеялся:

— Ты — кошмар? Вот умора!

— Кто же тебя боится? — прыснула со смеху Даша.

— Маленькие дети. Я — кошмар маленьких детей. Меня Хока зовут, может слыхали?

Даша тут же перестала смеяться, покраснела и, потупив глаза, отчаянно замахала головой:

— Нет, не слыхали. Я вообще не такая уж трусиха. Петь, скажи.

Петька покосился на сестренку, но ничего не сказал. Беспомощный и несчастный, Хока болтал в воздухе рахитичными ножками и попискивал. Петьке стало его жалко.

— Чего ты все время трясешься, если ты — кошмар? — спросил он.

— Как же мне не трястись? Я — всего-навсего Хока, маленький и слабый кошмаришко. Посмотрел бы я на вас, если бы вы были такими же крошечными, как я, а вас окружали бы настоящие, большие кошмары. Того и гляди обидят, и ах не скажут. Вот и дрожишь перед каждым листком, — плаксивым голосом пропищал Хока.

Даше было приятно чувствовать себя взрослой, ведь она уже ого-го как давно никакого Хоку не боится.

— Перестань хныкать. Не такой уж ты маленький, — сказала Даша и, чтобы окончательно убедиться, что Хока ей совсем не страшен, решительно подошла к дереву и, не успев Петька глазом моргнуть, как она сняла кляксу с ветки.

На ощупь Хока оказался холодным и склизким. Даше захотелось вытереть ладони, но она боялась обидеть Хоку. Сделав вид, что отряхивается, она вытерла руки об юбку.

Петька с укором посмотрел на сестру. Он еще не узнал от Хоки все, что хотел, а теперь, когда этот недотепа освободился, от него вряд ли чего добьешься. Но тут случилось неожиданное. Хока сжался в комочек, словно ожидая, что с ним произойдет что-то ужасное, а потом, видя, что никто не собирается его обижать, бросился к Петьке и принялся, громко чмокая, целовать его кроссовки. Петька опешил от такого бурного проявления чувств.

— Ты чего это? Прекрати сейчас же, — Петька отскочил в сторону.

— Я только хотел сказать, что готов тебе служить, — подобоострастно пролепетал Хока.

Петька с недоумением уставился на кошмаришку:

— Мне? Но ведь тебя Дашка освободила.

— Зато ты больше и сильнее, — льстиво сказал Хока, закатив глазки.

Хокины рассуждения Петьке не понравились, но сейчас главное было выспросить у кошмарика побольше, пока тот не передумал и не улизнул.

— Кто такая Та, Которая Видит? И почему все к ней так торопятся? спросил Петька.

— Потому что все сходится.

— Что сходится? — Петька с Дашей переглянулись.

— Все-все сходится. Я буду служить вам лучше всех, буду предан, как пес, буду лизать ваши следы... — Хока на коленях пополз к Петьке.

— Знаешь что, встань сейчас же! Расскажи нам все по порядку, — Хокина преданность начала раздражать Петьку.

— Все, что прикажете. Я ваш раб, жалкий слуга...

— Хватит! — прервал его Петька.

Хока в страхе отпрянул и сжался в комочек.

— Петя, не кричи, он же маленький, с ним надо лаской, — сказала Даша. Ей было жалко Хоку, уж очень он был забитым и пугливым. Она обернулась к кошмаришке и ласково попросила:

— Расскажи нам, пожалуйста, что сошлось?

— Та, Которая Видит, заговорила, а вы — настоящие, — вымолвил Хока.

— Ну и что с того? — в сердцах воскликнул Петька. Видно, от этого бестолкового пентюха ничего путного не добьешься.

— Как что? Та, Которая Видит, посвященная. Она ведает Таблицей Судеб, где описано все, что было и что будет. За многознание на ней лежит обет молчания. Она нарушает его раз в столетие, когда Таблица Судеб находится на изломе. Говорят, в это время в Таблицу можно вписать новую страницу. Сегодня Та, Которая Видит, заговорила, а вы оказались здесь — все сходится.

— Ничего не понимаю. Какая связь между нами и Той, Которая Видит? пожал плечами Петька.

— Между верхним и нижним миром есть только один путь. Он ведет сверху вниз, в Мир Теней, но по нему нет возврата. Лишь на изломе Таблицы Судеб живой человек может попасть в Царство Теней, а тень выскользнуть в мир людей. Вот почему все тени спешат к Той, Которая Видит. Каждая надеется попасть туда, — Хока многозначительно поднял палец кверху.

— И ты тоже? — спросила Даша.

— Еще бы! Помогите мне выбраться, — жалобно заскулил Хока.

— А тебе-то зачем наверх? — усмехнулся Петька.

— Я хочу стать полтергейстом, — серьезно признался Хока.

— Кем, кем? Полтергейстом? Это мебель, что ли, двигать? — засмеялся Петька.

— Не только мебель. Еще пожары устраивать, газ включать, да мало ли чего? — оживился Хока.

— Газ — это не игрушки. И вообще зачем это тебе? — удивилась Даша.

— Ради власти и могущества — вот зачем! Ради этого все тени и рвутся наверх, — заговорщическим шепотом произнес Хока.

— Это откуда же у тебя могущество появится? — сморщился Петька.

Хока отвратительно захихикал:

— Кто увидит меня в мире людей? Я буду невидимкой. Вспыхнувший огонь, открытый газ, ни с того ни с сего падающая с потолка люстра, да мало ли как можно внушить страх? А там, где страх, там и власть, а где власть, там сила и могущество!

По мере того, как Хока говорил, он преображался на глазах. Плаксивые нотки исчезли из его голоса. Каждое слово срывалось с губ, словно лай:

— Мы, вечно дрожащие маленькие тени, знаем, как сладко держать в постоянном страхе других. О, я бы стал настоящим полтергейстом, большим и сильным. Я бы знал, как внушать ужас! Все трепетали бы передо мной, могущественным Хокой! Хокой — властелином мира!

От безобидного детского кошмарика не осталось и следа. Взгляд Хоки горел ненавистью и злобой. Выплюывая слова, он в самозабвении брызгал слюной и топал хилыми ножками-кляксами. Он был невыносимо омерзителен.

— Что же будет, если наружу вырвется настоящий кошмар? — Петька схватился за голову.

— Вы думаете настоящий кошмар добьется большего, чем я? — вдруг осекся Хока. — Нет-нет, возьмите меня. Никого не унижали больше меня. Уж я-то знаю, как больнее унижить. Только тот, кто вечно дрожал от страха, знает, как держать в страхе других. Да разве кто сможет достичь большего, чем маленький, тщедушный Хока?! Я смогу, я сумею стать могущественным. Я буду властителем мира. И тогда я отблагодарю вас.

Петька с Дашей, пятясь, отступали от Хоки.

— Неужели вы не поможете мне выбраться? Я дам вам все. Я ваш раб, Хока бросился к детям, но Петька брезгливо отшвырнул его ногой:

— Пошел прочь! Все, на что ты способен, так это пугать маленьких детей, да и те, когда чуть подрастут, тебя не боятся. Никогда тебе не выбраться наверх, слышишь ты, кошмаришко?

Петька с Дашей побежали прочь.

— Я смогу стать могущественным. Поверьте, смогу! — кричал Хока, шлепая за ними вдогонку, но дети не оборачивались.

Некоторое время его стенания еще слышались за спиной, а когда, наконец, они стихли вдалеке, Петька с Дашей остановились, чтобы перевести дух.

— Фу, какой противный, а я его еще пожалела, — сказала Даша.

— Да ну его! Одно слово — Хока, — махнул рукой Петька. — Главное — найти Ту, Которая Видит. Она наверняка знает, как нам выбраться отсюда, ведь неспроста она сегодня вдруг разговорила.

ГЛАВА 28. ТА, КОТОРАЯ ВИДИТ

Петька и Даша пошли в ту сторону, куда умчалась многоликая толпа. Вскоре вдалеке показался лес. Дети прибавили шагу, но сколько они ни шли, лес не становился ближе, дразня своей недосыгаемостью. Даша покорно поспешала за братом. Ноги у нее заплетались, она то и дело спотыкалась на ровном месте.

— Все, Петь, я больше не могу. У меня ноги как деревянные, — наконец, сказала она и остановилась.

— Ну потерпи еще немножко. Идем! — упрашивал ее Петька.

В ответ Даша только беспомощно всхлипнула. Петька тоже страшно устал. Он понимал, что Даше придется еще тяжелее, но останавливаться было нельзя. Надо было во что бы то ни стало найти Ту, Которая Видит. Петька тяжело вздохнул и взял сестренку на руки. Он продолжал упрямо идти вперед, едва волоча ноги. Спина его взмокла, рубашка прилипла к телу.

— Тебе не тяжело? — заботливо спросила Даша.

— Сиди, пока несут. Скоро сама потопаешь, — сурово сказал Петька.

Даша благодарно обняла брата за шею. Они прошли так сотню метров и вдруг с удивлением увидели, что лес, как по волшебству, приблизился. Дорога сузилась и превратилась в тропинку. С обеих сторон ее окружали деревья и кусты, блеклые и пыльные, словно брошенные декорации на задворках уехавшего на гастроли театра. Деревья тянули друг к другу крючковатые лапы сучьев, напоминая диковинных зверей. Дорожка зашла в тупик, упершись в груды беспорядочно набросанных булыжников. Было так тихо, что звенело в ушах. Петька опустил Дашу на землю. Ребята огляделись. Над кучей камней склонилось дерево, причудливо изогнув три длинные ветви.

— Правда, на дракона похоже? — шепотом сказала Даша, дернув Петьку за рукав.

В тот же миг дерево повернуло все три ветки-шеи и уставилось на детей оловянными глазами. Даша не ошиблась. Ребята узнали трехглавого дракона, не так давно промчавшегося мимо них по дороге. У Петьки по спине пробежал холодок. Как в кошмарном сне, он увидел, что другие кусты и деревья тоже ожили и зашевелились. Петька узнал участников безумного шествия.

— Пришли. Они пришли, — прошелестело по толпе.

Со всех сторон детей окружали неведомые существа, словно герои фильмов ужасов. Чудища вперились взглядами в Петьку и Дашу. Дети оказались в ловушке. Петька сунул руку в карман и, приоткрыв кошелек эльфов, пальцем поворошил горошины, в надежде, что какая-нибудь из них придет на помощь, но чуда не произошло.

Между тем, страшилища молча, не мигая, наблюдали за детьми.

«Да ведь каждый из них надеется, что мы поможем ему пробраться в мир людей», — пронеслось в голове у Петьки. Эта мысль придала ему уверенности. Стараясь, чтобы голос его звучал, как можно тверже, Петька обратился к безобразным чудовищам:

— Мы хотим поговорить с Той, Которая Видит.

— Та, Которая Видит, ждет вас, — ответил ему нестройный хор голосов.

Видя, что чудища ведут себя мирно, Даша приободрилась.

— Мы бы раньше пришли, только мы очень устали, — сказала она существу на тоненьких ножках.

Голова уродца была круглой, как шар, и беспрестанно вращалась, точно на шарнире, но как бы голова ни повернулась, детей буравили два пронизательные глаза.

— Та, Которая Видит, ждет вас, — льстиво сообщил уродец.

— А разве вы не Та, Которая Видит? — удивилась Даша.

— Нет, я вижу только то, что вижу, — странное существо еще быстрее закрутило головой.

Петька обратился к трехглавому дракону с шестью тусклыми оловянными глазами.

— Может, вы — Та, Которая Видит?

— Нет, я вижу только то, что вижу, — выдохнув облако пепла, просипел дракон.

Петька с Дашей в замешательстве огляделись. Со всех сторон на них таращились многоликие, многоглазые существа, но, стоило к ним обратиться, как все они отрицательно качали головами.

Наконец, Петька в отчаянии воскликнул:

— Неужели мало видеть то, что видишь? Разве можно видеть что-нибудь еще?

— Можно видеть суть. Это дано только Той, Которая Видит. Только она посвящена в тайну Таблицы Судеб, — ответил многоголосый хор.

— А где нам ее найти? — спросил Петька.

— Ее не надо искать. Она здесь, — чудища вновь пришли в движение, как бы подталкивая детей в нужную сторону. Каждое их прикосновение было не более чем сквозняк, дуновение ветерка. Взглянув на груду камней повнимательнее, Петька с удивлением увидел, что это полуразвалившаяся хибара, кое-как сложенная из неотесанных булыжников. Стоило детям приблизиться к ней, как узкая низкая дверь скрипнула и отворилась.

Петька, а следом за ним Даша не без опаски перешагнули порог. Вся постройка была такая ветхая, что казалось, она вотвот рухнет на головы входящих. Едва дети оказались внутри, как дверца со скрипом захлопнулась.

У Петьки екнуло сердце. Даша вздрогнула и крепче прижалась к брату. Некоторое время они стояли молча, пытаясь хоть что-то различить в потемках. Постепенно глаза их привыкли к полумраку, и дети увидели старуху, неподвижно сидящую среди голых каменных стен, опершись на клюку. Петька с Дашей почтительно приблизились к ней и остановились в ожидании. Вещунья даже не поглядела в их сторону. Во взгляде старухи было что-то странное. Зрачки ее были тусклыми и невидящими. Вдруг Петьку кольнула догадка: да ведь старуха слепая!

— Здравствуйте, вы и есть Та, Которая Видит? — пролепетал Петька, не в силах побороть удивление.

Старуха ничего не ответила, но что-то подсказало Петьке и Даше, что они нашли ту, кого искали.

— Мы идем, чтобы... — начала было Даша, но осеклась, потому что почувствовала, что слова и объяснения не нужны. Та, Которая Видит, знает все.

Зажав клюку между колен, вещунья выставила перед собой руки ладонями вперед и провела ими по воздуху, словно ощупывала нечто невидимое. Пальцы ее слегка подрагивали. Затем она кивнула, будто соглашаясь с чем-то, известным только ей одной, и взяв клюку, ткнула ею в сторону Петьки:

— Ты волен уйти.

Громадный булыжник в стене с грохотом отодвинулся, и Петька увидел бабушкин дом и распахнутую калитку. В конуре сладко спал Шарик. Вдруг пес встрепенулся, поднял одно ухо и глухо зарычал.

— Дашка, бежим! — крикнул Петька и потащил сестру за собой, но к его удивлению, та упиралась.

— Куда ты меня тащишь? Там стена.

— Да вон же бабушкин дом! Ты что, слепая? — прикрикнул он на Дашу и вдруг осекся, испугавшись, что обидел слепую старуху.

Обернувшись, Петька увидел, что калитка исчезла, а на ее месте действительно была глухая серая стена.

— Но я только что видел дом и Шарика... — пробормотал Петька.

— Тебе показалось, — возразила Даша.

Старуха засмеялась, будто закудаhtала, и, тыча клюкой в Петьку, произнесла:

— Ход в верхний мир там, где ты его видел, но только для тебя. Ты можешь вернуться один.

— То есть как один? Никуда я без Дашки не пойду, — решительно заявил Петька и, подхватив сестренку на руки, крепко прижал ее к себе.

— Для нее дверца домой хрустальным ключиком отпирается. Ключик найдет, тогда и уйдет, да и то, если одну тень здесь оставит, — захихикала старуха.

— А разве у меня две тени? ю недоуменно спросила Даша.

Старуха не ответила. Подбородок ее свесился на грудь. Казалось, она задремала. Дети ждали, когда она снова заговорит, но время шло, а старуха молчала. В конце концов Петька решил, что беседа окончена, когда вдруг Та, Которая Видит, заговорила вновь. Голос ее звучал отрешенно, будто она находилась в забытьи.

— Одна тень за тобой идет, а другая — тебя ведет. По свету ты сама идешь, по темну тебя ведут. Беглянка вернулась, но надолго ли?

— Какая беглянка? — тихонько спросила Даша, но старуха продолжала зловещим речитативом, не обращая внимания на Дашин вопрос:

— Теряя одну тень, обретаешь другую. Обретая другую — теряешь себя.

Даше вдруг стало очень страшно, она уткнулась в Петькино плечо и громко заревела.

Старуха очнулась. Она приподняла голову и уставилась перед собой невидящим взором.

— Тебе не дано поставить своего знака в Таблице Судеб. Это может сделать только Избранный. Ему решать, кому выйти отсюда, тебе или тени.

— Кто он? Где его искать? — спросил Петька.

Старуха надтреснуто засмеялась:

— Избранному служат три силы: Вера, Надежда, Любовь. Идите от Вечорки до Зорьки, может, найдете.

Петька хотел было задать следующий вопрос, но старуха ткнула клюкой в сторону двери, и дети поняли, что больше она не скажет ни слова.

Петька медленно подошел к двери и толкнул ее плечом. Дверные петли протяжно заскрипели. С Дашей на руках Петька вышел из каменной хибары. Никаких чудищ не было и в помине, да и дорога не походила на ту, по которой они пришли сюда. Вдалеке полыхало зарево.

— Что это? Закат? — спросила Даша.

— Какой может быть закат под землей? Наверное, пожар, — предположил Петька.

Дети вглядывались вдаль, пытаясь разглядеть, что горит, но так ничего и не увидели.

Сзади послышался стон дверных петель, дверь захлопнулась. Петька оглянулся. На месте хибары лежала груда неотесанных камней.

ГЛАВА 29. ЦАРСТВО ВЕЧНОГО ЗАКАТА

Дети пошли на зарево. Сумеречное небо полыхало кровавыми красками. Кое-где багрянец прорезали золотистые и лиловые лучи точь-в-точь как на земле после захода солнца. Казалось, вот-вот закатные краски погаснут, но время шло, а картина оставалась неизменной. Закат был словно нарисован, так же как раньше серые сумерки.

Пройдя немного, ребята увидели, что приближаются к старинному городу, обнесенному высокой крепостной стеной. От крыш построек, сторожевых башен и куполов церквей исходило красноватое сияние.

— Это город светится, — зачарованно прошептала Даша.

Дети подошли к глубокому рву, окружавшему городские стены. Подъемный мост на тяжелых медно-красных цепях был опущен. В городе царило безмолвие.

— Интересно, есть тут кто живой? — подумал вслух Петька.

Пройдя за ворота, дети оказались на пустынной узкой улочке, мощеной булыжником, по обеим сторонам которой высились дома из красного камня. Улочка привела ребят на такую же тихую и безлюдную рыночную площадь. Всюду были разложены всевозможные товары. Возле открытых лавок стояли огромные, в человеческий рост медные кувшины, сияли, как солнца, до блеска отполированные медные тазы и тарелки, искусно украшенные замысловатой чеканкой. На всем лежала печать красноватого марева.

Дети не стали задерживаться на площади. В ее безмолвии было что-то неестественное и зловещее. Свернув в первый переулок, они вышли к гостеприимно распахнутым воротам.

Посреди просторного двора стоял сверкающий, словно золоченый, богатый терем. Широкая лестница с витыми перилами вела в верхние палаты. Над основными постройками возвышалась круглая башня. Арочные двери обрамляли крученые колонны. На окнах красовались резные наличники. Время от времени по терему накатом проходило сияние, будто его захлестывала волна света, идущего изнутри.

— Давай зайдем, раз открыто, — сказал Петька.

Притихшая Даша последовала за братом. Озираясь по сторонам, дети подошли к крыльцу и медленно поднялись по ступенькам. Удивительный терем от порога до крыши был отлит из меди. Шаги ребят гулко разносились по округе, но никто не поспешил им навстречу. Петька и Даша вошли в просторную горницу.

В красноватых закатных лучах горница казалась таинственной. Медные блики играли на посуде, расставленной по полкам. Посреди светлицы был накрыт длинный стол, ломившийся от яств, приготовленных, видно, для большого пиршества. Вдоль стен стояли длинные лавки, на которых мог бы уместиться не один десяток гостей. На столе красовались медные ковши, вазы с заморскими фруктами, дичь да поросята, жареные целиком, шуки фаршированные, заливные осетры, растегаи и прочая снедь. Только одно было непонятно и странно. Все яства были из меди.

— Я есть хочу, — вздохнула Даша.

— Железяку погрызешь? — ухмыльнулся Петька. Он и сам был не прочь перекусить.

Петька с Дашей обошли стол. В торце, чуть поодаль от остальных угощений, стояло большое круглое блюдо, на котором одиноко лежало искусно сделанное яблоко, отливающее красноватыми медными бочками. На изогнутом хвостике топорщился маленький листочек.

— Смотри, а вдруг это то самое наливное яблочко, которое катится по блюдечку? — сказала Даша и взяла яблоко в руки.

Посередине его был поясочек, словно яблоко можно было открыть. Не долго думая, Даша покрутила половинки яблока и раскрыла его, как матрешку. Из яблока выпало медное семечко, ударилось об пол и вдруг вспыхнуло снопом искр. Не успели Петька с Дашей отскочить, как искры погасли, а там, где упало семечко, стояла красна девица в темно-вишневом летнике, отороченном бурым лисьим мехом. На голове у красавицы была шапочка с меховой подпушкой, усыпанная драгоценными рубинами. Карие глаза сияли золотистыми крапинками, а на грудь спускались две тяжелые косы медно-красного цвета, каждая в руку толщиной.

— Василиса Прекрасная! — выдохнула Даша, глядя на красавицу во все глаза.

— Я — Вечорка, хозяйка Медного царства. А вы с чем к нам пожаловали, с бедой али с радостью? Гости вы долгожданные али вовсе незваные?

— Нас Та, Которая Видит, послала, — наконец обрел дар речи Петька, которого поначалу неожиданное появление хозяйки сбило с толку.

— А пошто она вас ко мне послала? — спросила Вечорка. Голос ее звучал ласково и приветливо, и Петька окончательно осмелел.

— Она сказала, что мы у вас Избранного найдем, а мы даже не знаем, какой он из себя. Он нам позарез нужен. Без него и без Хрустального ключа нам домой не вернуться.

— Я бы и рада вам пособить, да только Избранного найти не просто. У меня путь начало берет, и ведет он далече через Полуночку к Зорьке. Избранного не по лицу ищут, а по следу.

Пройдете путь от начала до конца, может, его и отыщете.

— Вот и старуха так сказала, — с досадой махнул рукой Петька. — То есть, я хотел сказать, Та, Которая Видит, — поправился он, боясь, что назвал ведунью слишком непочтительно.

— Путь вам дальний предстоит. Отдохните сначала, сил наберитесь, чай, умаялись. А потом я вам путь-дорогу укажу, — поклонилась гостям Вечорка.

Даша, которая все это время восхищенно смотрела на красавицу, дала волю своим чувствам. Она подбежала к Вечорке, и, ухватив ее за руку, на одном дыхании произнесла:

— Вы такая красивая! Самая красивая на свете!

Лицо красной девицы зарделось румянцем, и от этого она стала еще краше.

— Да что же это мы стоим-то? Давно пора вечерять, — захлопотала хозяйка, стараясь скрыть смущение. — Угощения нашего отведайте, а потом к сестрам моим младшим отправитесь, Полуночке, да Зорьке. Они-то краше моего будут.

Вечорка подвела Петьку и Дашу к почетным местам во главе стола:

— Да вы присаживайтесь, в ногах правды нету, — поклонилась она в пояс.

Петька с тоской поглядел на медные угощения.

«Неужели медь заставит грызть? Вообще-то тут все с приветом», подумал он, а вслух сказал:

— Спасибо, мы сытые.

— Вовсе мы не сытые. Просто у вас ничего вкусного нет, а железные продукты мы не едим, — заявила Даша.

Петька бросил на сестру сердитый взгляд. Дашку не поймешь, то понапридумает с три короба, а то ее некстати честность обуревают. На вид-то Вечорка добрая, а там, кто ее знает. Петька считал, что подземных жителей лучше не злить. Вопреки Петькиным опасениям, красавица не обиделась.

— На угощение вам гневаться не придется, — сказала Вечорка, хлопнула три раза в ладоши, взмахнула широким правым рукавом летника, и все яства на столе превратились в настоящие; взмахнула левым, — все напитки запенились и заискрились.

— Классно! — восхитился Петька.

— Гостям красный угол, а я насупротив сяду. Да вы кушайте, не стесняйтесь.

Петька с Дашей не стали дожидаться повторного приглашения. Они набросились на еду, потому что последний раз ели еще в харчевне у Лакомки. Казалось, с тех пор прошла вечность.

ю Какие странные у вас с сестрами имена, — сказала Даша, которая терпеть не могла поговорку: «Когда я ем, я глух и нем». «Когда я кушаю, я говорю и слушаю» нравилась ей гораздо больше.

— Да чего ж тут странного? Я под вечер родилась, вот и назвали меня Вечоркой. Средняя сестрица родилась посеред ночи, и нарекли ее Полуночкой, а младшая сестренька родилась аккурат под утро, вот и имя ей Зорька. До осмнадцати годков жили мы все дружно, да ладно, никогда не разлучались, а потом развела нас судьба по разным царствам. Теперь-то мы и не

видимся никогда, разве что весточку друг другу перешлем — и то радость.

— А почему вы не видите? — любопытствовала Даша.

— Потому что супруги наши друг друга на посту сменяют, да никогда вместе не бывают. С тех самых пор, как унес меня Дракон Медный не видала я сестер своих любимых, — вздохнула Вечорка.

Петька аж поперхнулся:

— К-какой дракон?

— Медный, — Вечорка выглянула в оконце и сказала, — Вы, однако кушайте, да не задерживайтесь. Как повечеряем, я вас к Полуночке направлю, а то не ровен час мой муженек возвратится, не миновать тогда беды.

— Так, может, мы лучше с собой на дорогу чего-нибудь прихватим и сразу уйдем? — заторопился Петька. Как ни нравилась ему Вечорка, а встречаться с ее суженым у Петьки желания не было.

— Как же вы такая красивая, а муж — дракон, — у Даши глаза с перепугу стали круглыми.

— Бог с тобой. Мой суженый не дракон вовсе, а витязь прекрасный. Да вы, поди, мою историю не знаете? Кушайте, время еще ждет, а я вам пока расскажу все по порядку.

«Росли мы у матушки счастливо, горя не знали, а однажды пошли на речку купаться. Разыгрались так, что про все позабыли, а потом вдруг видим, потемнело небо. Глядь, а на нас дракон летит медный о трех головах. Спрятались мы в кусты, думали, не заметит, да только волосы у меня от рождения больно приметные, огненные, словно пожаром полыхают. Вот змий постылый на меня глаз и положил. Прилетел он под вечер того дня, когда исполнилось мне осмадцать лет, налетел словно вихрь на нашу деревню, враз несколько домов подпалил. Все попрятались от страха, а он, ненавистный, и молвит:

„Отдайте мне ту, у которой волосы словно огонь горят, а иначе никому пощады не будет, всю деревню запалю, в пепел превращу, по ветру развею“.

На всю деревню только я такая медноволосая. Всем миром люди к нашему дому собрались челом бить, чтоб матушка моя меня к дракону отравила, да деревню от гибели уберегла. Закручинилась моя матушка, заплакала горячими слезами. Не смогла свое дитячко дракону отдать. Увидала я, как все убиваются и поняла, что не будет мне счастья, и белый свет мне с овчинку покажется, ежели я деревню погублю. И убежала я к дракону в полон по доброй воле. Только за околицу выбежала, как дракон меня схватил и уволок сюда, в Царство Медное.

Долго ли, коротко ли томилась я у змия постылого в заперти, только явился однажды добрый молодец красивый да статный, что ясно солнышко, а волосы, точно мои, огнем горят. Звали его славный витязь Закат. Сразился он с ненавистным чудищем, снес ему все три головы с плеч долой и стал правителем Медного Царства, а я ему верной женой. С тех пор и живу здесь не пленницей, а царицей. Каждый день моего суженого поджидаю. Как вернется он со своей дружинуской, все воины славные — лучи солнышка заходящего, да как сядут они за пир, так все в городе разом оживает, да нашему счастью радуется».

ю А почему нам нельзя встречаться с витязем Закатом? Он что, злой? допытывалась Даша.

— Что ты, что ты. Он добрый да ласковый. С ним и небо алеет, и птицы в лесу вечерние песни поют, а каждая былинка к пению прислушивается, но любовь его так горяча, что все кругом себя опалает. Потому он и держится всегда поодаль, чтобы теплом землю ласкать, а не пожаром жечь. Простому смертному его жаркой любви не вынести, так что не след вам с

ним встречаться.

ГЛАВА 30. НАПУТСТВИЕ

К тому времени как Вечорка завершила свой рассказ, Петька с Дашей окончили трапезу.

— Ну, пора вам в путь собираться. Напрямки до Полуночки не добратесь. Дорога к ней лежит через Ледяной дворец. Двери в него вам любовь отопрет. А из дворца сами выбирайте по темну идти или по светлу.

— Нам бы лучше по светлу, — сказал Петька.

— Это уж как пойдете. Только помните: из Ледяного дворца к Полуночке две двери ведут: одна — белая, другая — черная. Выйдете через белую дверь, попадете на светлый путь, а через черную, так лучше б вам и не выходить.

— Конечно, в белую пойдем. Спасибо, что предупредили, — поблагодарил Петька. — А как к Ледяному дворцу попасть?

— Путь туда лежит через Нечистый Лес, где всякая нечисть пробавляется, — покачала головой Вечорка и, видя, что дети загрустили, продолжила, — да вы не кручиньтесь, я вам пособлю. Дам я вам коня из своей конюшни.

Вечорка вывела гостей на крыльцо и хлопнула в ладоши:

— Эй ты, волчья стать, травяной мешок!

Застоялся, чай, мой резвой конек?

Предо мною появишься,

Да конем оборотись!

В тот же миг земля задрожала и взвился посреди двора огненный столб, а когда утихло все, Петька с Дашей увидели, что стоит перед крыльцом конь-огонь. Грива и хвост словно пламя пылают, из-под копыт искры сыплются. На месте не стоит, так и пританцовывает.

— Чай, в седле держаться умеете? — спросила Вечорка, лукаво поглядев на ребят.

Петька приуныл. Когда-то он ездил на лошади в парке. Маленьких детей, вроде Дашки, там катали на повозке, а на совсем смиренных и старых клячах, которые не то что галопом, но и шагом-то ходили еле-еле, разрешали кататься верхом. Тихие парковые кобылы ничего общего не имели с этим рвущимся с места скакуном.

— Петя на коне запросто скачет. Он все умеет, — гордо выпалила Даша.

Петька понимал, что это громко сказано, и как бы невзначай вставил:

— Вообще-то я на таком коне ни разу не ездил.

— На таком коне мало кто ездивал. Конь-то не простой, а двоедушник, сказала Вечорка.

— То-то я смотрю, он норовистый такой. Не сбросит? — поинтересовался Петька тоном человека, хорошо разбирающегося в породах лошадей. По правде говоря, кроме

владимирского тяжеловоза и лошади Пржевальского никаких других пород Петька не знал, вот теперь разве что еще двоедушника.

— Я ему словечко скажу, он и не сбросит, — пообещала Вечорка и обратилась к коню:

— Поклажа легка,

да упряжь крепка

держит твой норов

под надежным запором.

Скачи, подгоняй,

Да мягче ступай.

Конь пару раз стукнул копытом, потрянул огненной гривой и стал, как вкопанный, гордо вскинув точеную голову, а Вечорка напутствовала Петьку с Дашей:

— Скачет мой конь быстрее ветра, никакой нечисти за ним не угнаться, и пока упряжь на нем, будет он как шелковый. Да вот вам в дорогу три зернышка: ячменное, просяное и пшеничное. Коли по дороге где остановитесь, корма коню не задавайте прежде, чем зернышко не дадите. Первый раз остановится, дайте ему ячменное зернышко. Второй раз — просяное, а уж на третий — пшеничное. Эти зернышки коню норов усмиряют. Смотрите, ежели про них забыть, аль перепутать, быть беде. На первый раз шлея лопнет, в другой раз седло сорвется, а уж в третий — уздечку потеряете, тогда пеняйте на себя.

Красавица положила зернышки в расшитый кисет и надежно упрятала его под седло, чтоб не выпал.

Конь согнул передние ноги и встал перед детьми на колени, словно приглашая их оседлать его. В отличии от Даши, которая храбро залезла на скакуна, Петька забирался в седло не без опаски. Ну как тот взбрыкнет на полпути? Однако, другого выхода не было, приходилось довериться огненному двоедушнику. Пока дети усаживались в седле и прощались с Вечоркой, конь вел себя на редкость смирно. Он услужливо подставлял спину, ждал пока Петька возьмет покрепче поводья, а потом обернулся и поглядел на мальчика бархатными глазами, словно спрашивая: «Готов ли?»

Петька тронул поводья, и конь, только того и ждавший как стрела, выпущенная из тугого лука, рванулся вперед. Даша обернулась, чтобы помахать Вечорке на прощание, но древний город и Царство Вечного Заката остались далеко позади.

ГЛАВА 31. НЕЧАЯННОСТЬ

Двоедушник несея галопом, так что ветер свистел в ушах, и искры сыпались из-под его копыт, но ступал он так гладко, что Петька с Дашей почти не чувствовали тряски, словно конь скакал не по земле, а летел по воздуху. От бешеной скорости все по обочинам дороги сливалось в сплошную серую полосу. Не прошло и нескольких минут, как вдалеке на горизонте дети увидели что-то темное.

— Наверное, это и есть лес, где нечисть водится? Интересно, как же он растет под землей?
— сказал Петька, стараясь перекрыть рев ветра.

В мгновение ока конь оказался на опушке леса, и ступил на извилистую тропинку. Здесь он умерил свой бег, так что дети могли рассмотреть лес, зловещим куполом нависавший над ними. Голые, корявые стволы деревьев окружали всадников со всех сторон. Некоторые из них уходили корнями в землю, другие, повинувшись неведомому колдовству, висели в воздухе. Безжизненные плети ветвей безвольно свисали вдоль стволов. Ни одна из них не тянулась вверх, потому что тянуться было не к чему. Этот лес никогда не видел ни солнца, ни света. Вдруг Петьку осенило.

— Дашка, да ведь это корни!

Теперь и Даша видела, что стволы были гигантскими корневищами, пронизывающими землю и уходящими дальше вглубь. Корневища поменьше еще не успели пробуравить подземелье насквозь, и поэтому зависли, как плети, под высоким сводом пещеры. Корни так разрослись, что над тропой, словно скопище змей кишело сплошное сплетение черных, коричневых и белесых корней и корешков.

Конь подскакал к развилке. Здесь тропа раздваивалась. Он остановился и ударил копытом. Петька не знал, в какую сторону править, и решил предоставить коню самому выбрать нужную дорогу.

С конем творилось что-то неладное. Он направился на восток, потом повернул на запад, прошел несколько шагов и нехотя вернулся на восточную тропу. Медленно, словно рассекая невидимую преграду, двоедушник пошел вперед. Каждый шаг давался ему с невероятным усилием. Мускулы коня напряглись, в углах рта появилась белая пена. Казалось, невидимая сила тянет скакуна назад.

Вдруг с западной стороны донесся слабый протяжный звук, похожий на эхо отдаленного воя. Двоедушник сник и остановился, а потом, будто сбросив невидимые оковы, резко одним прыжком развернулся и во весь опор поскакал на запад.

Петька и Даша не поняли, что произошло, они доверились коню. Скачка продолжалась недолго. Вскоре между корневищами показался просвет. Петька с облегчением вздохнул, думая, что они, наконец, добрались до края чудовищного леса, но оказалось, что радоваться рано. Они выехали на большую поляну и увидели деревню, затерявшуюся среди бескрайней чащобы.

Десятка два покосившихся бревенчатых домов стояли без плетней и загоронок. Ни подворий, ни садов не было возле унылых голых изб.

Двоедушник направился напрямик к длинной деревянной постройке, похожей на амбар, как-будто ему и раньше приходилось бывать здесь, и он хорошо знал это место. За амбаром конь остановился. Одна доска сарая подгнила, и зерно, просыпавшееся в щель, лежало на земле аккуратным холмиком. Конь стукнул копытом и издал тихое ржание.

— Тихо ты, — прошептал Петька, поглаживая коня по загривку. Петька боялся переполошить деревню, но из бревенчатых изб не донеслось ни звука.

Конь в другой раз настойчиво стукнул копытом, как бы показывая на просыпанное зерно.

— Хочешь, не хочешь, а конягу надо покормить, иначе дальше не пойдет, — понял Петька и нехотя спешился.

Нагнувшись, он пригляделся к рассыпанным на земле зернам.

— А зерно-то свежее. Значит, в деревне кто-то живет, — вслух задумался Петька и, пожав плечами, добавил, — а может, просто под землей сохраняется долго. Вон у фараонов в

пирамидах тоже нашли — как новенькое.

Спешившись, Петька почувствовал, как сильно он устал от скачки, и как у него затекли ноги. Он помог Даше слезть с коня, чтобы она тоже немного размялась. Петька привязал уздечку к вбитому в землю колышку и, обратившись к Даше, приказал:

— Стой здесь, а я разведу, что к чему. Если удастся, возьмем из амбара зерна, накормим коня и поскачем дальше.

Петька, озираясь по сторонам, пошел к двери амбара. Ни он, ни Даша не заметили, как в это время от стены сарая отделилась блеклая, едва заметная тень. Она метнулась в сторону Даши и застыла подле ее ног.

Даша вспомнила про три зернышка, которые дала им Вечорка. Ей вдруг захотелось на них посмотреть. Она вытащила кисет из-под седла, развязала его и, перевернув, вытряхнула зернышки себе на ладонку. Рука Даши дрогнула, и зернышки упали на землю. Даша нагнулась, чтобы их поднять, но, к своему ужасу, увидела, что они затерялись среди зерна, просыпавшегося через щель. Чуть не плача, девочка разглядывала ячменные, просяные и пшеничные зернышки, разбросанные на земле, но никак не могла понять, какие из них волшебные.

Краем глаза Даша увидела, что Петька возвращается. Не раздумывая, Даша схватила первые попавшиеся три зернышка и, сунув их в кисет, спрятала его на прежнее место.

— По-моему, в деревне никто не живет, но все равно лучше не высовываться, — сказал Петька, подойдя к Даше. — Вон ведро валяется. Я в него зерна насыплю, коня покормим по быстрому, и дальше отправимся.

При виде брата Даше стало стыдно за то, что она натворила. Она вообще не любила вранье. Конечно, она любила пофантазировать, но ведь фантазия не имеет с враньем ничего общего.

Даша решила во всем признаться Петьке, но не успела, потому что он пошел за ведром. Оглядевшись, Петька поднял худое ведро с погнутой дужкой, да так и застыл на месте. Из избы напротив полилась грустная песня.

Горе-горькое мне не выплакать.

Все, что на сердце, мне не высказать.

Без родительской на то волюшки,

Увезли меня мне на горюшко.

Горе-горькое, неумное.

Кони быстрые, ночка темная.

Жгучи слезоньки все текут рекой,

Отдают меня замуж силушкой

За немилого, за постылого.

Брачно ложе, мне стань могилою.

Горе-горькое, неумное.

Кони быстрые, ночка темная.

Голос был чистый и нежный, а мелодия и слова песни такими печальными, что у Даша на глаза навернулись слезы. Она забыла и про зернышки, и про признание.

— Петь, пойдём, посмотрим, кто поёт, — громким шепотом сказала она.

— Не нравится мне все это. Я думаю, надо скорее коня накормить, да отсюда убираться, — заспешил Петька.

Даша опять вспомнила про зернышки. Она посопела, поковыряла носком туфельки землю и начала:

— Петь...

Пока Даша собиралась с духом, Петька достал кисет и, вытащив ячменное зернышко, протянул его коню. Двоедушник покорно взял зернышко влажными губами. Вдруг он встрепенулся, встал на дыбы, мышцы его напряглись и заиграли, но через мгновение он был тем же смирным конем, что и раньше.

Даша, затаив дыхание, глядела на шлею. Та оставалась целой и невредимой. Вздохнув с облегчением, Даша решила, что она подняла те самые зернышки, которые нужно, а значит, можно ни о чем не рассказывать.

Петька ласково потрепал коня по загривку и сказал:

— Сейчас, рыжий, зерна тебе принесу.

Вдруг Петька почувствовал на себе чей-то взгляд. Он обернулся. На него в упор глядела деревенская девушка, обряженная в холщовую рубаху и простой русский сарафан.

ГЛАВА 32. ВОЛЧЬЯ СВАДЬБА

Красота девушки была неброской. Лицо у нее было простое и открытое, русые волосы заплетены в тугую косу, а глаза припухли от слез. Девушка покачала головой и печально сказала:

— Зачем ты взял ведро?

По голосу ребята узнали певунью.

— Да я не насовсем. Мы только коня покормить хотели. Извините, что я взял без спросу. Конь у нас голодный скакать отказывается, — оправдывался Петька.

— Не ведра и не зерна мне жаль, а вас горемычных. Ведь не деревня это, а логово волкодлавоу, тут ничего трогать нельзя. А коли до чего докоснешься, так волкодлавы за много верст почуют чужих. Чу, слышите, уже возвращаются.

Издали донеслось конское ржание и звон бубенцов. Кто-то играл на гармошке, раздавались смех и пение.

Петька хотел посадить Дашу на коня, но на этот раз двоедушник вздыбился и ударил копытом о пустое ведро. Петька понял, что если коня не накормить, он никуда не поскачет.

— Не кручиньтесь, я научу вас, как от волкодлавов уйти, — сказала девушка.

Петька оценивающе посмотрел на нежданную помощницу. Он понимал, что здесь со всеми надо держать ухо востро, но этой крестьянской девушке почему-то поверил. Девушка скороговоркой заговорила:

— Они как явятся, так вас на свадебный пир зазывать станут и без того, чтоб вы с ними застолье разделили, вас ни за что не отпустят.

Не упорствуйте, на все соглашайтесь, приглашение принимайте. Только, скажите, что вам с дороги умыться надо. Пускай, мол, нам невеста прислужит. Я явлюсь вам прислужить и скажу, что дальше делать. А сейчас побегу, чтоб меня с вами не видали, да не заподозрили чего.

Девушка бегом кинулась в избу.

Между тем к деревне подъехал свадебный поезд, ровно тринадцать телег с бубенцами. Люди веселые, нарядные. Лошади лентами украшены. На первой телеге жених в суконном зипуне. На голове фуражка с заливастским заломом, с боку цветов приколот. Рядом с женихом сват, чин по чину, полотенцем через плечо перевязан. С ними же и дружка, да гармонист на гармони наяривает. По всему видно, веселый народ.

— Неужели это волкодлавы? — недоуменно прошептала Даша.

— Не знаю. Вроде непохоже. Люди, как люди, — пожал плечами Петька.

Развеселая кавалькада остановилась. Приехавшие пососкакивали с телег и окружили ребят.

— Никак к нам гости пожаловали? — сказал жених, обойдя детей кругом. Голос его звучал приветливо. Лицо было красивым: брови густые вразлет, нос точеный, из-под фуражки темные кудри выбиваются. Тонкие губы постоянно улыбались, только глаза были жесткими и холодными.

— Принимай гостеньков дорогих, дружка!

Молодой парень соскочил с телеги и, отвесив поклон, сказал:

— И то верно. У нас нынче большой день. Мы всем миром пирком, да за свадебку!

Его слова были встречены общим хохотом и улюлюканьем.

— Не откажите, гости дорогие, примите наше приглашение, ю продолжал дружка, суетсясь вокруг детей.

— Ладно, — кивнул Петька. — Только мы хотим умыться с дороги, и чтоб нам невеста прислуживала.

— А и лес у нас вверх дном, а и свадьба вверх торманом. Можно и невесту в прислужницы, — засмеялся жених.

Под хохот и визг шумная гурьба повела Петьку с Дашей к покосившейся избенке. Через темные сени ребята прошли в горенку. Бревенчатые стены горницы потемнели от времени, а кое-где их проела плесенью сырость. От голого земляного пола тянуло холодом. Даша поежилась. Двое ряженных, кривляясь и куражась, принесли большой кувшин с водой, да

битый перебитый таз.

— Вы умойтесь, отдохните, да не шибко тяните. А потом будет у нас свадебка, не хуже, чем у людей: со свахой, со сватом, будет свадьба богатой, — засмеялись они, отвесили шутовские поклоны и выбежали на улицу.

Когда дверь за ними захлопнулась, ребята вздохнули с облегчением.

— Шебутные какие-то, — покачал головой Петька.

— Жениха видел? Сам смеется, рот до ушей, хоть завязочки пришей, а глаза злющие, как у волка. Да у них у всех такие, — поморщилась Даша.

— Пошто до свадебки ко мне пожаловали?

Ребята вздрогнули от неожиданности. Рядом с ними стояла певунья, неизвестно как появившаяся в пустой горнице.

— Так вы нам помочь обещали, научить, как отсюда убежать, — напомнил Петька.

— Неужто ты мне поверил? — насмешливо спросила невеста.

«Вот это да! Неужели обманет?» — пронеслось в голове у Петьки, а девушка продолжала:

— Я вот думку думала, да и передумала. Али не знаешь, что тому, кого волкодлав хоть единожды поцеловал, веры нету?

Петьку охватило одновременно отчаяние и злость на себя, не мог же он так ошибиться!

— Что бы вы ни говорили, а я знаю, что вы с ними не за одно. У вас глаза не такие, как у всех. В вас злобы нету, — выпалил он.

— Выходит, ты мне веришь? — удивленно произнесла невеста.

Петька до боли сжал кулаки. Несколько секунд, показавшихся ему вечностью, он в упор смотрел на девушку, а потом твердо сказал:

— Верю.

Девушка вскрикнула и отшатнулась, в смятении прикрыв рот ладонью, а потом бросилась перед Петькой на колени.

— Эй, зачем это? Встаньте! Что у вас тут за привычки, чуть что все на колени бухаются, — растерявшийся в конец Петька поднял невесту с колен.

— Так ты ведь избавитель мой. Много годочков я тебя ждала, все глазоньки повыплакала, уж не чаяла, что придешь, — сказала девушка.

— Вы меня, наверное, с кем-то спутали, — замотал головой Петька.

ю Может да, а может и нет, только за веру твою, я вам, как смогу, пособлю. От волкодлавоу убежать непросто. На земле они людьми были, только жили несправедно. Те, кто девушек ворует да силком принуждает замуж идти, потом волкодлавами становятся. Правду ты сказал, что глаза у меня другие. Не вина на мне лежит, а беда. Волкодлавы меня силком утащили на волчью свадьбу. С тех пор я с ними и мыкаюсь.

— А почему вам от них не убежать?

— И рада бы, отбивалась, да не в те когти попалась. Ежели днем убегу, ночь меня назад ворочает. Нет моей душе успокоения, и лежит на мне заклятие. Коли меня кто верой отогреет, получу я избавление, и увезет меня Перевозчик на тот берег на покой от вечной муки. Вот почему я тебя избавителем назвала. За доверие твое отплачу сполна. Слушайте меня внимательно, а то время у нас меряно, минуты считаны. Как выйдете отсюда, будут волкодлавы шутовскую свадьбу играть. Смотрите, не удивляйтесь и слова поперек не говорите. За пир садитесь, но не ешьте, не пейте, все под стол бросайте. Ежели вы хоть кусочек съедите, хоть глоточек выпьете, то по этому кусочку, да по глоточку они вас где хочешь сыщут, за своим куском придут, ни днем, ни ночью в покое не оставят. От них тогда нигде не схоронишься.

— А ну если они заметят, что мы не едим? — спросила Даша, которая пробовала тайком от бабушки скармливать кашу Шарику и помнила, как ей потом за это досталось.

— Не заметят. Вы питье, да угощение перекрестите, да поплюйте через левое плечо три раза, они в упор будут глядеть, подливать да потчевать, а ничего не заметят. А как сходбище сильно навеселе будет, с мест повскакивает, да все «Горько» кричать зачнут, тут уж не теряйтесь. Как начнет меня жених в губы целовать, вы коня седлайте, да гоните во весь опор, потому как в это время в них волкодлавы наружу выходить станут, и в сей миг они вроде как слепые и глухие ко всему. Так что бегите, что есть сил.

Только успела девушка последние слова вымолвить, как в дверь громко забарабанили.

— Ну что гостеньки, заждались мы уже. Невесту снарядите, вперед посадите, а нам ворота отворите!

Жених сапогом вышиб дверь и сказал:

— Знатная будет у нас свадьба с заезжими гостями, — в глазах его сверкнул злой огонек, но он тут же рассмеялся и повернулся к невесте. Что, невестушка! Вот тебе родня, да подружки для нашей пирушки.

Несколько мужчин обрядились в женские платки и встали возле невесты, а один из них визгливым голосом запричитал:

— Торговую не лисицами, не куницами, не атласом, не бархатом, а торговую девичьей красотой. На загадки идешь, аль на золоту казну? — обратился он к жениху.

— На силушку молодецкую! — расхохотался жених и, расшвыряв ряженных, подскочил к невесте, ухватив ее за косу и поволок на улицу, а оттуда в хлев.

Даше было так жалко бедную девушку, что глаза ее наполнились слезами. Петька крепко сжал ее ладошку, а невеста, обернувшись, чуть заметно улыбнулась и палец к губам приложила, чтоб Даша молчала.

— Вы не обессудьте, поп у нас в разъездах, так что мы по-своему венчанье справим, — кривлялся дружка.

Шумная толпа ввалилась в хлев. Там на покосившемся ящичке лежали две черные свечи, да два ржавых обруча от небольших кадусек. Возле ящичка ряженный в шутовском наряде поджидал жениха с невестой. Молодые подошли к ряженному, тот надел им на головы ржавые обручи, словно венцы, подал в руки свечи и обратился к жениху:

— Согласен ли ты взять в жены эту девицу?

— Я-то согласен, — развязно кивнул жених.

— А согласна ли ты, девица, взять в мужья этого доброго молодца? льстиво проблеял ряженный.

Ни словечка невеста не произнесла, а жених схватил ее за волосы, косу на руку намотал, и, дернув изо всех сил, рассмеялся:

— А и согласна, и не согласна — все одно. Моя будет!

Его слова были встречены всеобщим гиканьем и криками. В этот миг огонь свечи в руке девушки заколебался и погас, а обруч упал с головы жениха и покатился по полу.

Жених, усмехаясь, недобрым взглядом буравил бедную девушку.

— А почто свеча у тебя загасла, душенька? Чай, недолго тебе жить после свадьбы? А и венец с меня упал, укатился — знать, мне вдовствовать. Может, ты уйти, убежать от своего суженого захотела? От меня в могиле не спрячешься! — загоготал он.

— Ну, что ж, теперь, когда у молодых все слажено, просим всех на пир-угощение! — вскричал дружка. — Тащится, несется сахарное яство на золотом блюде, перед князя молодого, перед тысяцкого, перед сваху княжую, перед большого боярина, перед весь княжий полк!

С хохотом и гиканьем все направились во двор, где — когда успели накрыть? — уже ждало угощение. На что деревня была худая, а угощение — не по деревне. Чего только не было на столах! Петька глянул на сестренку и строго приказал:

— Дашка, ничего не ешь!

— Я, Петенька, у них ни за что есть не буду. Зачем они нашу невесту обижают? — гордо вскинув голову, сказала Даша.

Сев за стол, дети сделали все, как велела невеста. Еду, питье перекрестили, за левое плечо поплевали, и при первой же возможности выплеснули все под стол и стали потихоньку сбрасывать туда куски. На удивление хозяева ничего не замечали, знай, подливали пенистое вино.

— Пей, чтобы курочки велись, а пирожки не расчинивались!

Только Петька выливал стакан вина на землю, а ему уж наливали второй. Тут Даша неловко выплеснула брагу прямо на колени дружке. Темное пятно расплзлось по штанине. Даша в ужасе зажмурилась, Петька затаил дыхание, но дружка и глазом не моргнул, словно ничего не произошло. Как ни в чем ни бывало, он продолжал потчевать:

— Быть на свадьбе, да не быть пьяну — грешно.

У Даши отлегло от сердца. Свадьба гуляла, пока все порядком не осоловели. Вдруг гости разом повскакивали с мест и закричали:

— Ой, горько вино! Горько!

Петька с Дашей, не теряясь, вскочили с лавки. Жених схватил невесту и долгим поцелуем приник к ее губам. В тот же миг люди на глазах у ребят стали корчиться и биться, словно в припадке. Их лица обростали густой серой шерстью, изо ртов вылезали острые клыки, длинные когти прорезались из скрюченных пальцев. Руки и ноги превращались в волчьи лапы. Стоял жуткий душераздирающий вой.

Петька с Дашей, не помня себя, что есть ног бросились к амбару, где стоял их конь. На этот раз двоедушник не стал выказывать свой норов, а покорно опустил и подставил седокам

спину. Петька мигом подсадил Дашу, а потом сам с необычайной прытью вскочил в седло. Он оглянулся последний раз и увидел, что невеста тоже стала обращаться в волка, но вдруг шерсть с нее спала, и она в длинном белом саване пошла прочь.

— Невеста уходит! Сбегает навсегда! — прохрипел жених, но тут его губы свела судорога. Воздух прорезал пронзительный вой. Волки бросились за девушкой, но ее словно отделяла от них невидимая преграда. Лицо девушки было спокойным и бесстрастным. Движения — неуловимы. Она исчезала в одном месте и тут же появлялась в другом. Она шла, глядя перед собой невидящим взглядом. Ее ждал Перевозчик.

Упустив девушку, волки ринулись за детьми.

Двоедушник взвился и рванул с места. Петька слышал, как от рывка что-то хрустнуло, но он не мог обернуться и посмотреть, что случилось. Вцепившись в поводья, он пришпоривал коня.

— Ну быстрее, миленький! — в испуге кричал Петька.

— Коник, родненький, пожалуйста, скорее! — вторила брату Даша.

Волчья стая неслась по пятам.

ГЛАВА 33. ВОЛЧЬЯ СТАТЬ, ТРАВЯНОЙ МЕШОК

За спиной дети слышали лязг зубов и храп свирепых зверей, но конь летел, как птица. Его копыта едва касались тропы, голые стволы подземного леса мелькали, сливаясь в серое месиво. Грива коня развевалась, как бушующий огонь. Шкура покрылась потом и лоснилась от бешеной скачки, но движения скакуна были легки, в нем не чувствовалось ни напряжения, ни усталости, будто эта сумасшедшая гонка была для него простой прогулкой.

Мало помалу, звуки погони стали удаляться, пока не стихли совсем. Петька перевел дух:

— Ух, правду сказала Вечорка, двоедушник — порода что надо. Никому за ним не угнаться.

Петьке послышалось что-то странное в перестуке копыт, но он не мог понять, что именно. Он прислушался. Так и есть: передние копыта цокали отчетливо, а задних не было слышно совсем. Петька глянул назад и чуть не упал с коня. Он понял, что за хруст раздался вначале погони — это лопнула шлея. Седло каким-то немыслимым чудом держалось на оборванных ремнях, но ужас был не в этом. Круп, задние ноги и хвост коня были волчьи. Огромные когтистые лапы неслышно ступали по тропе. Норов двоедушника выходил наружу.

— Вот тебе и волчья статья, травяной мешок! Вот тебе и двоедушник! — в растерянности пробормотал Петька.

— Чего? — спросила Даша, обернувшись к брату.

— Сиди ровно, не вертись, а то свалишься, — строго наказал Петька.

Он не знал, как сказать сестре о происшедшем с конем превращении. Чтобы не очень напугать ее, Петька решил начать издали.

— Помнишь сказку, как Иван Царевич на волке ездил?

— Ага, — кивнула Даша.

— И ведь ничего страшного не случилось, — как можно беззаботнее произнес Петька.

— Нет, а что? — в голосе Даши зазвучала нотка тревоги.

— Ну так это... вобщем... Короче, двоедушник это не совсем лошадь. У него вроде как две души, с одной стороны — это конь, а с другой — волк. Вроде как у Ивана Царевича, — добавил Петька.

— Петь, ты такой умный. Откуда ты все знаешь? — спросила Даша.

— У него шлея лопнула, и зад в волчий превратился, — выдохнул Петька.

— Ой! — Даша вскрикнула. Она повернулась к Петьке. Лицо ее было белее мела. Значит, все-таки она подобрала не те зернышки. Как теперь признаться в том, что она натворила, что все случилось по ее вине? Губы Даши задрожали. Петька по-своему понял Дашин испуг.

— Наверно, я зернышки перепутал. Ты не помнишь, какое надо было сначала дать, ячменное или просяное? — спросил он.

— Просяное, — сказала Даша, хотя точно помнила, что ячменное.

— Точно перепутал. Все из-за меня, — сказал Петька упавшим голосом.

— Как же ты так, Петь, — вздохнув с облегчением, укоризненно покачала головой Даша.

— Мне показалось, Вечорка сказала, первым давать ячменное. Да что там теперь говорить. Натворил я дел, — сокрушенно махнул рукой Петька.

— Не расстраивайся, только, смотри, больше не перепутай, — сказала Даша.

От ее испуга не осталось и следа. Она была рада, что сидит к Петьке спиной. Впервые в жизни Даше было трудно посмотреть брату в глаза.

— Эх, Дашка, молодчина ты у меня! — похвалил ее Петька.

Даша наклонила голову, пряча улыбку.

Если бы в подземном царстве светило солнце, и Дашина тень не пряталась скромно в вечных сумерках, дети заметили бы, что она поблекла. Зато пятно едва уловимой тени, следовавший за детьми по пятам, потемнело.

Между тем дорога опять вышла к развилке. Конь остановился. Он захрапел и забил копытом, словно собираясь сделать отчаянный прыжок. Двоедушник скакнул на восток, но будто невидимая преграда встала на его пути. Он вздыбился. Дети едва удержались в седле. Как и в прошлый раз на перепутье, коня словно раздирали две силы, одна тянула его направо, другая — налево. Двоедушник рвался на восток, бока его покрылись пеной, но задние волчьи ноги упирались и тащили его на запад. Вдруг оттуда, с западной стороны, донесся едва различимый звук: не то протяжный стон, не то подвывание. Скакуна словно подкосило. Конь сдался, волк победил. Двоедушник тряхнул гривой и галопом поскакал на запад.

ГЛАВА 34. КУКУШКИНО ГНЕЗДО

Узкая тропа вилась меж деревьев-корней и, казалось, ей не будет конца. Чащоба зловещей стеной обступала всадников со всех сторон. Конь перешел на трусцу. Внезапно впереди, меж

стволов, забрезжила проплешина. Двоедушник остановился, как вкопанный, и, подогнув передние ноги, встал на колени, будто предлагал детям спешиться.

— Станция Березайка, кому надо вылезай-ка, — мрачно пошутил Петька, слезая с коня. — Пойдем, поглядим, что там такое.

Он помог Даше спуститься на землю и взял двоедушника под уздцы. Дети сошли с тропинки и, прячась в зарослях, стали осторожно продвигаться вперед. Конь послушно ступал за ними. За деревьями показался унылый пустырь, посреди которого одиноко стояла огромная пятистенная изба. Продираясь сквозь густую поросль корней и стараясь держаться подальше от открытого места, дети и конь подошли к избе как можно ближе. Завеса из переплетающихся корней скрывала нечаянных гостей от чужих глаз, зато Петьке и Даше было видно и слышно все, что делалось возле дома.

Из избы донесся плач младенца.

— Там маленький, — удивленно прошептала Даша.

— Сам слышу. Только я думаю, что это не нашего ума дело, — отрезал Петька.

Вдруг мрачное безмолвие леса нарушило кукование кукушки. Крик птицы казался одиноким и тоскливым. Кукушка словно жаловалась на то, что заблудилась в этой зловещей молчаливой чащобе. Но вот на ее зов эхом отозвалась другая, третья... И тотчас лес ожил кукушиными криками.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку, — доносилось со всех сторон. Кукушки перекликались, вторили друг другу, как будто вели нескончаемый спор, кто больше лет насчитает. Голоса их приближались, и вскоре дети отчетливо услышали шум крыльев. Со всех сторон к избе слетелись кукушки и с унылыми криками закружили над пустырем.

— Петь, чего это они сюда слетаются? — с опаской спросила Даша.

— Откуда я знаю? Может, у них тут гнездо, — огрызнулся Петька.

Как легко и просто все казалось, когда они верхом на двоедушнике выехали из Царства Вечного Заката, и как страшно и неожиданно все оборачивалось теперь. Коварный и жестокий лес не отпускал путников, готовя для них все новые испытания. Прячась за ветками-корнями, ребята наблюдали за избой.

Кукушки одна за другой подлетали к лежащей посреди двора дубовой колоде и ударялись о нее крылом. Головы птиц превращались в человеческие. Вскоре над избой кружила стая безобразных существ с туловищами птиц и головами уродливых старух. Кукушиные крики перешли в пение:

Гули-гули гушеньки

Гуляли кукушеньки,

Во чужие гнездышки

Детушек бросали.

И по доброй волюшке

На сиротску долюшку

При живой при матушке

Деток обрекали.
Эх, гульба-гуленочка,
Сколь вилась веревочка,
К старости кукушеньки
Вспомнили о чадах.
Где же вы, кровиночки,
Доченьки и сыночки?
Нет в гнезде кукушеньки
Ни тепла, ни лада.
Гули-гули гушеньки
Гуляли кукушеньки,
Славно пировали,
Да деток прогуляли.

Женщины-птицы слетели вниз и ударились оземь. Стон прокатился по лесу, и вместо птиц, откуда ни возьмись, появились страшные, горбатые, грязные старухи.

— Бабы-еги, — испугалась Даша.

— Ничего себе, да их тут целая орава. Наверное, от такой прорвы у избушки курьи ножки отвалились, — едва слышно проговорил Петька.

Между тем старухи, суетясь и толкаясь, поспешили в избу. Вдруг одна из них застыла на пороге и, медленно обернувшись, огляделась. Ее маленькие злобные глазки буравили обступающую пустырь чащобу. На мгновение Петьке показалось, что взгляд ее остановился как раз на том месте, где они прятались. Петька обмер.

Старуха была на редкость безобразна. Сизый нос ее свисал до подбородка, почти прикрывая шамкающий беззубый рот. На кончике носа торчала огромная бородавка, из которой рос пучок седых волос. Грязные космы патлами торчали в разные стороны. Одежда свисала неопрятными лохмотьями. Ведьма постояла на пороге, вертя носом, словно принюхиваясь, а потом вытерла руки о замусоленный передник и вошла в избу вслед за остальными.

— Фу, я уж думал, она нас заметила, — с облегчением выдохнул Петька.

В это время из избы опять донесся плач младенца.

— Петь, я боюсь. Поехали дальше, — шепотом взмолилась Даша.

— Можно подумать, это от меня зависит, — разозлился Петька. Он укоризненно посмотрел на двоедушника. — Ну чего ты нас сюда притащил?

В ответ конь-волк посмотрел на Петьку кроткими темными глазами и, опустив морду к черной

растрескавшейся земле, пошевелил губами, словно щипал траву.

— Неужели опять проголодался? — удивился Петька.

Конь молчаливо кивнул головой.

— Все, Дашка, застряли, — сокрушенно произнес Петька. — Придется дожидаться, пока старые карги не улетят. Тогда поищем, чем накормить этого обжору.

— А вдруг они совсем не улетят? — забеспокоилась Даша.

Тут дверь избы отворилась. Старухи вывалили во двор и окружили колоду. Одна ведьма тащила ворох грязного тряпья. Она опустила его на колоду и выпростала из тряпок младенца.

— Что ж ты, малый, криком заходишься? Али мы тебя не нячим, не лелеем? — проквохтала она и сделала младенцу «козу» скрюченными иссохшими пальцами.

Младенец надрывно кричал, беспомощно перебирая в воздухе тоненькими ручками и ножками, как жучок, который упал на спину и тщетно пытается перевернуться. Старуха с бородавкой покачала головой.

— Надобно его водой отлить, чтоб не маялся, не надрывался.

Она обвела взглядом остальных и скомандовала:

— Подружки-богинки, принесите-ка мне золы из трех печей: избной, горничной и банной, да водицы кринку.

Старухи побежали выполнять ее приказ, а Даша уткнулась Петьке в самое ухо, и в ужасе зашептала:

— Петь, это богинки. Мне бабуля часто говорила: не ходи далеко одна, а то богинки унесут. Никакой дед с мешком детей не ворует. Это все богинки. Наверное, они и этого маленького украли.

Петька, припав к стволу дерева-корня, смотрел, что будет дальше. Ведьмы поставили кринку с водой на колоду рядом с ребенком. Притоптывая и пришептывая, они закружили вокруг колоды, в шаманском танце, по очереди бросая в кринку по щепотке золы. Наконец, все было готово. Носатая приподняла кринку, и пробормотав заклинание, сбрызнула из нее младенца. Когда старуха шептала, волосы у нее на бородавке подрагивали, и от этого казалось, что нос у ведьмы ходит ходуном.

Плач младенца перешел во всхлипывания и затих совсем.

— Ну вот так-то лучше будет, — прошепелявила старуха. — Теперь можно дитятю покормить.

Две богинки живо принесли плошку, наполненную мутноватой жидкостью. Носатая ведьма завернула в замусоленную тряпицу хлебный мякиш, смочила его в мутном пойле и сунула младенцу. Тот принялся сосать.

— Проголодался, поди. Ишь как чмокает, — проговорила старуха.

— Скоро приворотное зелье свое дело сделает. Недолго нашему малютке осталось человеческим дитем быть. Через две полных луны превратится он в настоящего черного колдуна.

Богинки отвратительно захихикали.

Даша беспокойно переступила с ноги на ногу.

— Петь, говорю тебе, они этого малыша украли, а теперь из него колдуна хотят сделать.

— Тише ты, — шикнул на сестру Петька.

Ему тоже было жалко малыша, но чем они могли ему помочь? Сейчас их самих в пору было спасать. Кто знает, сколько еще эти старухи собираются тут крутиться?

Покормив младенца, богинки отнесли его в избу, вышли во двор, бросились оземь, и, обратившись кукушками, улетели прочь. В чаще все дальше и дальше раздавалось их заунывное кукование.

Петька, не помня себя от радости, обнял сестренку:

— Дашка, мы спасены! Они нас не заметили!

Не теряя времени даром, Петька схватил коня-волка под уздцы, и они, продравшись сквозь заросли, направились к избе. Двоедушник уверенно обогнул пятистенки, словно знал, куда идти, и подвел детей к яслям, наполненным зерном. Петька вытащил из-под седла кiset и достал из него оставшиеся два зернышка. Мгновение он колебался, не зная, стоит ли теперь давать двоедушнику просяное зерно, но решил, что хуже не будет. Конь, словно поцеловав Петькину ладонь, взял зернышко влажными губами.

Дети напряженно глядели на седло. Петька подошел, попробовал его на прочность и с облегчением вздохнул. Подпруга крепко держала седло на спине скакуна.

«Хорошо, что на этот раз зернышко правильное», — Даша с облегчением вздохнула, но Петьке ничего не сказала.

Конь склонился над яслями. Петька посмотрел в сторону избы, немного подумал и решился:

— Ладно, пока он ест, пойдем на малыша посмотрим.

Дети осторожно прошмыгнули в дверь. Жилище богинок было неудобным и неопрятным под стать хозяйкам. Посреди темной горницы возвышалась закопченная печь. Возле окна стоял замызганный стол, по стенам — плохо обструганные полаты, с набросанным на них грязным тряпьем, а в углу люлька, в которой лежал, выпроставшись из рваных пеленок, бледный, тщедушный младенец. Его голова казалась непомерно большой для худенького тельца.

Петька и Даша склонились над люлькой.

— Бедолага. Как же его угораздило сюда попасть? — покачал головой Петька.

Малыш глядел на ребят ясными васильковыми глазами. Вдруг он потянулся к Петьке крошечными ручонками.

— Смотри-ка, он меня признал, — улыбнулся Петька.

— И кто же это к нам пожаловал? — услышали дети за спиной скрипучий голос.

Из-за печи вышла старуха с бородавкой и, довольно потирая сморщенные ладони, устала на ребят.

Петька с Дашей не заметили, что не все кукушки улетели в лес. Одна из них осталась в избе. Ребята были застигнуты врасплох. Старуха прошаркала к двери и преградила детям путь. Она стояла, пристально разглядывая нежданных гостей, и бормотала что-то себе под нос. Даша подвинулась поближе к Петьке и исподлобья смотрела на бабу-ягу. Вдруг та всплеснула руками.

— Ах вы гости дорогие, некупленные, даровые! Что ж вы так оробели, касатики? Неужто бабушку испугались? Мы детушек не обижаем. Ежели какой малютка от дома отбился, мы его приютим, да обогреем. Мы и вас приветить рады. Нежданный-то гость лучше жданных двух, — хитро прищурившись, слащаво прошамкала старуха.

— Спасибо, но мы ненадолго. Нам дальше ехать надо, — сказал Петька.

— А куда ж такая спешка? В торопях только блох бить. Вы, гляжу, умаялись, уморились. Дам я вам настоечки целебной. Кто ее пьет, тому она силы прибавляет, и жизнь краше делает. Всяк, кто ее испробует, скажет, что лучше нее ничего на свете нету, — старуха подошла к печке, отодвинула заслонку, вытащила из печи кринку с той самой мутной жидкостью, которой богинки поили ребенка и, пробормотав над ней заклинание, осторожно, чтобы не расплескать, налила в глиняные кружки.

— Попейте, настоечки-то. Сразу легче станет, — она протянула кружки детям и нараспев произнесла:

Если выпьете настойку,

Станет сладким все, что горько.

Все, что плохо, будет мило.

Позабудьте все, что было.

Целый год как день пройдет,

И быльем все порастет.

Богинка посмотрела на Петьку долгим пронизывающим взглядом, и он, к своему ужасу и удивлению, увидел, что рука его сама собой поднимается и подносит кружку к губам. Петька с трудом сбросил с себя наваждение и, резко кивнув на окно, сказал:

— Ой, чего это там? Кто-то еще пришел?

— Кто? — удивилась старуха и, повернувшись к детям спиной, высунула длинный нос в окно.

Не теряя ни секунды, Петька выплеснул зелье под полати, знаком приказал Даше сделать то же самое и поднес пустую кружку к губам. Когда богинка повернулась от окна, она увидела, что дети покорно пьют зелье.

— Померещилось тебе. В наши края редко гости захаживают, — проквохтала ведьма.

— Наверное, показалось, — согласился Петька, возвращая старухе пустые кружки.

— Ну, вот и молодцы, что так быстро управились, — одобрительно кивнула богинка. — А теперь, коли истома на вас найдет, на полати прилягте.

— Ладно, — кивнул Петька и изобразил зевоту. На удивление у него вышло до того хорошо, что Даша, глядя на брата зевнула по-настоящему.

Богинка довольно потерла ладони и прошепелявила:

— Отдыхайте, почивайте, а я тем временем других бабушек кликну, мигом обернусь. Уж как мы вас приветим!

Под пристальным взором уродливой старухи, Петька улегся на полати, застеленные грязным рваньем, и уложил рядом с собой брезгливо поморщившуюся Дашу. Сквозь полу прикрытые ресницы он видел, как ведьма прошаркала к двери. Через минуту со двора донеслось хлопанье крыльев, и с заунывным криком кукушка улетела в лес.

Ребята мгновенно вскочили и бросились к двери. Младенец в люльке захныкал, будто понимал, что Петька с Дашей убегают, оставляя его одного. Мгновение поколебавшись, Петька вернулся к люльке. Малыш отчаянно тянул к нему ручонки и жалобно попискивал. Худенький и иссохший, он перебирал в воздухе ножками-ниточками, словно хотел убежать. С крошечного сморщенного личика на Петьку глядели не по-детски печальные, голубые, как два лоскутка неба, глаза.

— Ну что с тобой делать? — в отчаянии сказал Петька и неумело взял ребенка на руки. Тот затих и крепко уцепился за Петькину рубашку, сжав ее в крохотных кулачках. Сам того не ожидая, Петька принял решение.

— Знаешь что, давай заберем его с собой, — сказал он сестре.

Возле Даши шевельнулось темное пятно. Раньше ей всегда хотелось иметь младшего братишку или сестренку, но видя, как заботливо Петька прижимает к себе малыша, она недовольно закусила губу. Что если Петька будет любить маленького больше, чем ее?

— Ты что? Куда мы его денем? — ревниво спросила она.

— Не знаю. Потом что-нибудь придумаем. Не оставлять же его здесь, решил Петька.

Из лесу донеслось отдаленное кукование. Во дворе призывно заржал двоедушник.

— Они возвращаются! Бежим! — крикнул Петька и с младенцем на руках выскочил из избы. Даша насупилась. Раньше Петька брал ее за руку, а теперь тащит эту пигалицу.

Во дворе, пританцовывая от нетерпения, ребят поджидал скакун, готовый отправиться в путь.

Двоедушник опустился на колени, чтобы ребятам было сподручнее забраться в седло, но в этот миг мышцы его заиграли, подпруга лопнула, и седло исчезло, как не бывало. Перед детьми стояла страшная помесь гигантского волка с конем. В другое время Петька подумал бы, что волк с лошадиной головой выглядит забавно, но сейчас детям было не до смеха. Кукованье приближалось. Кукушки слетались в свое гнездо.

— Так я и думал, что просяное зернышко не сработает! — сокрушенно воскликнул Петька.

— А еще ребенка тащишь, — язвительно произнесла Даша.

Петька перехватил младенца в одну руку, другой посадил Дашу, а потом и сам вскарабкался на волчью спину. Теперь, когда ему приходилось и держать ребенка, и править, и следить за

тем, чтобы Даша не упала с коня-волка, Петьке не хватало рук.

— Вот видишь, я же говорила, что он будет только мешаться, — надулась Даша, не делая ни малейшей попытки помочь брату. Пятно, ползущее за ней по пятам, еще заметнее потемнело.

Петька понимал, что Даша права, и так по его вине конь превратился неизвестно во что, но бросить малыша у ведьм он не мог. Кукушки уже кружили над детьми, пытаясь заклевать их и забить крыльями. Раздумывать было некогда. Петька натянул поводья, двоедушник взвился с места и, сопровождаемый стаяй пронзительно кричащих птиц, понесся прочь от кукушиного гнезда.

ГЛАВА 36. НЕЗНАКОМКА

Быстро и бесшумно неслись крепкие серые лапы по тропе. Петька с Дашей, ни живы ни мертвы от страха, прижимались к волчьей спине. Густая жесткая шерсть щекотала Дашины голые ноги. Петька крепко обнимал притихшего ребенка. Он боялся, что без седла они свалятся со скакуна, но двоедушник, как и прежде, нес их ровно и бережно. Он мчался как ветер, спасая седоков от погони.

Наконец, кукушки отстали, и их сердитые крики затихли вдалеке. Младенец заворочался у Петьки на руках, и начал тихонько попискивать.

— Намучаемся мы с ним, — покачала головой Даша.

В этот момент из зарослей, словно вихрь, выскочила женщина. Бросившись наперерез двоедушнику, она схватилась за уздечку и с силой рванула поводья из Петькиных рук. От неожиданности Петька потерял равновесие и едва не упал, но Даша вцепилась в брата, удержав его на спине скакуна. Конь-волк вздыбился и отбросил дерзкую женщину. Та отлетела в сторону, но поводья из рук не выпустила. Изловчившись, она попыталась осадить двоедушника, дернув за уздечку, но зверь был сильнее. Он в ярости мотал головой и трепал храбрую незнакомку, словно она была осенним листком на ветру, пока не сбил ее с ног. Конь-волк прыгнул. Страшные когтистые лапы готовы были вонзиться в лежащую на земле женщину, но та откатилась в сторону и прытко вскочила на ноги. Двоедушник опять рванул уздечку, но лесная разбойница так цепко держала поводья, что, казалось, никакая сила не вырвет их у нее из рук. Зверь вновь и вновь сбивал женщину с ног, и каждый раз, чудом увернувшись, она вскакивала с земли.

Петька с Дашей не знали, сколько длилось это противостояние зверя с человеком. Двоедушник храпел и, разбрызгивая пену, метался из стороны в сторону, пытаясь освободиться. Даша изо всех сил ухватилась за холку скакуна, Петька, едва держась на спине двоедушника, прижимал к себе плачущего младенца. Детям казалось, что конца этому кошмару не будет, когда, наконец, зверь стих, будто признав свое поражение и превосходство бесстрашной женщины.

Только теперь ребята с удивлением увидели, насколько маленькой и хрупкой была странная незнакомка. Ее широкая юбка, подоткнутая с одной стороны, обнажала босые ноги, видно исходившие множество дорог. Цветастый платок сбился, и непослушная рыжая прядь лезла в глаза. Рядом с гигантским зверем женщина казалась еще более беззащитной и было странно и непонятно, как могла она устоять и победить в смертельной схватке.

Женщина глянула на Петьку голубыми глазами, поклонилась в пояс и с мольбой произнесла:

— Отдай мне моего малютку, ведь я мать ему.

Петька растерялся. Теперь, когда он спас малыша от богинок, он чувствовал, что отвечает за него. Нечистый лес не раз выказывал свое коварство. Как поверить этой дерзкой страннице? Вдруг она обратится в страшную ведьму? Младенец надрывно кричал. Петька в смятении еще крепче прижал его к себе.

Женщина протянула руки в мольбе:

— Погляди мне в глаза, да выслушай мой рассказ. В поле я косила, да притомилась, прилегла отдохнуть, а сыночка своего в корзинке на меже близ себя поставила, чтоб услышать, ежели заплачет. Да только уснула я, не услышала, не углядела, как богинки его утащили, а вместо ребеночка полено уродливое в корзинку подбросили. Глянь на мои ноги. Столько ими исхожено, истоптано, что и обувь не выдержала. Я на земле все дороги исходила, сыночка искала, а как под землю ушла, так и тут не было мне покоя. К богинкам мне дорожки заказаны. Если б не ты, ни за что не забрать бы мне мою малютку у старых ведьм. Отдай же мне его теперь.

Неожиданно младенец затих. Он посмотрел на Петьку ясными голубыми глазами. Сейчас он был удивительно похож на хрупкую незнакомку. На его личике заиграла беззубая улыбка, и он, вывернувшись из Петькиных рук, потянулся к женщине. Петька молча протянул малыша матери. Та отпустила поводья и, взяв младенца, нежно прижала его к груди.

Петька вздохнул с облегчением. Теперь можно быть за малыша спокойным. Даша исподлобья взглянула на странницу. Еще недавно ей хотелось избавиться от младенца, а теперь, когда его у них забирали, ей было жалко с ним расставаться. Тень, преследующая Дашу, съежилась и слегка отступила.

Между тем, женщина не спешила уйти с дороги, и, когда Петька тронул поводья, остановила его.

— Не торопитесь в путь-дорогу. Прежде спешьте, я вам хочу словечко шепнуть.

Петька с Дашей переглянулись.

ю Нам задерживаться нельзя, мы торопимся, — недоверчиво сказал Петька, крепко сжимая в руках поводья.

Незнакомка посмотрела на детей и покачала головой:

— Не бойтесь, что за добро я вам злом отплачу. Думала, не видать мне покоя веки вечные. Ты вернул мне надежду, что обрету я, наконец, успокоение, — обратилась она к Петьке. — От меня беды не ждите. Словечко мое выслушайте, важное, заветное. Иначе, быть беде.

Женщина говорила с такой горячностью и искренностью, что ей было невозможно не поверить. Петька нехотя слез с коня-волка и помог слезть Даше. Незнакомка поманила их в сторону. Двоедушник нервно переступал сильными лапами, но его карие лошадиные глаза по-прежнему светились кротостью. Искоса поглядывая на зверя, будто опасаясь, что он подслушает, женщина зашептала:

— Не верьте вашему скакуну. Больно много в нем волка. Конь-то вас куда надо довезет, потому как уздечка его норов под замком держит, а вот волк без приворотного зерна из лесу не выпустит.

— У нас зерно есть, пшеничное, — сказал Петька, радуясь, что на этот раз он каким-то чудом положил кисет не под исчезнувшее седло, а в карман.

— Может и так, только чует мое сердце, доверяться ему не след. Ежели зерно верное, волчий нор из двоедушника выйдет. Обернется он конем, вас из леса проводит и ускачет восвояси, а ежели зерно не приворотное, станет он волком. От этого зверя пощады не ждите. С двоедушником и в конском обличи редко кто совладать может. В нем силища недюжинная.

— А как же вы его остановили? — с любопытством спросила Даша.

— Вы не смотрите, что с виду я слабая. Нет в свете никого сильнее матери, что свое дитя защищает. И медведь кошку боится, что котят стережет, — ответила женщина.

Двоедушник издал нетерпеливое ржание. Незнакомка торопливо продолжала:

— Я вас научу, как от волка спастись. Когда двоедушник остановится, да дальше идти откажется, значит скоро лесу конец. Тут вам надо спешиться, да зерно ему дать, иначе он вам дорогу загородит и дальше не пропустит. Только прежде чем зерно давать, оберегитесь. Вижу, кинжал у тебя за поясом не простой, а чудодейственный. Он от недобрых сил оберег дает. Очерти им круг, да спрячьтесь в том кругу, а потом уж зерно двоедушнику давайте. Если станет он волком, то круга того переступить не сможет. Выждите, пока он не ускачет, а там из лесу сами выйдете.

— А если он не уйдет? — забеспокоилась Даша.

— В волчьем облике у него время меряно. Ему к хозяйке возвращаться надо, так что долго он не задержится.

— А как нам выход из лесу найти? — спросил Петька.

— Десять шагов к северу, да три шага на восток. Вот и лесу конец. Удачи вам и низкий поклон за моего малютку. А мое время истекло. Надобно мне идти. Ждут меня.

Женщина еще раз поклонилась детям в пояс и вдруг выражение ее лица изменилось. Оно стало бесстрастным и спокойным. Цветастая юбка и вышитая кофта словно растворились, и теперь она стояла в длинном белом саване. Младенец на ее руках спал безмятежным сном, и на личике его было то же спокойствие, что и на лице матери. Женщина пошла. Движения ее были неуловимы. Она словно исчезала в одном месте и снова появлялась, но уже в другом.

Петька с Дашей не стали дожидаться, пока она затеряется за деревьями. Двоедушник нетерпеливо переступал с ноги на ногу и недовольно фыркал. Петька с Дашей взгромоздились на волчью спину, и скакун понес их дальше.

ГЛАВА 37. ИЗ ПОЛЫМЯ ДА В ЛЕД

Скачка продолжалась недолго. Вскоре двоедушник остановился и, как прежде, по-волчьи усевшись на землю, ссадил с себя седоков. Петька вытащил кисет и достал из него последнее пшеничное зернышко.

— Подожди! — в испуге вскрикнула Даша. — Сначала надо круг нарисовать.

— Угу, — согласился Петька, хотя на этот раз он был уверен, что зернышко вернет двоедушнику прежний облик.

Петька достал кинжал и принялся чертить круг. Двоедушник нервно переступил с ноги на ногу и отошел подальше от Петьки. Когда круг был готов, Даша встала в середину. Двоедушник

топтался на расстоянии, отказываясь приблизиться. Петька сам направил ся к нему.

— Петь, не ходи. Вдруг он тебя схватит, ю заплакала Даша.

— Не бойся. Это зерно хорошее, — успокоил ее Петька.

— Нет! — воскликнула она, но Петька уже подошел к двоедушнику и протянул ему на ладони последнее пшеничное зернышко. Зверь взял зерно, поднял морду кверху и протяжно заржал. Вдруг уздечка лопнула и исчезла. Конское ржание обратилось в пронзительный волчий вой. Петька в ужасе попятился. Гигантский черный волк, сверкнув стальными глазами, свирепо глянул на него и облизнулся. Из оскаленной пасти торчали чудовищные клыки. Петька, что есть ног, рванулся к кругу. Двоедушник одним прыжком настиг его, щелкнул зубами и вдруг словно ударился о невидимую преграду. Петька с Дашей, обнявшись, стояли в круге, не помня себя от страха. Разъяренный зверь прыгнул в другой раз. Сильные лапы, казалось, вот-вот повалят ребят и подомнут их, но невидимая стена вновь удержала лютого зверя. Волк завыл в бессильной злобе. Внезапно вой его оборвался. Зверь наострил уши, будто прислушиваясь, нехотя развернулся, помедлил мгновение, и, сорвавшись с места, большими прыжками скрылся в чащобе.

Дети не сразу решились выйти из своего убежища.

— Вот тебе и зернышко! Почему же оно и на этот раз подвело? задумался Петька.

— Не знаю, — пожала плечами Даша. — Петь, я боюсь идти. Вдруг волк за деревьями прячется?

— Не бойся. Всего-то тринадцать шагов. Только бы определить, где север.

Петька внимательно пригляделся к деревьям, взял Дашу за руку и, продираясь сквозь дебри, стал отсчитывать шаги.

— А откуда ты знаешь, что надо идти в эту сторону? — спросила Даша.

— Деревья с северной стороны мхом обрастают. Это мы по географии проходили, — объяснил Петька.

Даша с уважением посмотрела на брата. Все-таки Петя очень умный, что не спроси — все знает.

Лес неохотно пропускал детей. Свисающие вниз плети ветвей то и дело цеплялись за одежду и за волосы. Воздух был такой спертый и душный, что казался липким на ощупь. Пробираясь сквозь заросли, дети в кровь исцарапали руки и ноги. Десять шагов дались им нелегко. На одиннадцатом ребята свернули направо. Сделав еще три шага, Петька раздвинул переплетенные корни. Яркий слепящий свет ударил в глаза.

Дети застыли в изумлении. Лес внезапно оборвался. Перед ними простиралась бескрайняя равнина. Воздух был чист и прохладен. После непролазной чащи открывшийся взору простор и манил, и отпугивал. Впереди на высокой одинокой скале, словно выточенной из гигантского айсберга, как загадочный сказочный цветок на длинном стебле, блистал и переливался искристым разноцветьем Ледяной дворец. Остроконечные, похожие на сосульки, крыши бесчисленных башенок уходили ввысь. Снизу дворец казался хрупким и полупрозрачным.

Дойдя до скалы, Петька с Дашей обошли ее в поисках лесенки, но только крутая ледяная тропка вела ввысь. Ребята попробовали подняться по ней, но дорожка была такой скользкой, что стоило ступить на нее, как они тут же скатились вниз. Поначалу после удушливого затхлого леса, воздух ледяной равнины казался свежим и бодрящим, но скоро дети начали замерзать. Голые Дашины коленки покраснели, у нее зуб на зуб не попадал от холода. Петька

покрылся гусиной кожей. Ребята прыгали и притоптывали, чтобы хоть как-то согреться. Холод пробирал до костей.

Даша тихонько всхлипнула. Петька посмотрел на сестру и не на шутку испугался. Губы у Даши посинели от холода, густые ресницы казались седыми от инея.

— Ты только не разболейся, — обеспокоено сказал Петька, растирая сестренке руки. — Давай вокруг скалы пробежим, может согреемся.

Даша так заоченела, что ей казалось, она превратилась в ледышку. Все ее тело ломило от холода. Она громко заплакала. Петька бросил сердитый взгляд на неприступный дворец, и вдруг увидел, что от дворца отделилось белоснежное облако. Оно было похоже на пухлый сугроб, искрящийся под лунным светом в морозную ночь.

Облако парило в воздухе, постепенно снижаясь. Даша проследила Петькин взгляд и тоже увидела летящее к ним облако, которое сверкало мириадами крошечных огоньков-звездочек. Девочка перестала плакать, и, как зачарованная глядела вверх.

Становилось теплее. От ледяной скалы перестало тянуть холодом. Лед, как по волшебству, превратился в горный хрусталь.

Сугроб облака опустился перед детьми. Петька с Дашей осторожно забрались на него и утонули, словно в пуховой перине. Легкое и невесомое, облако окутало их со всех сторон, так что из теплого, пушистого сугроба торчали только головы ребят. Петька и Даша быстро согрелись. Необычный корабль поднялся вверх и, плавно покачиваясь, поплыл к Ледяному дворцу. Приятное тепло разливалось по телу. Движение облака убаюкивало, и дети не заметили, как задремали.

ГЛАВА 38. КОЛОДЕЦ ЗАБВЕНИЯ

Петька проснулся от боли в боку. Он открыл глаза и не сразу понял, где находится. Он лежал на чем-то мягком. На высоком хрустальном потолке ломаным шрифтом было начертано: Колодец Забвения. Петьке в бок упиралась рукоять кинжала, подаренного гномам и, видимо, он наткнулся на нее, неловко повернувшись во сне. Петька сел, и вдруг сон как рукой сняло. Он увидел, что они с Дашей находятся в гигантском зале, похожем на аквариум. Пол, стены и потолок были сделаны из хрусталя. Повсюду в самых немыслимых позах лежали тела спящих людей. Кто-то из них тихо посапывал, кто-то храпел во сне. Они были одеты в костюмы разных эпох, будто собрались на бал-маскарад. Посреди хрустальной залы стояли громадные песочные часы, но вместо песка на дне их клубился густой белый пар. Рядом с Петькой, мирно положив ладони под щеку, спала Даша.

«Где мы? Как мы сюда попали?» — пытался вспомнить Петька.

Глазами он искал выход — со всех сторон их окружали толстые хрустальные стены. Не было ни двери, ни окна, ни даже щели. При мысли, что они замурованы в полупрозрачной тюрьме, у Петьки по спине прошел холодок. Вдруг все случившееся всплыло у него в памяти. Их принесло сюда белое облако, но куда оно делось? Доставив пленников во дворец, оно исчезло без следа. Петька легонько потерял Дашу, но та не просыпалась. Он сильнее потряс ее за плечо.

Сестренка спала глубоким сном. Петьку охватило отчаяние. Он попытался поднять Дашу, но ноги не держали ее, и она, словно тряпичная кукла, безвольно повисла на руках брата.

Петька снова сел на пол и взял Дашу на колени. Он вдруг почувствовал себя беспомощным и беззащитным, как будто именно маленькая Даша была источником его мужества. Она так искренне верила в смелость и силу брата, что ее вера невольно передавалась и самому Петьке. Сейчас он остро ощутил, что для него нет ничего дороже, чем его «хвостик», как прозвали Дашу Петькины друзья. Он отдал бы все на свете, лишь бы Даша проснулась и была с ним.

Ресницы Даши вздрогнули, она глубоко вздохнула, и открыла глаза. Увидев Петьку, Даша улыбнулась. Петька с облегчением перевел дыхание. Даша зевнула, потянулась и села. Обведя взглядом хрустальный аквариум, она приглушенно спросила:

— Мы где?

— В Ледяном дворце, засоня, — сказал Петька.

— А это кто? ю кивнула Даша на спящих.

— Откуда я знаю? Не задавай глупых вопросов. Давай думать, как отсюда выбраться.

Перешагивая через спящих, дети обошли Колодец Забвения и еще раз убедились, что выхода из него нет. Петька глянул на песочные часы.

Густой белый пар клубился и перекатывался на дне.

— Дашка, так ведь это и есть то самое облако, — воскликнул Петька. Если оно занесло нас сюда, значит и отсюда может вывести. Только как его вытряхнуть из часов?

Дети подошли к стеклянным конусам. Петька был уверен, что отгадка таится здесь.

— Для чего нужны часы? — задумчиво рассуждал он вслух.

ю Чтобы отсчитывать время, — ответила Даша.

— А если часы стоят, то надо...

— Их завести, — подхватила Даша.

— Точно. Давай перевернем часы и посмотрим, что из этого получится.

Часы были не такими тяжелыми, как могло показаться со стороны. Петька с Дашей без труда перевернули их, и белое облако оказалось наверху. Вдруг оно приобрело очертания фигуры в мантии с широкими рукавами. У силуэта не было лица, и было невозможно понять, мужчина это или женщина. Мантия тоненькой струйкой потекла вниз сквозь узкое отверстие посередине часов. Облако заговорило. Голос его звучал мягко и вкрадчиво, как шелест листьев или шепот морского прибора.

— Чем Хранитель Времени может служить вам?

— Мы хотим выйти отсюда, — сказал Петька.

— Выйти отсюда может только тот, кто правильно ответит на один единственный вопрос. Готовы ли вы к этому? — спросил Хранитель Времени.

Готовы или не готовы, другого выхода не было, и Петька молча кивнул. Глядя на брата, Даша звонко сказала:

— Готовы.

— Что ж, тогда помните. Ваше время истечет, когда последняя секунда уплывет в прошлое, и я успокоюсь на дне часов. Вы должны успеть дать ответ прежде, чем это случится, потому что каждый может перевернуть эти часы только единожды.

— Задавайте свой вопрос, — обреченно вздохнул Петька.

Хранитель Времени мгновение помолчал, а потом нежно прошелестел:

— Что заставляет людей преодолеть любые преграды и сделать невозможное?

Петька с Дашей переглянулись, а Хранитель Времени продолжал:

— Не торопитесь с ответом. Поглядите на тех, кто навечно уснул здесь. Каждый из спящих думал, что ему известна истина. И каждый из них ошибался. Может быть, их ошибки научат вас чему-нибудь. Присмотритесь к ним. Отсчет вашего времени начался. Струйка тоненькой ниточкой медленно плыла по узкому перешейку стеклянных часов, плавно оседая на самом донышке прозрачного резервуара.

Петька с Дашей пошли между спящими, вглядываясь в их лица, стараясь понять, в чем же была их ошибка.

— Что заставляет людей преодолеть преграды и сделать невозможное? задумался Петька.

На ковре лежал купец в богатом кафтане. Пальцы его были унижены дорогими перстнями. Из кармана жилетки свешивалась толстая золотая цепь. Он почмокал губами и, не просыпаясь, произнес:

— Деньги.

— Власть, — просвистел во сне человек в королевской мантии. Он лежал навзничь подле купца. Корона съехала на бок и впилась ему в шею, но он спал, не замечая этого.

Дети прошли дальше.

— Красота, красота... — бредил во сне молодой художник, сжимающий в тонких артистических пальцах палитру и кисти.

— Страх, — метался, не в силах избавиться от мучавшего его кошмара человек в красном капюшоне палача.

Петька с Дашей брезгливо обошли его стороной.

Время неумолимо утекало в прошлое. Уже вся белая мантия облаком лежала на дне стеклянных часов, сверху оставалась лишь голова Хранителя. В ожидании он подпер ее руками, как будто сам размышлял над ответом на свой вопрос. Дети услышали громкие раскаты храпа. Это спал дюжий молодец в кольчуге. Даже спящий он сжимал в кулаке меч.

— Сила, — всхрапнул воин.

— Доброта, — не произнес, а скорее выдохнул во сне монах с пергаментным аскетическим лицом, закутанный в черную рясу.

Время почти истекло. Белое облако клубилось внизу. Хранитель канул в лету, и только последняя тоненькая струйка стекала в прошлое, а ребята так и не нашли ответа. Вдруг в Петькиной памяти всплыли слова Вечорки: «Двери в замок вам любовь отопрет».

— Любовь! — крикнул Петька, что было сил.

Верхний конус часов был пуст. Время кончилось.

— Любовь, слышите, любовь! Вот что заставляет людей сделать невозможное, — повторил Петька.

В Колодце Забвения повисла тишина. Дети в ужасе смотрели на часы, ожидая приговора. Вдруг послышался сухой треск, словно ломались кубики льда, брошенные в теплую воду. Дети обернулись на звук. Стекло потрескалось, и в середине ее появилась проталина. Она росла и росла, пока не стала такой большой, что ребята могли в нее пролезть. Не мешкая, Петька с Дашей выскочили наружу. Проталина тут же подернулась тонкой корочкой и стала быстро затягиваться. Через мгновение стекло снова сковало Колодец Забвения, как толща льда сковывает сном реку.

ГЛАВА 39. МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА

Высокая двустворчатая дверь, бесшумно растворилась перед детьми, приглашая их в белый зал.

— Как в сказке, — прошептала Даша.

— Красивее, чем в музее, — подтвердил Петька.

Стены зала украшала мозаика из слоновой кости и перламутра. С потолка каскадом хрусталя свешивались огромные люстры. Хрусталики поблескивали и искрились, играя множеством огней. В паркете, натертом до блеска, все отражалось, точно в зеркале. В зале было очень тихо.

Петька с Дашей направились к двери в противоположном конце зала. Вдруг дверь бесшумно распахнулась, за ней, словно приглашая детей, открылась вторая, третья... Дети стояли, как зачарованные. Перед ними простиралась бесконечная анфилада комнат. Нежно-розовый зал сменялся небесно-голубым, голубой — бледно-сиреневым, сиреневый — прозрачно-бирюзовым... Казалось, им нет конца. Ни один зал не повторял другой. Дворец поражал великолепием и изысканностью, но в нем было холодно и неуютно. Лишь звук шагов нарушал зловещее молчание таинственного замка.

Даша смотрела по сторонам и, крепко ухватившись за Петьку, молча следовала за братом. Не сговариваясь, ребята старались ступать как можно тише, будто здесь существовал неведомый запрет на звуки. Дети не знали, сколько залов прошли, потому что давно уже сбились со счета. Они перестали удивляться богатому убранству и роскоши дворца. Им хотелось поскорее найти выход.

Наконец, ребята вошли в последнюю дверь и очутились в сказочном зимнем саду. Все здесь было похоже на настоящее, но ни в чем не было жизни. Хрустальные деревья стояли, словно выточенные из льда неизвестным скульптором. На их прозрачных ветвях распустились кружевные, точно нарисованные Дедом Морозом, цветы и листья. В вазах и горшках росли белоснежные розы и пионы, гвоздики и гиацинты, гладиолусы и гортензии... Даша склонилась над цветком розы, чтобы понюхать его, но к своему разочарованию увидела, что роза сделана из тончайшего шелка. Девочка поглядела на другие цветы. Все они были неживые.

Сверху зимний сад покрывал высокий стеклянный купол, сквозь который струился бледный зимний свет. Он придавал саду таинственность. Пол был покрыт ослепительно белым, пушистым ковром, который искрился словно первый снег. Ковер скрадывал звуки, и от этого

волшебный сад казался еще более призрачным.

— Если из этого дворца есть выход, то он должен быть где-то здесь, прошептал Петька.

В глубине сада возвышался полог из тончайшей, серебристой парчи. Складки материи ниспадали мягкими фалдами, сбоку висела витая шелковая веревка с кистями. Некоторое время дети молча стояли возле балдахина, пока Петька не осмелился потянуть за кисти. Парчовый полог стал медленно подниматься. Петька с Дашей невольно отступили. За парчовым покрывалом оказалось еще одно, сотканное из материи такой тонкой и легкой, словно это был сам лунный свет, запутавшийся в паутинке. Покрывало взлетело вверх. Перед детьми, плавно покачиваясь на цепях, висел хрустальный гроб. Вдруг крышка гроба начала медленно подниматься.

Даша хотела закричать, но голос покинул ее. Ноги у Петьки сделались ватными, как в страшном сне, когда хочешь убежать, но не можешь. В гробу лежала прекрасная царевна. Она спала глубоким беспробудным сном. На щеках ее играл легкий румянец. Густые, темные ресницы и черные брови были будто нарисованы. Тяжелые русые косы обрамляли тонкий овал лица. Она лежала, будто спала, но грудь ее не вздымалась дыханием.

На гробе было начертано:

Кто ищет выход, тот его найдет,

Когда дыханье жизни в сад сойдет.

Когда цветы воспрянут ото сна,

Зиме на смену вновь придет весна.

Любовью сад живет с далеких пор,

И погибает от ненужных ссор.

— Ничего не понимаю, — проговорил наконец Петька.

— А я знаю, царевну надо разбудить, — сказала Даша, большой знаток по части принцев и принцесс.

— Как?

— Очень просто, для этого ты должен ее поцеловать, а потом жениться.

Петька, молча уставившись на Дашу, красноречиво покрутил пальцем возле виска.

— Ну, Петенька, так во всех сказках говорится, — передернула плечами Даша.

— Знаешь, про царевну в этих стихах ни слова. Там сказано, что надо сад оживить, — резонно возразил Петька.

— А как мы его оживим? — спросила Даша.

— Если б я знал. Какое еще дыханье жизни этим цветам нужно, чтобы они ото сна воспрянули? — Петька посмотрел на островок белых ландышей. — Ведь как живые!

— Совсем они не как живые. Они не пахнут, — сморщила нос Даша.

Петька уставился на сестру, а потом схватил ее за плечи и скороговоркой произнес:

— Дашка, молодчина. Может это как раз то, что нам нужно. Запах цветов! У нас есть запах цветов!

Петька, торопясь, достал кошелек эльфов. Непослушными пальцами он открыл застежку, все еще боясь, что ошибся, и что дары эльфов не помогут.

Маленькая горошина выкатилась из кошелька на Петькину ладонь, и вдруг цветы заблагоухали. Сад ожил. Шелковые лепестки дрогнули и налились жизнью. Жемчужинки, росой блестящие на листьях, превратились в настоящие капельки росы.

Ресницы мертвой царевны дрогнули, и она открыла глаза. Царевна медленно встала из гроба. Глаза ее были зелеными, словно два изумруда, но взгляд — пустым и безучастным. Она поглядела в сторону Петьки и произнесла:

— Ты сумел разбудить сад. Никому кроме тебя это не удавалось. И за это я открою потайную дверцу.

Голос царевны звучал бесстрастно и монотонно. Она говорила и двигалась как во сне. Прекрасный принц еще не пришел, чтобы разбудить ее. Царевна сделала плавный жест рукой в сторону кустов жасмина, и те расступились, обнажив маленькую, сверкающую белизной дверцу в стене. У Петьки радостно подпрыгнуло сердце: они нашли-таки белую дверцу!

— Идите с любовью и миром, и вы найдете счастье. Ты достоин этого, сказала царевна Петьке.

Темное пятно на белоснежном ковре, притаившееся возле Дашиных ног, едва заметно шевельнулось.

— Между прочим, это я придумала про запах цветов, — сказала Даша, как бы невзначай.

Царевна молча вернулась на свое хрустальное ложе и смежила веки. Никто не обратил на Дашины слова внимания, и от этого Даше стало еще обиднее.

— Так нечестно, Петенька. Все время кошелек эльфов у тебя. Теперь моя очередь его носить.

— Дашка, ты чего? — Петька с удивлением посмотрел на сестру.

— А то, что ты кошелек себе захапал, а мне тоже хочется.

— Какая разница, у кого кошелек? — пожал плечами Петька.

— А если разницы нет, то давай его мне, — капризно топнула ногой Даша.

Петька смотрел на Дашу и не узнавал сестру. Чего это на нее вдруг нашло? «Устала, наверное, вот и капризничает. Другая бы на ее месте совсем разоралась, а Дашка еще молодцом держится», — подумал Петька и примирительно сказал:

— Ну ладно, пойдем. А то еще дверцу закроют.

— Никуда я без кошелька не пойду, — заупрямилась Даша.

— Дашка, не дури, ты же его потеряешь. У тебя не карманы, а смех один, — пытался

урезонить сестренку Петька.

— Жадина ты! Я с тобой не вожусь! — Даша отвернулась.

Внезапно на сад спустились сумерки. Над стеклянным куполом повисло черное грозное облако. Цветы на глазах закрывали лепестки. В саду стало темно. Петька с ужасом глянул на дверь. Та словно полиняла, из белой превратившись в серую, и продолжала темнеть дальше.

— Смотри! Все из-за твоих капризов, — крикнул Петька и, схватив Дашу за руку, потащил ее к дверце, пока та не почернела совсем. Ребята с разбегу влетели в дверь. Она отливала угольной чернотой.

ГЛАВА 40. НЕ БУДИТЕ ЛИХО

Тени клубились в глубинах ледяной пропасти. Они периной стлались по земле, одеялом окутывали безжизненные утесы. Здесь спало Лихо, всем лихам лихо. И видело оно сон.

А и шло по дороге Лихо

Лихо страшное, безобразное.

Голова, что люто лоханище,

Из ушей дым столбом валит,

Глазищи, что горящи уголья,

Изо рта поганый змей торчит.

А й навстречу ему Лихо статное,

Ликом белое, да опрятное.

И затеяли они долгий спор.

Засмеялося Лихо страшное,

Говорило оно таковы слова:

«Да какое ты Лихо поганое,

Как никто тебя не убоится?

На меня лишь глянь и мороз берет.

Голова, что люто лоханище,

Из ушей дым столбом валит,

Глазищи, что горящи уголья,

Изо рта поганый змей торчит».

Отвечало ему Лихо статное,

Ликом белое, да опрятное:

«Ой ты зря надо мной надсмехаешься.

Не тебе со мной силушкой меряться.

Не велика честь страшить робкого,

А хоробрый не ужахнетися.

Не то лихо, что пред тобой стоит:

А то лихо, что в тебе сидит,

Лишь раздором открой дверцу черную,

Источу тотчас сердце ржавчиной.

А кого захвачу я в полон к себе,

Так не быть ему тем, кем он прежде был».

Черная дверца раскрылась. Морра бросилась на самое дно ледяной пропасти. Она упала на пуховое одеяло и на мягкую перину, сотканые из мрака и теней. Вскочив на ноги, засмеялась Морра и побежала, на ходу пригоршнями подбирая клочья мглы, похожие на обрывки грозových туч, и разбрасывая их, словно комья снега.

— Проснись Лихо! Хватит тебе спать, — воскликнула Морра.

Черные глубины отозвались едва слышным вздохом, а Морра продолжала:

— Лихо страшное в лесу Нечистом мается, от бессилия исходит злобой. Оказалось не под силу ему справиться даже с детьми. Покажи, на что ты способно. Ты прекрасное, ты манящее. Так ли умеешь ты душу иссушить и в лед превратить, как хвалишься?

И проснулось тут Лихо статное, ликом белое, да опрятное. Шевельнулось оно в глубинах ледяной пропасти и раскинуло бархатный купол с бриллиантовой россыпью звезд.

ГЛАВА 41. ПРИГЛАШЕНИЕ

Над детьми шатром раскинулся купол ночного неба. Звезды мерцали и перемигивались. Под ногами у ребят стлалась черная антрацитовая дорога, в которой поблескивали крапинки слюды, и от этого Петьке с Дашей казалось, что и внизу простирается звездная бездна. Было светло, как в ясную ночь, когда луна, распахнув кратеры глаз, с любопытством взирает на землю. Но луны на здешнем небе не было. Впереди, точно лоскут темного атласа лежало круглое озеро. Вода в нем была гладкой и черной, как смоль, словно колдовское зелье налитое в гигантскую чашу из черного оникса.

Даше было не по себе. Она очень редко ссорилась с братом, и теперь ей было грустно и тоскливо.

— Петь, — сказала она, шмыгнув носом.

— Чего тебе, — сердито отозвался Петька.

— Давай мириться, — Даша протянула мизинчик.

Петька хотел напомнить Дашке, что из-за нее они попали в черную дверцу, но на лице у сестренки было написано такое искреннее раскаяние, что Петькину злость как рукой сняло. Он взял Дашин мизинчик и произнес магическую мирилку:

— Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись.

Даша сразу повеселела. Теперь, когда они с Петькой помирились, и черная дверца, и темная дорога казались не такими страшными.

Вдруг озеро озарил сполох, на мгновение высветив его изнутри, и тотчас же погас, потонув в черной бездне воды. Огромная рыба с громким всплеском ударила по воде серебристым хвостом и исчезла в глубине.словно по ее знаку под водяной гладью раздался смех, похожий на звон колокольчиков. По черному зеркалу озера прокатилась легкая зыбь, и одна за другой, резвясь и играя, как стайка дельфинов, из воды стали выпрыгивать девы-рыбы. Красивые лица их были бледными, изящные руки отливали голубизной и казались полупрозрачными. Длинные распущенные волосы украшали венки из зеленоватых водорослей, а чешуйки на рыбьих хвостах поблескивали серебром и испускали призрачное сияние.

— Смотри, русалочки, — прошептала Петьке Даша.

— Иногда нас зовут русалками, — засмеялись в ответ девы-рыбы, — но есть у нас и другое имя — берегини.

Хохотуньи подплыли к детям и сели на берегу, поигрывая в воде серебряными хвостами.

— А почему вы берегини? Вы что-то бережете? — спросила Даша.

— Бережем мы богатства несметные, подводные, да только берегини мы оттого, что живем близ берега, а в лунную ночь на землю выходим, поплясать и порезвиться, — берегини со смехом попрыгали в воду. — Хотите веселиться с нами? Идемте играть. Поглядите, как беззаботно мы живем. Ни в чем нужды не терпим, горя-печали не знаем. День деньской резвимся, да танцуем.

— Нет, нам сейчас не до игр. Нам бы к Полуночке попасть, — сказал Петька.

— Да мы знаем. Ни о чем не печальтесь. Мы проводим вас до Полуночки, но сегодня особая ночь. Прежде, чем вы отправитесь дальше, мы хотим сделать вас счастливыми. Будьте дорогими гостями нашего подводного царства, защебетали русалки.

В этот миг на поверхности озера вырисовалась лунная дорожка. Светлая полоска отсвечивала на воде нервными серебристыми бликами, будто манила Петьку с Дашей к себе, но в то же время напоминала им, что все в этом мире зыбко и призрачно. Берегини расступились, и озеро озарилось изнутри мягким светом. Ребята увидели ступеньки, ведущие от берега вглубь озера.

Даша сделала шаг к лестнице, но Петька остановил ее:

— Куда ты? Забыла, что плаваешь, как топор?

Берегини звонко рассмеялись:

— Чтоб в наше царство попасть, плавать не надобно, гости желанные. Вы к нам как посуху придете, сухими из воды и выйдете.

Даше очень хотелось посмотреть на подводное царство, но Петька все еще колебался. Берегини казались ласковыми и приветливыми, однако стоит ли сворачивать с пути? Что ждет их в подводном царстве? Девушки будто прочитали его мысли и наперебой затараторили:

— Да вы не бойтесь, силком мы вас удерживать не станем. Покажем царство наше богатое, одарим на дорогу подарками, а там прямо к Полуночке приведем. С нами вы не заплутаете. Вам путь только короче покажется.

— Ладно, — согласился Петька, и они с Дашей ступили на лестницу, ведущую в глубины озера.

По краям лестницы, будто диковинные деревья росли кораллы всех оттенков радуги. Некоторые из них словно были сделаны из тончайшего фарфора, другие — точно обтянуты дорогим бархатом. Меж кружевных коралловых ветвей резвились рыбки: полосатые и в крапинку, с разноцветными веерообразными хвостами и причудливыми плавниками. Казалось, все существующие на земле краски смешались в одну чудесную картину.

Ребята шли, рассекая воду, погружаясь все глубже и глубже, но одежда оставалась сухой, как будто между ними и водой была невидимая непроницаемая оболочка. Русалки сопровождали ребят. Они то стрелой бросались вперед, оставляя за собой призрачное свечение, как след пролетевшего метеорита, то возвращались и плыли рядом, лениво покачивая хвостами, то ловили рыбок и играли с ними, перебрасывая с ладони на ладонь. Наконец лестница закончилась. Ребята оказались перед гротом. Хрупкие ветви кораллов сплетались, образуя свод.

ГЛАВА 42. ПОДАРКИ БЕРЕГИНЬ

Вслед за берегинями, Петька и Даша вошли в грот. Вид, открывшийся перед ними, завораживал своей красотой. Природа не пожалела красок, чтобы расписать подводный мир. Сквозь пронзительную синь воды проглядывало разноцветное кружево кораллов. Время от времени между их ветвями проносились пестрые стайки рыб. Кое-где в нависающем своде виднелись просветы, и в них лились лучи неземного голубоватого света. Ребята зачарованно глядели на свет. Их охватил прилив неведомого счастья. Хотелось смеяться и плакать одновременно, казалось, на земле не может быть ничего более красивого и возвышенного.

— Поглядите на наши богатства немерянные, да несчитанные, — сказали берегини, и, словно по мановению волшебной палочки, в коралловых нишах раскрылись ларцы, наполненные самоцветными камнями и жемчугами, сундуки, полные нарядов из бархата, шелка и тончайшей парчи. Девы-рыбы заводили детей все глубже в коралловый лабиринт. Голоса их звучали мягко и вкрадчиво.

— Испокон веков храним мы несметные сокровища, но раз в столетие случается колдовская ночь. В эту ночь можно изменить Таблицу Судеб, в эту ночь открывается дверца между верхним и нижним мирами, и случаются чудеса. В такую ночь мы готовы поделиться своими богатствами. Выбирайте! Вы можете взять все, что вам приглянется.

— Насовсем? — спросила Даша, и осторожно тронула пальцем кружева бального платья, такого легкого и воздушного, будто оно было соткано из морской пены.

— Ну конечно. Мы будем рады, если это осчастливит вас, — согласно закивали берегини.

Мелькание разноцветных рыбок, блеск драгоценных камней, игра света и тени околдовывали ребят. Даша достала платье из сундука и приложила его к себе. Платье оказалось точь-в-точь по ней, будто его шили специально для нее.

— Ой, оно как раз на меня, — удивилась Даша и стала вытаскивать другие наряды. Все они были сделаны по одной мерке. Каждое новое платье было еще красивее и богаче, чем предыдущее.

— А ты почему ничего не выбираешь? — спросили берегини у Петьки.

— Да мне ничего не надо, — отказался он.

— Такого не бывает, чтобы человеку ничего не надобно было, засмеялись берегини. — Глянь-ка сюда.

Русалки подхватили Петьку под руки и подвели к тяжелому кованному сундуку. Крышка сундука открылась. Он был доверху наполнен старинными монетами. Петька еще позапрошлой зимой начал коллекционировать монеты и немножко разобрался в нумизматике, поэтому при виде такого сокровища у него дух захватило. Тут были деньги разных эпох, собранные со всех уголков земли.

— Вот монета отчеканенная при Александре Македонском. Неужели она тебе не нравится? Возьми ее. Нам она ни к чему, а тебе пригодится, — одна из берегинь протянула ему золотой кружочек.

Петька бережно взял монету. Такой не было ни у одного мальчишки, и Петька не мог удержаться от соблазна.

— Спасибо, ю с благодарностью кивнул он.

— А погляди на эту. Смотри, как хорошо она сохранилась, — ворковала берегиня. На монете четко вырисовывался профиль Наполеона.

Вслед за луидором последовали пистоль, су и экю; денарий-этель Реда II и денарий Карла Великого, гинья и фартинг, дублоны, пиастры, квадрупли, серебряные полушки и ефимки, пул Тверского княжества и новгородская копейка с изображением Георгия Победоносца, поражающего змея, златники и серебряники князя Владимира... Стопка монет быстро росла. Петька поглядел на Дашу. Та, не в силах остановиться, складывала в кучу все новые и новые наряды. Ее уже было почти не видно за ворохом пестрого тряпья.

— Дашка, куда ты столько набрала? Ты думаешь, мы это с собой поволочем? — остановил ее Петька.

— А ты на себя посмотри. Как будто ты не набрал, — огрызнулась Даша.

Даша была права. Горка монет возле Петьки была довольно внушительных размеров. Петька и не заметил, как увлекся, пополняя свою коллекцию.

Берегини, грациозно помахивая хвостами, плавали по гроту, великодушно предлагая:

— Не стесняйтесь. Берите все, что вам нравится, сколько можете унести и больше того. Сегодня, в колдовскую ночь, нам ничего не жалко.

Петька строго поглядел на сестру.

— Я если что и выбрал, то сам понесу, а тебе кто нести будет?

— И я сама понесу, — решительно сказала Даша, обеими руками сгребая ворох нарядов, расшитых жемчугами и самоцветами, но ей оказалось не по силам даже приподнять его, не то что нести с собой. Даша заколебалась, выбирая, какие из нарядов взять, а какие оставить. Все они были хороши, и ей было жаль расстаться с ними.

Петька попробовал распахнуть отобранные монеты по карманам, но карманы были явно маловаты. Он набил их до отказа, а куча монет перед ним не убывала, а росла. Петька попытался отобрать самые лучшие монеты, но каждая из них казалась лучшей и самой ценной. Чем больше Петька выбирал, тем труднее ему было оставить хоть одну из них. Вскоре перед Петькой выросла настоящая гора из золота и серебра, а берегини открывали перед ним все новые сундуки.

Даша копалась в ларцах с диадемами, кольцами, браслетами, ожерельями. Каждое колечко, которое она примеряла, ладно и крепко сидело у нее на пальчике. Казалось, все здесь было сделано специально для нее. Даша была так увлечена, что забыла о времени.

Петька словно царь-Кощей склонился над очередным сундуком. Он бережно перебирал золотые, серебряные и керамические кружочки. Вот они — самые ценные монеты. Такие можно увидеть только в музеях, ведь они были отчеканены еще в древнем Египте. Петька в который раз стал доставать из карманов одни монеты, чтобы поменять их на другие. Вдруг рука его наткнулась на кошелек, подаренный эльфами.

«Как же я про кошелек забыл? Можно ведь и его набить. Чего зря месту пропадать», — подумал Петька и щелкнул замочком кошелька. В тот же миг из кошелька выкатилась горошина. Петька хотел поднять ее, но, горошина покатила и вдруг превратилась в соломинку. Соломинка, плавно покачиваясь поплыла прочь. Петька, оставив монеты, последовал за ней. Проплыв тройку метров, соломинка ткнулась между кораллов и исчезла в темной нише. Озадаченный, Петька шагнул в черный проем. Голубоватые лучи не проникали сюда, нечего было и думать, отыскать здесь соломинку. Петька взгляделся в темноту.

В нише лежала громадная куча монет. Золотые и серебряные кружочки тускло отсвечивали в полумраке. На куче что-то белело. Петька подошел поближе и оцепенел. На злате-серебре, обнимая его руками в порыве последней предсмертной ласки, лежал скелет.

Несколько мгновений Петька стоял как громом пораженный. Его пронзила страшная догадка: этот человек так же как они выбирал подарки берегинь. Он набирал все больше и больше, не в силах остановиться и расстаться с дарованным ему сокровищем.

Петька попятился из ниши. Вдруг он наткнулся на кого-то и, резко обернувшись, увидел берегиню. Она ласково улыбнулась ему.

— Кто он? — Петька показал в сторону скелета.

— Забудь о нем. Пусть тебя не заботит его судьба. Он жаждал богатства, и мы даровали ему все, что он хотел. Он умер счастливым.

— Он не смог вынести наверх всего, что хотел? — дрожащим голосом спросил Петька.

— Он просто не умел выбирать. Но ты-то ведь умеешь? Погляди на эти монеты. Ты обязательно выберешь самые лучшие, самые нужные.

Голос берегини околдовывал. Петька понял, что если он вновь начнет перебирать монеты, они с Дашей уже никогда не выберутся отсюда.

— Нет! Мне не нужно такого счастья! — крикнул Петька. Он подбежал к Даше и стал снимать

с нее кольца, бусы и браслеты.

— Что ты делаешь? — пыталась сопротивляться сестра.

— Дашка, клади быстро все назад. Нам ничего не нужно, — Петька сорвал с Даши последнюю драгоценность и, швырнув ее в ларец, потащил сестру к выходу из грота. * * *

В мрачном ущелье, где спало Лихо Всем Лихам Лихо раздался вздох досады.

Морра рассерженно топнула по ключьям темных туч, клубившихся на дне бездонной пропасти, так что те разметались в стороны и крикнула:

— Эй ты, Лихо ничтожное. Тебе только бахвалиться, а сделать, как я погляжу, ты ничего не можешь. Прокру от тебя не больше, чем от Лиха безобразного. Чего ты добилось своей хитростью?

— Не спеши. Всему свой черед, — вздохом ответило ей ущелье. * * *

Даша упиралась и не хотела идти.

— Знаешь, Петенька, может тебе ничего и не нужно, а мне нужно, капризно сказала она.

Петька не слушал сестру. Он обратился к берегиням:

— Спасибо за ваши подарки, но лучше вы нас к Полуночке, проводите, а то мы и так задержались.

Берегини плыли следом за ребятами, уговаривая их вернуться:

— Дорога от вас не убежит. Если ты гнушаешься наших даров, то пусть хоть твоя сестра возьмет что-нибудь на память. Почему ты не хочешь порадовать ее?

— Да, Петь, порадуй меня. Давай чего-нибудь возьмем, — канючила Даша.

— Порадовалась и хватит. Хорошего по-немножку, — строго сказал Петька.

Он понимал, что если бы не эльфы и их спасительная соломинка, ему с Дашей уже никогда бы не выйти из глубин озера.

Мимо проплыла стайка ярко-алых рыбок. На фоне сочной синевы они были настолько красивы, что Петька невольно залюбовался ими. Он и не заметил, как в это время одна из берегинь подплыла к Даше и прошептала ей на ушко:

— Бедняжка. Как плохо иметь такого жестокого брата. Он совсем не думает о тебе.

Даша хотела было возразить и сказать, что Петька вовсе не жестокий, но передумала. Она была сердита на брата. Может быть, берегиня в чем-то и права. Петька думает только о себе. Сам посмотрелся на сокровища и хватит. Даже не спросил у нее, хочет она уходить или нет.

ГЛАВА 43. АНЧУТКА

Не слушая уговоры берегинь и не обращая внимания на Дашины капризы, Петька быстро карабкался вверх по лестнице. Скоро он преодолел последние ступеньки, но только когда его голова показалась над водной гладью, Петька вздохнул с облегчением. Даша, оказавшись на

берегу, все еще продолжала дуться. Русалки сопровождали ребят до самого берега, но стоило детям выйти на сушу, как девы разочарованно махнули хвостами и со словами:

— Ну что ж, прощайте, — поплыли прочь.

ю Эй, вы же обещали до Полуночки нас проводить, — окликнул их Петька.

В ответ из глубины донеслось.

— Дорогу к Полуночки ищите сами. Мы ли вас не привечали? На игрища звали — вы не пошли, подарки дорогие дарили — вы отказались. Ни в чем вы нас не уважили, так что мы вам не провожатые.

Петька с досадой махнул рукой.

— Ну надо же, обманули!

Вдруг за спиной у ребят раздалось покашливание, и чей-то хрипловатый и вместе с тем визгливый голос произнес:

— Конечно обманули. Было бы глупо им верить.

Ребята обернулись. В темноте они и не заметили одинокого человека, сидевшего на кочке почти у самого берега озера. Человек продолжал:

— Это ведь берегини. Неужели им можно верить? У них на уме одни игры, да пляски. Ничего путного. Одно слово — вертихвостки, — человек смачно сплюнул.

— Кто вы? — спросил Петька, вглядываясь в темноту.

Антрацитовый выступ скалы загораживал свет, и густая тень прятала незнакомца. Прежде чем ответить, человек встал в полный рост. Теперь матовый свет падал на него, и Петька с Дашей увидели, что выглядит он более чем странно. Среднего роста, сухощавый и сутулый, он кутался в плащ-накидку, местами протертую до дыр. Лицо его покрывала щетина, вместо носа красовалось свиное рыло. На голове был поношенный старомодный цилиндр, из-под которого торчали ослиные уши. Незнакомец распахнул плащ и широким жестом перебросил полу через плечо. Под плащом на мгновение проглянули замызганные манжеты и манишка с галстуком-бабочкой, надетая прямо на голое волосатое тело. Трагическим хрипловатым голосом незнакомец произнес:

— Я ю демон печали. Вы верно не ожидали увидеть меня? Да, мой удел одиночество. Как я страдаю. Рыдайте же, рыдайте вместе со мной.

Незнакомец громко и безутешно зарыдал. Петька с Дашей стояли, не зная что делать. В это время со дна озера раздался хохот берегинь.

— Он — демон печали? Ха-ха-ха! Вот уморил! Да Анчутка он, и все тут.

Человек вдруг сорвался с места, подбежал к озеру и визгливо закричал:

— Ах вы, выдры мокрые! Чтоб вам пусто было! Ишь патлатые, моду взяли, чуть что высмеивать. Меня люди поумнее вас так называют. Почитайте-ка книжки ученые. Там не только про демона печали написано. Там меня еще и гением зла называют, во как!

Русалочий смех затих в глубине, а незнакомец совершенно спокойно произнес:

— Ну, Анчутка я. Но ведь про гения-то красиво звучит, а? — он с хитрецей подмигнул ребятам, и те не могли удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Вы, как я погляжу, тут новенькие, а эти мокрицы уже нацелились вас стекляшками да медяшками своими завлекать?

— А по-моему они милые, — вступилась за берегинь Даша.

— Наивное дитя. Как многого ты еще не знаешь в жизни, — Анчутка опять перешел на высокий стиль. — Что такое богатство? Прах. Разве можно ради этого лишиться жизни? — он буравил Петьку взглядом, будто ждал от него ответа.

Петька вспомнил коралловый грот и подумал, что еще немного, и они остались бы на дне озера навечно. Вдруг Петька почувствовал, что Анчутка очень много знает, и ему захотелось довериться ему, посоветоваться с ним.

— Скажите, а как выглядит Избранный? Где его найти? И как спасти Хрустальный ключ? — Петька засыпал нового знакомого вопросами.

Губы Анчутки искривила едва заметная усмешка:

— Вы слишком много хотите узнать, юноша, — медленно произнес он и вдруг, перейдя на визг ткнул в Петьку пальцем и, по козлиному прыгая вокруг него, закричал, — много будешь знать — скоро состаришься. Век живи, век учить, а дураком помрешь. Ду-ра-ком! Ха-ха-ха! — Анчутка со смеху покатился по земле, болтая в воздухе ногами. Вместо ступней у него были козлиные копыта.

Петька протер глаза. Даша, не мигая, смотрела на ноги Анчутки. Дети невольно попятились. Анчутка перестал смеяться. Он поймал взгляд детей и, указав на копыта, сказал:

— Это моя сухопутная обувь. Когда мне приспичит быть водяным, я меняю ее на другую. — Он проворно вскочил на ноги и притопнул. Вместо копыт вдруг появились лягушачьи лапы, а Анчутка доверительно подмигнул детям: Приходится, знаете ли, иной раз мутить воду. Кстати, насчет ключа. Это вы хорошо придумали, его освободить. Я в этом деле, можно сказать, пострадавший.

По щеке Анчутки скатилась скупая слеза.

— Как пострадавший? — спросил Петька. Ему было трудно привыкнуть к постоянной смене настроений и манер их нового знакомого.

— Ах! Это давнишняя история. История моего одиночества. Кого она может интересовать? — в голосе Анчутки звучала патетика.

— Нас интересует, — сказала Даша. Она была большой любительницей всяких историй.

— Ну что ж, если вам это небезынтересно, я расскажу все от начала до конца, — Анчутка встал в театральную позу, и поклонившись, словно стоял на сцене перед зрительным залом, начал свой рассказ.

— Вы думаете, я всегда жил здесь? Чушь. Я жил в том самом целебном озере, которое питал Хрустальный ключ. Ах, что это была за жизнь! Днем к озеру толпой шли люди, кто по воду, кто лечиться, а кто и просто так. Весь день гомон и разговоры. А по ночам слетались к озеру эльфы. Как сейчас помню: опустятся на озеро кувшинки, и все словно светом озарится. Тут и я к ним присоединялся. Занятно, знаете ли, было поболтать с этими крохами о том, о сем. Разве мог представить я тогда, что судьба моя сложится столь трагично, и я буду так одинок? — Анчутка прикрыл глаза ладонью и многозначительно замолчал.

— А потом? — робко спросила Даша, глядя на Анчутку широко распахнутыми глазами.

Анчутка выдержал паузу и, тяжело вздохнув, сказал:

— А что потом? Появилась неведомо откуда ведьма, озеро испоганила, и ушел ключ под землю. Люди перестали к озеру ходить, да и эльфы улетели незнамо куда. А я, как и вы, отправился в глубины, на поиски Хрустального ключа, но безуспешно.

Анчутка молча стоял, свесив голову на грудь.

Дашу мучал один вопрос, но она не знала, вежливо ли будет задать его. Помолчав, она все-таки решилась.

— Скажите, а вот это у вас уже потом появилось, или сразу было так? осторожно спросила Даша, показав на копыта.

Анчутка поднял голову и смерил Дашу взглядом с головы до ног, а потом вдруг заливисто и визгливо расхохотался.

— Поверили! Вот умора-то! Обманули дурачка, за четыре кулачка! приплясывая, прыгал он вокруг обескураженных ребят.

— Значит, это не правда, что вы жили в целебном озере? — спросила Даша.

— Конечно, это чушь! А вы и уши развесили. Таких лапоухих недотеп мне еще встречать не приходилось. Вас так легко обвести вокруг пальца, что мне даже жаль отпускать вас, но так и быть, сегодня я добренький.

Анчутка остановился и, сложив руки рупором, крикнул во всю глотку:

— Я добренький!

— Добренький... добренький... — отозвалось эхо.

— То-то же. Подтверждает, — удовлетворенно хмыкнул Анчутка. — А поскольку я добренький, я вас одарю.

— Нет, нет. Не надо нам никаких подарков, — помотал головой Петька.

— Ох-ох-ох, испугался! — презрительно скривился Анчутка и, тут же приняв горделивую осанку, запахнул плащ и торжественно произнес: — Не думаешь ли ты, что я буду подкупать вас мелкими подачками? Буду совать вам железные кружочки и крашенные тряпки? Я выше этого.

Анчутка забрался на кочку и свысока поглядел на притихших ребят.

— Я подарю вам совет. Житейскую мудрость, так сказать, — он захихикал и, хитро прищурившись, произнес, — Никогда никому ни в чем не верьте.

— Ничего себе мудрость? Разве можно жить, если никому не веришь? презрительно сказал Петька.

— Не только можно, но и нужно, иначе всегда будешь в дураках. Вот взять, к примеру, такой случай. Вам дали три зернышка: ячменное, просяное и пшеничное. И почему же они не помогли в нужную минуту?

При упоминании о зернышках, Даша побледнела, но Петька сказал:

— Ну, перепутал я их.

— Хи-хи-хи, это ты так думаешь, а что если ты тут не при чем? Твоя сестра их подменила, а тебе об этом не сказала, — захихикал Анчутка.

— Ерунда! Какой ей прок менять зернышки? Дашка любит фантазировать, но она не врунья, — вступился за сестру Петька.

Даша стояла молча, словно воды в рот набрала. Анчутка обратился к ней.

— А возьмем к примеру другой случай. Почему дверца почернела? Не потому ли что братец твой, жадюга, кошелек тебе не отдал, а ведь свалил-то всю вину на тебя.

Петька так опешил от такой наглости, что даже не нашелся, что сказать, а Анчутка продолжал.

— Кому первому приходят в голову самые хорошие идеи? Конечно, тебе, а братец твой все так оборачивает, как будто все заслуги только ему и принадлежат.

— Как вам не стыдно так говорить? Ничего я не оборачиваю, запротестовал Петька.

— Как бы не так, — Анчутка опять обернулся к Даше. — Ты думаешь, твой брат пошел с тобой, чтобы тебе помочь? Наивная деточка. Стоит вам освободить ключ, никто и не вспомнит о том, что желание было твое. Он все присвоит себе, чтобы самому стать героем. Ох и хитрец, — Анчутка шутливо погрозил Петьке пальцем.

— Все, что вы говорите — сплошное вранье. Вы просто хотите нас поссорить. Это подло! — воскликнул Петька.

— А не подло обманывать доверчивую сестру? — Анчутка, прищурившись, уставился на Петьку.

Даша ничего не говорила. Она молча смотрела на Анчутку. Откуда он все знает? Про зернышки он сказал правду, значит и про Петьку тоже. Даша пристально поглядела на брата. Неужели он на самом деле такой плохой и все время притворяется. Вот и берегини то же говорили. Во всяком случае, больше она ему верить не будет. Нашел дурочку. * * *

Морра стрелой взметнулась из темных глубин бездонной пропасти. В мгновение ока она оказалась возле Даши и тенью распласталась у ее ног. Теперь Морра знала наверняка, что привязала девчонку к себе и больше ее не отпустит.

ГЛАВА 44. ПОЛУНОЧКА

Анчутка изобразил благодушную улыбку и, широко распахнув руки, произнес:

— Ну что ж, друзья мои. Я вас на путь наставил, и хотя мне искренне жаль расставаться с такими превосходными собеседниками, — он немного помолчал и визгливо крикнул: — Скатертью дорожка! Катитесь отсюда!

Петьку и Дашу словно подкосило, и они кубарем покатались куда-то вниз. Вслед за ними неслись пронзительный, сумасшедший хохот Анчутки. Не в силах остановиться ребята кувыркались и скатывались по откосу, пока, наконец, не оказались у его подножия. Петька сразу же бросился к сестре.

— Не ушиблась?

ю Конечно, ушиблась, — плаксиво ответила Даша.

Вдруг Петькин взгляд упал на серебряную подвеску, висящую у Даши на груди.

— Ой, что это с подковкой? — удивленно спросил он.

Подковка совсем утратила блеск. Она была черной, словно закопченной, и лишь кое-где тускло просвечивало серебро.

— Наверное, испачкалась, — пожалала плечами Даша, потеряв подковку. «Вечно он придирается», — подумала она.

Петька задумчиво покачал головой. Он был уверен, что подковка почернела не просто так, и приготовился к новым опасностям.

Ребята пришли в себя и только теперь заметили, что вокруг светло, как днем. Они огляделись и увидели, что свет исходит от величественного дворца, стены которого украшала серебряная филигрань. Главная дворцовая башня была сделана в виде купола. С четырех сторон ее окружали высокие минареты с серебряными полумесяцами. Они четко вырисовывались на темном бархате неба, усыпанного алмазными звездами. От дворца исходило голубоватое сияние, и от этого он казался построенным из лунного света.

Не успели ребята опомниться, как к ним подбежали несколько человек в широких шароварах с чалмами на головах и повели их во дворец.

— Скажите, кто здесь живет? — спросил Петька у встретивших их людей, но те отвечали ему лишь молчаливым поклоном. Дети поняли, что от них ничего не добиться, и решили покориться судьбе. Вскоре их завели во внутренний дворик, со всех сторон окруженный постройками дворца. Пол был вымощен отполированным до блеска белым мрамором, а посередине двора бил прозрачный фонтан, в котором плавали серебряные рыбки.

Возле фонтана на ворохе парчовых подушек под балдахинном возлежала прекрасная шахиня в шелковых шароварах и бархатной жилетке, усеянной брильянтовой россыпью. Лицо шахини было красивым и светлым, как лик луны. Стан ее — гибким и стройным. Пальцы красавицы были унизаны брильянтовыми перстнями, а на руках красовались серебряные браслеты. Голову шахини покрывал тюрбан из тончайшей парчи. Две косы пепельного цвета струились по ее груди. Во лбу горела звезда, а под косами серебрился месяц. Две прислужницы черные как сама ночь обмахивали шахиню огромными опахалами из павлиньих перьев.

— Царевна Лебедь, — в восхищении прошептала Даша.

Хозяйка дворца улыбнулась.

— Да будет благословен ваш путь отныне и навсегда. Не расскажете ли мне, о юные странники, что привело вас в Серебряное Царство?

— Значит, вы и есть Полуночка? — обрадовался Петька.

— Да, — кивнула красавица. — А откуда известно вам имя мое?

— Нас прислала ваша сестра Вечорка. Нам надо... — начал было Петька, но Полуночка жестом остановила его.

— Нет такого доброго дела, которого не сделала бы я ради сестры моей и тех, кто мил сердцу ее. Если есть у вас нужда, расскажите мне о ней, и я буду счастлива ее исполнить. Но прежде отдохните, отведайте плодов заморских.

Полуночка указала Петьке с Дашей на подушки подле себя и хлопнула в ладоши. Перед балдахином прошла чередá прислужниц. Каждая из них несла поднос с невиданными явствами. Одна за другой прислужницы ставили подносы на ковер перед детьми. Тут был и ароматный плов, и шампуры с нанизанными на них поджаристыми кусочками шашлыка и помидоров. Мясо дымилось, источая аромат пряностей, рыба, запеченная целиком в глине на разломе сияла белизной. Под конец четыре прислужницы внесли громадный поднос с фруктами. На подносе горой высились персики, абрикосы, гроздья винограда, бананы, ананасы, сочные апельсины, инжир и много таких фруктов, каких Петька с Дашей в жизни не видели.

— А как вы оказались в Серебряном царстве? — спросила Полуночку Даша, которая не умела есть молча.

— Разве сестра моя Вечорка не рассказала вам моей истории? — удивилась Полуночка.

— Нет, она нам только про медного дракона рассказала, — ответила Даша.

— Ну что ж, тогда дозвольте мне речами усладить слух ваш, пока вы будете вкушать наше скромное угощение, — сказала Полуночка и начала свой рассказ.

«Когда медный дракон похитил Вечорку, долго мы предавались горести. И тогда мы с Зорькой завели обыча́й каждый день выходить к тому месту, откуда унес дракон сестру нашу. Много дней продолжалось так, пока однажды, предаваясь воспоминаниям, не замешкались мы возле реки. И вдруг увидели мы точку в небе, и надежда посетила наши сердца, ибо подумали мы, что может быть дракон сжалился над нашим горем и несет нам весть от сестры нашей. И когда точка приблизилась, увидели мы, что это дракон, но не медный, а серебряный о шести головах. И бросились мы домой, и бежали мы так быстро, что, казалось, крылья выросли у нас за спиной. И укрылись мы в доме матушки нашей, думая, что обрели спасение, но преждевременна была радость наша. И в тот день, когда исполнилось мне восемнадцать лет, полночь спустилась над нами, и прилетел серебряный дракон о шести головах. Ледяным было его дыхание, и он произнес такие слова: „Отдайте мне ту, чьи волосы отливают серебром и чьи глаза подобны двум сапфирам. Если же вы откажетесь повиноваться, то нашла́ю я великий холод на землю вашу, и промерзнет она на много локтей, и не будет оттепели много лет, так что люди и скот погибнут от голода, и не будет тут больше жизни“.

И тогда начался великий шум, и собрался народ возле нашего дома, ибо не было кроме меня другой девушки, у которой бы волосы отливали серебром, и глаза были бы подобны двум сапфирам. И заплакала наша матушка, и начала в отчаянии рвать на себе одежды, и бить себя по лицу в горе. И поняла я, что никакая земля не будет казаться для меня просторна, если навлеку я несчастья на людей близких мне. И убежала я по своей воле. Унес меня дракон в Серебряное Царство, и много дней и ночей томилась я у него в темнице, ибо противилась воле дракона стать его женой. И поставил дракон срок, когда должна была я стать женой его или умереть.

И ждала я своей смерти, как освобождения, но судьбе было угодно распорядиться иначе. Явился воин лучезарный, имя которому богатырь Светлый Месяц, чтобы освободить меня, и сразился он с ненавистным сердцу моему драконом, и отрубил он ему все шесть голов. И стал он править в Царстве Серебряном, и в тот день, когда я должна была умереть, стала я женой господина моего и спасителя. И с тех пор живу я в царстве Серебряном не наложницей, а шахиней».

К тому времени, как Полуночка закончила свой рассказ, ребята насытились, и хозяйка царства спросила их:

— А теперь, достопочтенные путники, расскажите мне, какая нужда привела вас в наши края?

— Понимаете, мы ищем Избранного. Без его помощи нам Хрустальный ключ не спасти и домой не вернуться, а мы даже не знаем, как этот Избранный выглядит, — с досадой сказал Петька.

— Это я желание загадала, чтобы Хрустальный ключ спасти, а Петя просто так со мной идет,
— вставила Даша.

Вечорка пристально посмотрела на ребят. Взгляд ее задержался на Дашиной подковке. Когда она заговорила, голос ее звучал мягко и вкрадчиво:

— Никому не дано знать Избранного в лицо прежде, чем не пробьет час. Вижу долг и опасен был путь ваш. Жаль, что вы не смогли пройти ко мне через белую дверцу.

Под взглядом Вечорки Петька почему-то почувствовал жгучий стыд, а тут еще Дашка влезла:

— Петя мне не хотел кошелек эльфов отдать. Из-за этого все и получилось.

— Так ли все было? — спросила царевна, пытливо вглядываясь в Петькино лицо.

Петька молча кивнул и низко опустил голову, не смея глядеть Полуночке в глаза. Красавица-шахиня продолжала:

— Может быть, судьбе было угодно, чтобы Избранный оставил свой след за черной дверцей. Что должно было свершиться, то свершилось. Да минуют вас горести и печали, ибо черная дверца и ее страхи остались позади.

— Там было не так уж страшно. В лесу с нечистью куда страшнее, поежилась Даша.

— Как знать, — покачала головой Полуночка.

Взгляд ее пронизывал Дашу насквозь, и девочке стало не по себе. Шахиня обернулась к Петьке и продолжала:

— Я укажу вам дорогу к сестре моей Зорьке. Там ищи Избранного, и поиск твой увенчается успехом. А теперь не считите меня негостеприимной и простите дерзость мою, но нужно вам отправляться в путь, ибо скоро явится лучезарный воин Светлый Месяц, а никому не позволено появляться пред очами господина и хозяина моего.

— Если вы сами — шахиня, то какой же он вам господин, вы ведь не служанка? — спросила Даша.

— Тот, кто является светом очей твоих и отрадой сердца твоего, всегда бывает твоим господином. Разве есть радость большая, чем служить тому, кого любишь? — ответила шахиня.

— А почему не позволено его видеть, он что, страшный? — спросила Даша.

Петька одернул сестру, но красавица-шахиня не рассердилась, а рассмеялась.

— Нет таких слов, которые могли бы описать, как он красив. Лик его так светел, что освещает путь заблудившимся в ночи, но взгляд его пронизателен, ибо стоит он на страже ночью и видеть должен то, что делается во тьме. Но никто из смертных не может вынести его взгляда, и потому взирает он на землю лишь издали.

— А далеко ли отсюда до Зорьки? — поинтересовался Петька.

— На земле и улитка от Полуночки до Зорьки за полночи доберется, а здесь, под землей, где вечная ночь, путь долг и опасен. И лежит он через Зачарованный дол, где зверье

невиданное обитает и через Поющую топь, где время идет вспять, и потому никогда не бывает будущего; через пещеру дикого Вепря со стальными клыками и через башню трех мудрецов занятых вечными поисками идеала; через горы, леса и реки, — Полуночка замолчала.

— Значит, нам никогда не выйти отсюда?! — в отчаянии воскликнул Петька.

Красавица-шахиня улыбнулась и сладким голосом произнесла:

— Пусть не омрачат печали твоего чела. Для меня будет радостью помочь вам в деле вашем. Дам я вам своего любимого коня Араша. Он поможет вам преодолеть все преграды и доставит вас к Зорьке раньше, чем вы думаете. Это не простой конь, два крыла растут у него из спины, и летит он быстрее ветра. Нет ему равного по скорости, но нет и равного по норову.

При упоминании о норове коня, Петьке и Даше стало не по себе. Превращения двоедушника были еще слишком свежи у них в памяти.

— Он тоже из коня в кого-то превращается? — мрачно поинтересовался Петька.

Полуночка улыбнулась:

— Нет, сила Араша в том, что он всегда остается самим собой. Он свободолюбивый, как слово, и вольный, как песня. Никто не может оседлать его по своей воле. Он сам выбирает своих седоков и уносит их на крыльях поэзии. Я помогу вам взнуздать его, но помните, пока вы летите, вы должны читать ему стихи, не повторяясь ни разу. Только тогда он будет везти вас, ибо поэзия питает его и дает ему силы. Но стоит вам запнуться, как вы будете бессильны удержать крылатого коня Араша в узде.

Полуночка хлопнула в ладоши, темнокожие прислужницы ввели белого коня. Два огромных крыла, отливающие перламутром, были сложены у него за спиной. Конь тряхнул гривой, и ударил копытом о мраморный пол, так что серебряные искры, как бенгальские огни, вспыхнули под его ногами.

— Да это же Пегас. Мы по литературе проходили, — узнал коня Петька.

— Пегас или Араш — это лишь имена, не более. Разные народы называют его по-разному. Суть же его — стих, — сказала Полуночка.

Она знаком приказала прислужницам помочь детям сесть на крылатого коня и, погладив его по белоснежной гриве, произнесла:

— Да не постигнет вас несчастье на пути вашем, и да пребудет с вами всяческое благополучие.

Это были последние слова, которые ребята слышали в Серебряном царстве. Конь расправил крылья, взмыл вверх, и царство Полуночки скрылось из вида.

ГЛАВА 45. КРЫЛАТЫЙ КОНЬ

Сначала крылатый конь летел так высоко, что паутинки дорог, окаменелые леса и подземные реки казались совсем крошечными, но скоро он замедлил свой полет. Теперь он летел тяжело, словно спотыкался о невидимые преграды и с каждой минутой опускался все ниже и

ниже. Араш обернулся к детям и посмотрел на них долгим взором, как будто чего-то ждал. Петька понял, что надо читать стихи.

Вообще-то Петька любил литературу, но он терпеть не мог, когда в школе на дом задавали учить стихотворения. Куда интереснее было почитать какую-нибудь приключенческую книжку. Сейчас он впервые в жизни пожалел о том, что ему даже в голову не приходило зубрить стихотворения, которые задавали учить «по желанию». Хорошо еще, что учился Петька на четверки и пятерки и знал хотя бы то, что задавали по программе.

На правах старшего брата Петька бойко начал:

— «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Когда Петька закончил читать, продолжила Даша:

— «Зима, крестьянин торжествуя...»

— «Белеет парус одинокий...»

— подхватил эстафету Петька.

Конь взмыл вверх. Дети летели над окаменевшим лесом. Где-то внизу бегали неведомые звери. Возле дыры, похожей на нору, копошились пушистые зверушки с шестью лапами, отдаленно напоминающие пауков. На каменном пне, как на пьедестале, лениво помахивая хвостом лежал грифон. На мгновение он приподнялся и проводил взглядом крылатого коня с его всадниками, но потом опять опустил орлиную голову на львиные лапы и застыл в раздумье. Чуть поодаль от грифона на голой поляне возвышались семь столбов разной величины, а вокруг них свора сиамских кошек водила странный хоровод. Они медленно и сосредоточенно шли кругом столбов, выстроившись друг за другом — нос к хвосту — а потом разом подпрыгнули, развернулись и точно так же пошли в другую сторону.

Было интересно сверху наблюдать за жизнью подземного царства. Петька с Дашей читали стихи по очереди. Пока Петька читал Даша глядела вниз, а когда начинала читать Даша, Петька смотрел на странных обитателей глубинного мира.

Вот они пролетели над Поющей топью. Сверху в ней не было ничего необычного: болото, как болото затянутое ряской. Коегде трясину прорезали ножи серой, будто посыпанной пеплом осоки, да торчали метелки таких же серых блеклых камышей.

Петька с Дашей издалека увидели пещеру дикого Вепря. Она была вырублена в одинокой скале и даже с высоты поражала своими гигантскими размерами. Ребята вглядывались вниз — не покажется ли из своего логова лютый зверь. Было бы интересно посмотреть на него, особенно когда находишься на безопасном расстоянии. Но Вепрь то ли спал у себя в пещере, то ли убежал по своим делам. Так или иначе, он не показался.

Чем дольше дети летели, тем труднее им было вспоминать все новые и новые стихи. Вскоре Петька почувствовал, что его стихотворный запас иссякает. Он ломал голову, что бы придумать, чем еще порадовать образованную конягу.

«Хорошо Дашке, стишки у нее такие коротенькие, что не успеет начать рассказывать, как уже конец, да к тому же в детском саду им делать больше нечего, как стихи учить».

И вдруг Петьку осенило. Можно ведь декламировать песни, как будто это стихи. У него словно открылось второе дыхание. Нельзя сказать, что он знал много песен, но куплетов, отрывков или припевов из разных песен он мог рассказать великое множество. Концерт продолжался.

В это время ребята пролетали над странным сооружением. Оно походило на дерево, из которого отходили, как три вершины, три башни разной толщины и высоты. Башни постоянно меняли очертания. Они попеременно то тянулись ввысь, непомерно истончаясь, то сплющивались, становясь низкими и широкими, и казалось, что эту постройку без усталости лепят из горы пластилина невидимые руки.

Петька с Дашей так засмотрелись на башню трех мудрецов, что даже перестали читать стихи. Стоило им замолчать, как Араш тут же начал снижаться. Петька попытался вспомнить хоть что-нибудь непрочитанное раньше. Он перебирал в уме разные строки. Как назло, ничего нового на ум не приходило.

«Ладно, попробуем начать снова, может, он и не заметит», — подумал Петька и затянул про «памятник нерукотворный».

Конь недовольно фыркнул и спустился еще ниже. Впереди высилась гряда неприступных скал. Они были подернуты багрянцем. Откуда-то из глубины горных хребтов раздавался рокот и время от времени столбы искр и пепла вырывались из кратера невидимого вулкана. Петька испугался, что если конь не поднимется, им ни за что не преодолеть этих гор.

— Э-эй, погоди, я сейчас что-нибудь вспомню. Подожди минутку, похлопал он коня по холке.

— «Муха села на варенье! — с жаром начал он и уныло закончил: — вот и все стихотворенье».

Конь немного поднялся:

— «Наша Таня кромок плачет...» — подхватила Даша.

— «Чижик-Пыжик, где ты был?» — трагическим голосом продекламировал Петька.

— «Уронили Мишку на пол...» — продолжила Даша.

После Дашиного монолога последовало гробовое молчание. Петька окончательно иссяк. Конь опять стал опускаться. Положение надо было спасать.

— «Идет бычок качается, вздыхает находу...» — начала Даша.

Горы были совсем рядом. Казалось, конь вместе с всадниками вот-вот врежется в голые красноватые утесы. Петька лихорадочно пытался придумать хоть какое-нибудь, хоть самое завалющее стихотворение, но его поэтические знания истощились, и когда Даша, вытаращив на Петьку глаза, завершила: «... Вот доска кончается, сейчас я упаду», — Петька был нем. Даше тоже ничего не шло в голову. Араш летел все медленнее и все ниже опускался над скалами, и от этого соображалось еще хуже. Наконец, копыта коня коснулись камней. Он потрянул гривой, ударил копытами о землю, так что посыпались искры, сбросил с себя наездников и, гордо расправив крылья, взмыл ввысь и полетел прочь, даже не удостоив ребят взглядом.

— Эй ты, птица недоделанная! — в отчаянии крикнул Петька, бросив вслед коню горсть щепня, но Араш этого уже не видел, он перевалил за вершины гор и скрылся вдали.

— Все, теперь придется топтать, — вздохнул Петька. — Чтоб мне, дураку, по желанию стихи учить? А ты тоже в своем детском саду, чему вас только учат? Стихов и то толком не знаешь — раз, два и обчелся.

Петька понимал, что он несправедлив к Даше, для ее возраста она знала довольно много стихов, но он был так огорчен, что ему надо было как-то выпустить пар.

Даша сердито сжала кулачки и, с вывозом посмотрев на Петьку, закричала:

— Послушай, ты. Не смей на меня орать. Ты — недотепа, вдвое старше меня, не мог за всю свою жизнь выучить побольше стихотворений. Тоже мне старший брат называется.

Даша скорчила презрительную мину и отвернулась.

Петька опешил. Даша всегда была его преданным обожателем. Он воспитывал ее и повсюду таскал за собой, а она всегда платила ему бесконечной преданностью и была непоколебимо уверена, что он во всем самый лучший. «Конечно, она права. Чего это я раскричался?» — подумал Петька и вслух сказал:

— Ладно тебе. Я же не со зла.

Даша фыркнула и передернула плечами. На мгновение темное пятно за Дашиной спиной приняло очертания летучей мыши, но ребята этого не заметили.

ГЛАВА 46. ЖАЖДА

Вокруг, насколько хватало глаз громоздились безжизненные скалы. Зорька оставалась почти такой же недосыгаемой, как и в начале пути. Горы, леса и реки по-прежнему отделяли ребят от Золотого Царства Рассвета. Спорить о том, кто виноват, было бесполезно, и Петька с Дашей начали молча карабкаться по крутым каменистым уступам. Они старались не оглядываться и не смотреть вниз, чтобы не видеть какая глубокая пропасть простирается под ними. Подниматься в гору было тяжело. Время от времени дети смотрели на вершину отрога, но расстояние до нее, казалось, не сокращалось. В воздухе висел удушливый липкий зной, и от этого двигаться было еще труднее. Ребята взмокли от пота. Обессилевшие, они остановились передохнуть на небольшом уступе.

— Петя, я хочу пить, — жалобно сказала Даша.

— Где я тебе воды возьму? — вздохнул Петька.

На горных склонах не росло ни кустика, ни пучка травы. Казалось, сами скалы дышали зноем и источали жар. Камни были горячими, как-будто прогретые жгучим полуденным солнцем.

— У нас ведь есть глоток воды, — вспомнила Даша о подарке эльфов.

У Петьки тоже пересохло во рту от жажды, но он боялся истратить драгоценный дар маленьких волшебников сейчас, почти в начале трудного перехода через раскаленные скалы.

— Потерпи немножко. Нам еще далеко идти, — сказал он, и дети вновь тронулись в путь.

Чем выше они забирались, тем нестерпимее становилась жара и тем мучительнее жажда. Все чаще ребятам приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Наконец, Петька решил обратиться к помощи волшебного кошелька. Он бережно достал его из кармана и, открыв застежку, произнес:

— Глоток воды.

Ребята в напряжении глядели на оставшиеся горошины, ожидая, что одна из них превратится в глоток живительной влаги, но тщетно. Вновь и вновь, как заклинание, они повторяли два слова. Горошины были глухи к их мольбе. Поняв, что они напрасно ожидают чуда, Петька спрятал кошелек в карман.

Восхождение превратилось в сплошную муку. Губы ребят потрескались, голова кружилась. От слабости Даша еле передвигала ноги. Петьке все чаще приходилось подсаживать ее, но и его силы были на исходе. Перед глазами у Петьки пошли красные круги, и он плашмя упал на камни, задев ногой большой валун.

Камень сорвался с места и, увлекая за собой каскад гальки и щебня, с грохотом покатился вниз. Даша в бессилии опустилась подле брата. Ей хотелось плакать, но внутри у нее все так пересохло, что даже слез не было.

Вдруг в глубине гор раздался рокот. Он повторился вновь, но уже громче. Скалы под ногами ребят ожили. Даша вскрикнула и прижалась к брату, ища защиты. В Петьку словно влили новые силы. Он вскочил.

— Землетрясение!

Ребята заметались в поисках убежища, но спрятаться было негде. Тут Петька заметил в скале небольшое углубление. Он схватил сестренку за руку и потащил ее в укрытие. Едва дети скрылись в пещерке, как лавина булыжников пронеслась мимо них, сметая все на своем пути. Ребята прижались к стене спасительной ниши, но и она оказалась ненадежным убежищем. Скала треснула и разошлась. Дети стояли на краю глубокой расщелины. Сначала через нее можно было перешагнуть, но гора продолжала отодвигаться, и скоро пропасть стала такой широкой, что и не перепрыгнешь. Земля под ногами дрожала, стоял оглушительный грохот.

Вдруг все разом стихло. Петьку прошиб холодный пот. Только теперь он увидел, что гору двигало гигантское чудовище. Его серый панцирь кое-где отливал красноватым цветом, точь-в-точь как окружающие горы, отчего дракон казался вырубленным из скалы. Чудище медленно подняло голову, разверзло гигантскую пасть, и оттуда, как из кратера вулкана, вырвался столб искр и облако пепла. Ребят обдало жаром, будто они находились возле открытой топки раскаленной печи.

— Кто тут шебуршит? — рыкнул дракон.

Голос его раздавался откуда-то из глубины, и был похож на глухие раскаты грома.

Дети затаились. Они в ужасе наблюдали, как гороподобное чудище поводит головой, ощупывая взглядом склоны. Дашино платье ярким пятном выделялось на фоне безжизненных скал. Взгляд дракона остановился на детях. Некоторое время чудовище недоуменно взирало на ребят, а потом произнесло:

— Экие козявки! Откуда вы взялись?

Его жаркое дыхание опалило ребят, и Даша невольно вскрикнула:

— Ой, горячо!

Вдруг чудище рассмеялось. Громовые раскаты хохота, сопровождаемые новым обвалом, потрясли скалы. Дети вжались в почти отвесную каменную стену, чтобы их не снесло камнепадом. Наконец, дракон перестал смеяться.

— Что ты такое говоришь, козявка? — сказал он. — Как тебе может быть горячо? Не хочешь ли ты сказать, что вы, козявки, что-то чувствуете?

— Конечно, чувствуем, — ответил за Дашу Петька.

Новый раскат хохота потряс ущелье, и новый шквал камней понесся вниз.

— Смешные козявки! Давно я так не веселился. Разве эдакие пигалицы могут что-то почувствовать? У вас чувствам-то и поместиться негде. На вас надави, вы и пикнуть не успеете, не то что почувствовать, — дракон, радуясь своей шутке, от смеха схватился за бока.

Петька с удивлением осознал, что раньше он никогда не задумывался, что даже крошечной букашке-таракашке может быть больно, и она может что-то чувствовать. Теперь, когда они с Дашей оказались на месте букашек, Петька готов был поклясться, что в жизни не обидит ни одной даже самой маленькой козявочки, но что толку было думать об этом сейчас?

Дети стояли, ни живы, ни мертвы. С каждым новым камнепадом край пропасти подступал все ближе.

— Нет, я вас давить не буду, — примирительно сказал дракон. — Я буду вас держать, как диковинку, для развлечения. Не будь я Горыня, если вы мне не приглянулись.

Последнее заявление дракона придало ребятам смелости.

ю Горыня — это Змей-Горыныч, что ли? — робко спросила Даша.

— Нет, Змей-Горыныч — это враки. Сказок понапридумывали, будто я

летаю и красных девиц ворую. Да мне эти девицы даром не нужны. Горыня я оттого, что горы, как пустые короба с места на место переставляю.

Горыня уперся громадными лапами в утес и навалился на него. Утес заскрипел, земля содрогнулась, и скала медленно подалась в сторону.

— Видали? — отряхивая гигантские лапы, самодовольно спросил Горыня. Нет в мире силы могучее моей. Радуйтесь, козявки. Будете жить под моей защитой, меня своей болтовней развлекать.

Дыхание дракона было таким горячим, что воздух вокруг раскалился и над огромной тушей чудовища стояло зыбкое море. Пекло стало невыносимым. У Даши помутилось в голове. Ноги ее сделались ватными, и она без сил опустилась на голые камни. Петька едва успел подхватить сестренку. Даша закрыла глаза, дыхание ее было прерывистым.

— Пить, — в полудреме-полубреду попросила девочка.

— Горыня, если мы тебе понравились, пожалуйста, не держи нас, пропусти через горы, — взмолился Петька.

— Сразу видно, что ты — козявка. Хоть говорить ты и выучился, но мозгов у тебя маловато. Посуди сам, зачем же я отпущу вас, если вы мне приглянулись? Будь вы мне противны, я бы не захотел вас иметь подле себя. Отпустил бы на все четыре стороны, а то лучше раздавил бы, чтобы не было лишней мороки, — ухмыльнулся дракон.

Петька поглядел на Дашу.

— Пить, — шептала она в беспамятстве.

Вдруг Петька почувствовал прилив храбрости. Он вскинул голову и крикнул:

— Тогда раздави нас. Это лучше, чем умереть от жажды.

Безобразную морду чудовища исказила гримаса негодования.

— Что ты знаешь о жажде? Ты, песчинка! Разве можешь ты чувствовать жажду так, как ее чувствую я? Разве можешь ты страдать? Погляди на мой панцирь? Он весь потрескался и посерел. Это оттого, что жажда точит и снедает меня изнутри. Во мне клокочет раскаленная лава, и ничто не может ее затушить. Много веков мечтаю я хотя бы об одном глотке воды, но вода ушла из этих гор, и я обречен вечно мучиться от жажды, — Горыня издал душераздирающий вопль, и из его пасти вырвался столб огня и пепла.

Петьку обдало жаром, в глазах у него потемнело, и он потерял сознание. Слово сквозь войлочную стену он слышал обеспокоенный голос Горыни:

— Эй, козявки, вы чего примолкли? Откликнитесь. Я хочу, чтобы вы говорили со мной. Козявки, что же вы молчите?

Петька очнулся.

«Глоток воды», — стучало у него в висках. Он сунул руку в карман, чтобы достать дары эльфов. Руки Петьки так ослабли, что кошелек казался пудовым, и Петька никак не мог вытащить его, но справиться с застежкой оказалось еще труднее.

Дракон внимательно наблюдал за Петькой.

— Что ты там делаешь, козявка?

— Хочу достать глоток воды, — слабым голосом произнес Петька.

— Что?! Ты вздумал надо мной насмеяться?! — взревел дракон.

В этот миг застежка щелкнула, и из кошелька выкатилась горошина, которая тотчас же превратилась в маленькое облачко. Облако стало подниматься и расти на глазах. Горыня и Петька напряженно следили за тем, как оно увеличивалось, пока не превратилось в большую тучу. И тут разразился настоящий ливень. Живительные струи падали на скалы, на Горыню, на детей. Даша очнулась и открыла глаза. Дождь лил как из ведра. Дети подставляли ладони и, набрав в них воды, с жадностью пили. Горыня, разинув пасть, стоял и ловил струи дождя. Петька с Дашей промокли до нитки, но они чувствовали такой прилив сил, словно живая вода пролилась на них. Ребятам казалось, что они все смогут преодолеть. Скоро дождь стал утихать. Последние капли упали на землю, и облако исчезло без следа.

Дети глядели на горы и не узнавали их. Каменистые склоны как по волшебству зазеленели. Тоненькие иголочки травы пробились из-под камней. Казалось, скалы подернулись зеленоватой дымкой. Горыня тоже преобразился. Его панцирь из каменисто-серого превратился в ярко-зеленый. Чешуйки переливались точно перламутровые, а капли блестели на спине, на крыльях и на хвосте дракона мириадами крошечных изумрудов.

— Ай да козявки! Ну и уважили! Теперь я на много веков вперед напился, — сказал Горыня.

— Просите в награду все, что хотите.

— Ты будешь мне служить? — оживилась Даша.

— Да я любому шею сверну, только скажите, — с готовностью кивнул Горыня.

— Не надо никому шею сворачивать. Ты нас лучше через горы проводи, попросил Петька.

— Чтоб я вас отпустил? Ни за что! Теперь вы мне еще больше понравились.

— Так ведь если не отпустишь, опять засуха будет, — схитрил Петька.

— Засуха, говоришь? — задумался Горыня. — Пожалуй, я вас через горы проведу. А то ведь оставь вас тут, вы, небось, шебуршать, будете, спать мне мешать. Забирайтесь ко мне на спину.

Горыня протянул крыло, и ребята как по равнине прошли по нему на гороподобную спину чудовища.

— Устроились, что ли? — спросил Горыня, обернувшись к ребятам.

— Да! — крикнул Петька, и дракон пошел. Земля задрожала под его шагами.

Горыня не утруждал себя переходом через горные хребты, если те попадались у него на пути. Он попросту отодвигал скалы с дороги. От дракона шло приятное тепло, и одежда ребят скоро просохла.

— По-моему, ты слишком мало у него попросил. Подумаешь, через горы проводить. Надо было просить, чтобы он и потом нам служил, — прошептала Даша, укоризненно посмотрев на брата.

В это время Горыня подошел к последней горной гряде и остановился. Дракон расправил крыло и скомандовал:

— Слезайте. Дальше не мои владения. Это вотчина братца моего Дубини.

Ребята, как по горке, скатились по драконьему крылу вниз и оказались среди трухлявых пней, старых колод и высохших деревьев.

Поднявшись с земли, дети увидели, что Горыня удаляется восвояси.

— Эй, а куда нам дальше идти? — крикнул ему вдогонку Петька, но дракон даже не обернулся.

— Эх ты! Попросил бы, чтоб он нас хотя бы до Зорьки довез, — сердито произнесла Даша.

— Так он тебя и повез. Хорошо еще, что горы преодолели. Теперь только леса и реки остались. Все-таки через лес легче идти, чем по скалам карабкаться, — с напускным оптимизмом сказал Петька.

Однако, лес, представший перед ребятами, являл собой унылое зрелище.

ГЛАВА 47. КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Лес, простирающийся перед ребятами не походил ни на тот, в котором жила нечисть, ни на каменный лес, который они видели, пролетая на крылатом коне. Он был вообще ни на что не похож. Это был мертвый лес. Голые стволы деревьев тянули друг к другу почерневшие

скрюченные, как старческие руки, ветви. Сухие пни переплелись узловатыми корневищами. Ничто не нарушало тишины, только изредка слышалось потрескивание старых стволов, будто они жаловались на свои давние недуги.

— Да, леса тут один другого лучше, — мрачно заметил Петька.

— Еще неизвестно, кто в этом лесу живет. Все из-за тебя. Если б не ты, мы бы уже у Зорьки были, — язвительно сказала Даша.

За время пути Даша сильно изменилась, но Петька старался не замечать этого. Конечно, она устала, думал Петька. Слишком много им пришлось пережить, а Дашка еще маленькая. Тут девчонка и постарше нее закапризничала бы. Да и сам он, наверняка, тоже изменился. Петька пытался успокоить себя и найти оправдание переменам, произошедшим в сестре, но смутное предчувствие беды саднило, хотя он и сам не мог объяснить, что его беспокоило.

Широкая просека вывела ребят на обширную поляну, посреди которой одиноко стояла вековая ель. Где-то посередине, ствол ее расщеплялся и уходил ввысь тремя вершинами. Одна из них была голой и обуглившейся, будто пораженной ударом молнии, а две другие — покрыты коростой мха, отчего издали казалось, что на них растет хвоя, и в дереве теплится жизнь. Ель походила на таинственный замок с тремя остроконечными башнями.

Дети пошли через поляну, но стоило им приблизиться к ели, как послышались чьи-то тяжелые шаги. Ребята огляделись по сторонам, но никого не увидели. Они прислушались, пытались понять, откуда доносится звук, но отовсюду раздавалось лишь потрескивание иссохших стволов. И тут на поляну вышел исполин. Тело его напоминало старый кряжистый дуб, а руки толстые сучья с ветвями-пальцами. Могучий торс великана был коричневым и бугристым как древесная кора. На саженных плечах, как нарост на дереве, сидела непропорционально маленькая голова. Великан поигрывал палицей, сделанной из целого дерева в три обхвата.

— Наверно, это Дубиня, — едва слышно прошептала Даша.

Великан обладал на редкость чутким слухом.

— Да, великий богатырь Дубиня — это я, — самодовольно сказал он. — А вы кто такие? Каким ветром вас сюда занесло?

— Нас не ветер, нас Горыня принес, — объяснила Даша.

— Вон оно что?! Значит, вы от братца моего подарочек?! — взревел исполин и в бешенстве переломил свою чудовищную палицу так, что от той только щепки полетели. — В прошлый раз этот червяк с крылышками своим смердящим дыханием часть моего леса спалил, а теперь он забросил сюда зловредных букашек!

— Мы вовсе не зловредные и не причиним вам неприятностей. Только скажите, как выйти из вашего леса, и мы тут же уйдем, — пообещал Петька.

— Ну уж нет. Так просто вам не отделаться, — зловеще проскрипел Дубиня и кликнул своих слуг: — Эй, дружинишка, распотешьтесь, позабавьтесь. Враг перед вами, не стойте столбами.

Могучие великаны-деревья за спиной Дубини ожили. Вытягивая корневища из земли, они зашагали к детям. Каждый шаг давался им с невероятным трудом, и оттого шли они медленно, но было их несметное полчище. Они окружали ребят со всех сторон. Поляна неумолимо уменьшалась под натиском деревянного воинства.

Петька потянулся к кошельку эльфов, но замешкался. Он не знал, что просить. Чем эльфы могли помочь против бесчисленного деревянного войска? И вдруг Петька вспомнил слова

принца Эллина: «Если вы умеете слушать колокольный звон, вы никогда не будете одиноки, даже когда вам покажется, что вы одни во всем мире».

Была ни была! Петька открыл кошелек и крикнул:

— Звон колоколов!

Тотчас где-то вдалеке послышался мелодичный перезвон, словно на невидимой колокольне звонарь ударил в колокола. Большие колокола басили сочным медным баритоном, им звучно вторили колокола поменьше, и россыпью откликались маленькие колокольцы. Деревянная армия застыла в изумлении. Перезвон приближался и нарастал, пока, наконец, все колокола не ударили в набат.

И тут, словно из-под земли, на зов набата явились воины. Они были схожи меж собой лицом и одеждой. Обнаженные по пояс, они поигрывали могучими мышцами. На головах у богатырей огнем горели шлемы, похожие на золоченые купола. Оружие их было простым и бесхитростным: меч, копье, да лук со стрелами. Колокольная рать встала напротив деревянного войска, защищая ребят. Один из воинов вышел вперед со словами:

— Эй, Дубиня, не совестно тебе? Почто бесчинство творишь?

— А вам что за дело, защитнички? Аль не ведаете, не знаете, что здесь моя вотчина, что хочу, то и ворочу. А вам сюда приглашение не слали, на гулянку не зазывали, так что проваливайте восвояси, — злобно сверкнул маленькими глазками Дубиня.

— Мы-то как раз по зову пришли. Добром просим, пропусти ребятишек, сказал богатырь.

Дубиня крякнул и усмехнулся:

— Мне ли вас бояться? Нету на свете силы могучее, чем моя. Я дубы в дугу гну и с корнем вырываю играючи. Проваливайте подобру-поздорову, я и без вас разберусь.

— Образумься, Дубиня. Не с войной мы к тебе пришли, а ради справедливости. Не стыдно ль тебе с малыми ребятами тягаться, войско против них снаряжать? Так не славу ты своей силе отыщешь, а позор на свою голову навлечешь.

Дубиня задумался. Мысли с трудом прокручивались в его маленькой голове. Наконец, он произнес:

— Они мои недруги. Не могу я их так отпустить. Какое твое слово?

— А мое слово такое: коли хочешь попротивиться, силушкой померяться, так любого из нас выбирай, выходи на кулачный бой, а ребят отпусти.

— Это поглядим, как бой покажет. С тебя и начнем, — принял вызов Дубиня.

Два войска встали друг против друга, два богатыря вышли вперед. Не было у них никакого оружия, кроме кулаков, отваги, да жажды победы.

Ударил Дубиня по златоглавому воину, тот по щиколотку в землю ушел, да быстро выскочил и ответный удар нанес такой силы, что покачнулся Дубиня, заскрипел, едва на ногах устоял. Ударились они в другой раз: воин по колено в землю ушел, еле выбрался, а Дубиня от удара повалился, покатился, насилу поднялся. Так и пошло удар за ударом. Долго бились богатыри, уж притомились, а победы ни на чьей стороне нет.

— Интересно бы посмотреть, как войско с войском бьется, — задумчиво произнесла Даша.

Петька глянул на сестру, и внутри у него все сжалось. На мгновение ему показалось, что перед ним не Дашка. Вроде все в ней было как прежде, но взгляд девочки, устремленный на сражавшихся, был холодным и жестоким.

— Ну же, ну! — азартно приговаривала Даша, с явным удовольствием наблюдая, как богатыри наносят друг другу все новые удары.

Петька знал, что Дашка терпеть не могла ссор, не говоря уж о драках. Она вечно всех мирила. Перед ним стояла не Дашка, а кто-то совсем незнакомый. Петька схватил сестру за плечи и с силой тряхнул:

— Дашка, ты чего?

Даша словно очнулась. Она удивленно посмотрела на Петьку.

— Я ничего, а ты чего?

— И я ничего, — не нашелся, что ответить, Петька.

Богатыри устали. Их обнаженные торсы блестели от пота, но ни один не хотел сдаваться.

— Ну ты и силен, деревянная твоя голова! — воскликнул золотоголовый воин, когда Дубиня вогнал его по пояс в землю.

— И ты силушкой не обижен, золотая луковица, — ответил в тон ему Дубиня, не в силах подняться после очередного удара.

— Была б моя воля, я б с тобой каждый день так бился. Больше потехи для меня нету.

— Да у нас каждый ратник не хуже меня. Отпустишь ли ребят? — отвечал воин.

— Нет, победы твоей нету, — замахал головой Дубиня.

— Да ведь и твоей победы нету, — возразил златоголовый богатырь.

— Выходит, что спор наш не разрешить, — сказал Дубиня.

— Отчего ж не разрешить? Меж нашими родами никогда вражды не было. Сдается мне, мы и сейчас сговориться можем. Ты детей отпусти, а за то каждый день к тебе будет являться один из нас на кулачный бой, на потеху богатырскую.

Дубиня опять надолго задумался. Он поскрипывал, как старый дуб, побрякивал, а потом, наконец, вымолвил:

— Что ж, согласен, по рукам. И то сказать, какой мне прок от этих малявок? Пускай себе идут.

Старые деревья расступились, и дети в сопровождении подземной рати пошли прочь из леса Дубини.

ГЛАВА 48. ЛЕГЕНДА О ВОЛЬНОМ ГРАДЕ

Петька с Дашей почувствовали себя в безопасности. Их окружали златоголовые воины, богатыри, как на подбор, готовые в любой момент прийти к ним на помощь.

Один из богатырей поглядел на ребят и сказал:

— Ну, пострелята, а теперь, коли не секрет, сказывайте, кто вы такие, куда путь держите, и какое у вас дело в царстве подземном.

— Какой там секрет, — махнул рукой Петька, и они с Дашей наперебой стали рассказывать, что привело их в Царство теней.

— Нам бы теперь до Зорьки добраться. Говорят, там мы Избранного найдем. Только он нам может помочь Хрустальный ключ освободить и домой вернуться, — закончил Петька.

— К Зорьке дойти — дело нехитрое. Мы — Зорькино воинство, подземная рать. Так что к Зорьке мы вас доставим, — пообещали ребятам богатыри.

— Правда? — обрадовался Петька. — Вот спасибо.

— А с кем вы воюете? — вступила в разговор Даша.

— Мы воинство особое, и зовут нас блажины. Не за брань мы, а за мир стоим, — ответили ратники.

— Разве так бывает? — удивилась Даша.

— Бывает, милая. Ведь на земле мы воинами не были, и лишь здесь взяли за оружие. Так уж сложилось.

— Расскажите! — хором воскликнули Петька с Дашей.

— Чтоб далекий путь скоротать, можно и рассказать, — закивали богатыри, и один из них повел рассказ:

«Давно это было. Жили мы в граде стольном, в граде богатом. Всякого добра у нас в достатке было. Жили люди не тужили, не бедствовали, ни в чем нужны не знали, а все оттого, что мастеровой у нас народ был. Работу мы любили, и любого дела не чурались. И вот пошла о нашем граде молва, что богаче и краше его нету.

Стали к нам гости наезжать. Мы всех с почестями принимали, в красный угол сажали. Не было у нас и в мыслях худо заподозрить. Однако, беда уж на подступах стояла. Стала людские сердца зависть снестать, зло, страшнее которого и помыслить нельзя. Стали злые языки говаривать, что неправильно это, не по справедливости, что жителям чудо-города лучше всех живется. Мы и тут беды не усмотрели. Зазывали всех, кто пожелает: „Приходите, поглядите да поучитесь, как в вашей стороне жизнь краше сделать. Мы секретов ни от кого не держим. Нам лучше и радостнее будет, ежели все вокруг станут жить в счастье да в довольствии“.

Ан нет, не захотели люди послушать советов добрых. Разума люди лишились, потому как зависть им взор застила. Не захотели свое счастье строить, порешили чужое отнять, да только забыли, что чужим счастьем никто счастлив не бывает. Однажды, проснулись мы поутру, а город наш воинством окружен, и несть тому воинству числа. Шатры вороги вокруг нашего града раскинули. Копьями их лагеря ощетились, а у нас против них — ни защиты, ни оружия. Жили-то мы не во вражде, а в мире.

Послали мы тогда послов в неприятельский стан с такими словами: „Образумьтесь, люди, неужто для войны вы на белый свет народились? Нешто рушить лучше, чем строить? Давайте жить в мире, да помогать друг дружке, тогда и довольствия и счастья на всех хватит. Не идите войной на наш град, ведь на чужой беде счастья не построишь“.

Да не послушали нас вороги. Над послами нашими надсмеялись, прочь прогнали, да велели передать, что дадут они нам один единственный день, а на следующее утро на заре, ежели мы ворота не отопрем, да город на разграбление добровольно не отдадим, возьмут они его приступом и сожгут дотла.

Закручинились мы, запечалились. Поняли, что града нам безоружным не отстоять, да и числом наши недруги сильно нас превосходили. Однако, в решимости своей стоять до последнего были мы едины. Весь оставшийся день и всю ночь мы молились, чтоб град наш ворогу не достался, да волю вольную сохранил, и на восходе солнышка свершилось чудо.

Едва заря заниматься начала, восток румянцем подернулся, да небосвод светом налился, чтобы брызнуть на землю первыми лучами восходящего солнца, как зашевелились наши супротивники, ожил их стан. И в тот же миг содрогнулась земля, загрохотал гром среди ясного неба, ветер засвистал, стал палатки вражьи рвать, а рать их несметную сметать, словно это были и не люди вовсе, а сухие листья по осени.

Разбушевалась стихия, буря налетела доселе невиданная. И только над градом нашим все тихо, и небо алеет. Расступилась тут земля, и стал наш град под землю уходить, медленно да плавно, так что ни одна постройка не колыхнулась, ни один камень не дрогнул. Аккурат когда последние купола под землю ушли, вышло солнце, осветило их прощальным лучом, и земля над нашим градом сомкнулась. Тотчас стихла буря. Вороги наши многого числа своего воинства не досчитались, а как посмотрели туда, где град наш высился, так и обмерли. Нет там ничего, только чистое поле. Так вот наш град вольным под землю ушел, а варварам не дался. С тех пор стал наш город стольным градом Золотого Царства Восхода, а все мы верными слугами Зорьки ясной. И дали мы обет, что будем мы воинством, да только не тем, что разруху и горе несет, а тем, что справедливость блюдет, и людям в беде помогает».

За рассказом ребята не заметили, как вышли из леса. Перед ними простиралась широкая река, а за рекой высились золотые купола стольного града. Луковицы куполов отражались в воде, и от этого казалось, будто город стоит не на твердой земле, а плывет по воздуху. В нем было столько света и тепла, и был он так невообразимо красив, что сердце у Петьки захолонуло от восторга. И только Даша почему-то погрустнела. В душе ее боролись разные чувства: то ей хотелось побродить по улицам вольного города, то ей становилось не по себе при виде его золотых куполов. Девочке стало трудно дышать, как-будто камень давил ее грудь.

Возле берега ребят и ратников поджидала ладья. Путники поднялись на борт, воины тотчас же сели на весла, и ладья заскользила к другому берегу.

ГЛАВА 49. МУДРОСТЬ И ЗНАНИЕ

Вода тихо плескалась под веслами. Гордая, словно лебедь, ладья, плавно покачиваясь, приближалась к берегу. Теперь город казался еще прекраснее, чем издали. Вокруг него не было ни крепостных стен, ни защитного рва. Он стоял открытый, как на ладони, и любовался в реку, словно в зеркало.

— А я думал, раньше города стенами окружали, — сказал Петька.

— Верно думал, но наш город особый. Это вольный град. И хоть открыт он на все четыре стороны, а войти в него можно лишь через врата, в другом месте град наш лучше всяких стен невидимая сила защищает. Ворот в городе четверо, и смотрят они на четыре стороны света. Коль кто с добром к нам пришел, так милости просим через парадный вход, а у кого зло в

сердце, тот ни через ворота не зайдет, ни окольно не проберется.

Нос ладьи ударился о прибрежный песок. Ребята и сопровождающие их ратники оказались перед золочеными воротами распахнутыми настежь. Без стен ворота выглядели нелепо. Чем ближе Даша подходила к входу в вольный город, тем больше ей хотелось бежать отсюда. Казалось, какая-то неодолимая сила толкает ее прочь от ворот. Даша еле-еле передвигала ноги. Поглядев на сестренку, Петька ободряюще сказал:

— Устала? Ничего, потерпи еще немного. Уже пришли.

Даша молча кивнула. Она и сама не могла понять, что с ней творится. То ее вдруг охватывала безудержная злость на Петьку, будто он был виноват во всех их бедах, то вдруг ей становилось страшно, и хотелось броситься к Петьке и искать у него защиты, но не от Горыни и Дубини, а от чего-то более жуткого, неведомого и невидимого.

Воины выстроились в шеренгу по двое и строем зашли в ворота. Петька с Дашей последовали за ними. Вдруг дорогу им преградили стражники.

— Чужих пускать не велено.

— Как же так? — опешил Петька. — Мы разве чужие? Скажите им, попросил он богатырей.

Но златоглавые воины лишь покачали головами:

— Мы власти не имеем в город пускать или не пускать. Раз так Зорька решила, так тому и быть.

— Да вы что? Мы шли, шли, а теперь нас не пускать? Тут, наверное, ошибка какая-то. Вы доложите ей, что мы от сестер ее, Вечорки с Полуночкой, — настаивал Петька.

— Она в докладах не нуждается. Она и сама все видит да знает, сказали богатыри и, поклонившись, пошли в город.

— Погодите, куда же вы? — Петька ринулся за ними, но стражники подхватили его под руки и выставили прочь.

— Ах так! — крикнул Петька и с разбегу бросился в город мимо ворот, но тут же отскочил, как мячик от невидимой стены.

— Приехали, — мрачно сказал Петька. — Мы к этой Зорьке, как к человеку шли, а она. Чего ей только надо?

— Ключ! — отозвались стражники.

Петька обернулся к ним и крикнул:

— Какой еще ключ?

— Хрустальный, — услышали дети в ответ.

— Где ж мы его возьмем? Мы думали, она нам подскажет, — возмутился Петька.

— Ежели вам совет нужен, так не здесь ищите. Идите по берегу, встретите двух людей: Мудреца и Знатока. Они вам расскажут, где ключ искать. Когда найдете, милости просим, — отвечали стражники, и створки золотых ворот захлопнулись.

К своему удивлению, Даша почувствовала облегчение оттого, что ей не придется заходить в вольный город.

— Ну и не нужен нам их город. Злючка эта Зорька, — презрительно фыркнула она.

Петька не стал возражать. Он был сердит на Зорьку. Он-то думал, что теперь, когда они, наконец, добрались до Царства Вечного Восхода, все их мытарства остались позади, но его надежды рухнули, и он был мрачнее тучи.

Петька с Дашей молча брели по берегу реки. Вдруг они увидели возле воды одинокую фигуру.

— Гляди, кто-то сидит. Может это и есть Мудрец? — сказала Даша.

— Вряд ли. Их должно быть двое, — недоверчиво проговорил Петька.

Ребята решили все-таки подойти к человеку и спросить у него, где можно найти Мудреца и Знатока. Приблизившись, они увидели, что на берегу сидит и неотрывно смотрит на течение реки, старик с длинной белой бородой. Он был не один. Рядом с ним лежал грудной младенец. Ребенок увлеченно грыз беззубым ртом розовый кулачок.

Ребята подошли к сидящему, но тот был так погружен в раздумья, что даже не заметил их. Потоптавшись возле старика, Петька решился заговорить.

— Здравствуйте, — начал он. — Вы не могли бы нам сказать, где найти Мудреца и Знатока?

— Вы нашли их, — отвечал старик.

Петька с удивлением покосился на младенца — ничего себе Знатоки! — и опять обратился к старику:

— Господин Мудрец, нам нужно найти Хрустальный ключ. Говорят, вы можете подсказать, где его искать.

Младенец загукал. Старик в задумчивости поглаживал седую бороду. Так и не дождавшись ответа, Петька робко спросил опять:

— Так как насчет ключа-то?

Старик заговорил:

— Вы спрашивали ответа у Мудреца, и он ответил вам, но вы разучились понимать его язык. Люди забывают этот язык, общий для всех, как только научаются говорить на разных языках.

— Это Мудрец? А кто же тогда вы? — Даша удивленно уставилась на старика.

— Я лишь Знатоки.

— Что же, выходит, он умнее вас? — недоверчиво спросил Петька, кивнув на ребенка.

— Не умнее, но мудрее. Не удивляйся, отрок. И я раньше думал, что мудрость приходит с годами. всю жизнь я посвятил учению, чтобы стать мудрецом, и только к старости понял, что мудрость дается каждому при рождении, но со временем кто-то меняет ее на знания и ум и становится знатоком, а кто-то просто утрачивает.

— Значит, вы не знаете, где найти Хрустальный ключ? — Петька был в отчаянии.

— Почему не знаю? Знания — это то, чем я владею. И я могу дать вам ответ на языке понятном вам, — сказал старик. — Идите вдоль реки. Неподалеку увидите остров. Живет на том острове змий по прозвищу Усыня.

— Как Горыня? — перебила Знатока Даша. Петька дернул ее за руку, чтоб молчала, но старик не рассердился. Он продолжал:

— Горыня и Дубиня его старшие братья, а он меньшей. Ведает он не горами и не лесами, а водами, да реками. Стережет Усыня остров день и ночь, потому что на острове том лежит заветный камень Алатырь. Из-под этого камня все земные реки и ручейки проистекают. А еще под тем камнем много таких речек имеется, что до поры под замком спрятаны. И ваш Хрустальный ключ там. Сумеете с Усыней договориться, отдаст он вам ключик, а не сумеете, так уж пеняйте на себя.

— А что надо, чтобы с ним договориться? — спросил Петька.

— Сердце чистое, — ответил старик и исчез вместе с младенцем, как сквозь землю провалился.

Петька с Дашей с удивлением смотрели на то место, где только что были Знатока с Мудрецом. Они даже пошарили по земле руками...

— Ничего толком не объяснят, — покачал головой Петька. — Чистое сердце. Если б знать, чистое оно или не чистое.

Даша молча шла рядом с братом. Смутная тревога нарастала в ней.

ГЛАВА 50. УСЫНЯ

Остров и впрямь оказался совсем недалеко. Не успели Петька с Дашей пройти и сотни метров, как увидели настоящее чудо. Небо над рекой чуть посветлело, как бывает на земле перед рассветом. Свет исходил от небольшого островка, густо поросшего изумрудно-зеленой травой. Он был окутан белой утренней дымкой, и казался призрачным зеленым облачком, повисшим над темными водами реки.

Подойдя к острову, ребята в нерешительности остановились. Возле берега не было ни мостика, ни лодочки. Петька прикинул, что сам он, если поднапрячься, мог бы добраться до острова вплавь, но Даша плавать не умела, значит надо было что-то придумать.

Вдруг остров зашевелился. Вода вокруг него забурлила и вспенилась, и часть острова стала подниматься из реки. Вот из воды показались глаза, ноздри и пасть исполинского дракона. Дети в ужасе попятились. Вслед за драконьей головой показалось длинное змеиное тело такой толщины, что и вдесятером не обхватить. Чешуя змия отливала золотистым и зеленоватым цветами, как-будто чистейшие изумруды были вставлены в дорогую оправу.

Много веков никто не тревожил богатырский сон Усыни. Змий лежал, свившись кольцами вокруг острова, но сон его был чуток, потому что даже во сне он охранял чудесный остров, на котором хранилось одно из самых драгоценных сокровищ земли. За долгие годы пучки травы выросли на голове у змия, и клевер цвел пышным цветом, отчего казалось, что голова чудища увенчана пестрым венком. Усыня разворачивал свое длинное тело, поигрывая кольцами. Околдованные дети помимо своей воли подходили все ближе к воде.

— Кто потревожил мой покой? Никак, опять смельчаки биться пришли?

— Усыня говорил густым басом.

— Мы не биться, — заикаясь произнес Петька.

— А зачем же тогда пожаловали? — недоуменно спросил Усыня и, близоруко прищурившись, оглядел берег.

— Нам Знаток посоветовал к вам прийти. Мы за Хрустальным ключом, объяснил Петька, стараясь придать своему голосу твердость.

Усыня только теперь заметил на берегу ребят.

— Ха! — произнес он и, немного помолчав, повторил: — Ха-ха! — И вдруг разразился хохотом.

От смеха Усыни вода в реке забурлила, волны поднялись так высоко, что Петьку с Дашей чуть не смыло с берега. Змий смеялся долго и раскатисто. Дети стояли притихшие. От буйной веселости Усыни, так же как и от веселья Горыни, ничего хорошего ждать не приходилось.

«Ключа он нам точно не отдаст», — обреченно подумал Петька.

Отсмеявшись, Усыня сказал:

— Видать, люди за эти века поумнели, ежели прислали вас.

— Почему? — осмелилась спросить Даша, видя что Усыня настроен миролюбиво.

Усыня хмыкнул и ответил:

— Может, жизнь научила. Раньше-то, все кто являлся, сразу в бой рвались, мечами размахивали. И невдомек им, что Усыней меня оттого зовут, что я реки усом запруживаю, да вспять поворачиваю. Нету в свете силы могучее, чем моя, а они мне грозились голову с плеч долой снести. Голова-то у меня всегда на месте, а вот плеч отродясь не было. Вот и приходилось богатырей пришлых почтительности да уважению учить. А теперь, значит, детишки пожаловали, не доспехами бряцать, а с миром, — кивнул Усыня.

— С миром, — поспешно подтвердили дети.

— Неужто люди стали понимать, что миром да ладом больше получишь, чем силой да угрозами? — усмехнулся Усыня. — Что ж, коли по-хорошему, на остров я вас пропущу. Ежели сумеете, возьмете ключ, а ежели не сумеете, не моя в том вина.

С этими словами Усыня положил хвост на берег у ног ребят и перекинулся через реку живым мостом. Дети не без опаски ступили на него. Чешуя дракона отливала радугой и с каждым шагом детей меняла цвет, словно шли они по волшебной цветовой дорожке. Нельзя было заранее угадать, какой цвет выплеснется из-под ног: лиловый или зеленый, синий или розовый. По такой дороге можно идти сколько угодно и не соскучишься, но сейчас Петька с Дашей почти не замечали окружающей их красоты. На душе у них было тревожно.

Наконец, ребята ступили на остров и увидели множество полевых цветов: белые снопы ромашек, розовые конусы иван-чая, лиловые головки клевера, синие звездочки васильков, голубые глазки незабудок. Венчики многих цветов были еще закрыты, капли росы густо покрывали траву.

— Мы все еще в Царстве теней или уже на земле? — не веря своим глазам, спросил Петька.

— Границу Царства теней вам еще предстоит пересечь, — ответил Усыня.

— Как же под землей все это растет? — удивился Петька.

— Это ведь не простой остров. Тут Алатырь стоит, бел-горюч камень. Слыхали про такой? —

спросил змий.

— Да, нам Знаток говорил, — кивнула Даша.

— Теперь немногие о нем ведают, а раньше каждый знал, что этот камень — всем камням отец. Имя «Алатырь» с трепетом произносили. Все реки и ручейки из-под Алатыря начало берут, но это еще полправды, а правда в том, что спрятан под ним ключ живой воды. Ежели хоть капля той воды в земную реку или озеро попадет, то река и озеро целебными станут. Держите путь к Алатырю, а как в слезах горячих искупаетесь, найдете его в самой середине острова.

— В каких слезах? — с беспокойством спросил Петька.

— Не спрашивай прежде увиденного, — уклончиво ответил змий и медленно погрузился в воду.

На острове не было ни тропинки, ни дорожки, и дети пошли прямо по высокой траве. Кое-где она росла чуть не в человеческий рост, но какое-то неведомое чутье вело Петьку, и он был уверен, что они не заблудятся. Воздух был чист и свеж, какой бывает только в бескрайнем поле ранним утром. Петька втягивал в себя запахи трав и цветов, и казалось, это придавало ему сил. В душе у него поселилась необъяснимая радость, словно в предвкушении праздника.

Даша не замечала ни душистого воздуха, ни красоты предрассветного луга. Она шла раздраженная и сердитая. Ей было тяжело, будто на шее висела пудовая гиря, а тут еще Петька весь прямо светится от счастья.

— Чего это ты веселишься? — мрачно произнесла Даша.

— Не знаю, просто так, — вдруг осекся Петька. Радость его померкла так же неожиданно, как и возникла. И он с удивлением осознал, что радоваться, вроде, нечему.

Даша продолжала:

— Нам еще в слезах горячих купаться, а он сияет.

Настроение у Петьки окончательно испортилось, и он зашагал рядом с Дашей такой же поникший и мрачный, как и сестра.

Было свежо. Одежда ребят намочила от росы. Предрассветный туман стелился низко над землей, словно кто разлил молоко. Чуть поодаль он так сгущался, что за непроницаемой белой пеленой ничего не было видно. Ребята подходили все ближе, но дымка не рассеивалась. Скоро они увидели, что это вовсе не туман, а огромная каменная глыба. Ни единое пятнышко не нарушало ее безупречной белизны. Это был не известняк, не мрамор, не гранит, и никакой другой известный камень. Дети никогда не видели камня, который мог бы сравниться с ним по красоте и чистоте. Петька от восторга открыл рот.

— Так вот он какой, Алатырь! — восхищенно выдохнул он.

Даше было не до любования красотой камня. Она силилась понять, что гнетет ее. Чувство тревоги не покидало ее ни на минуту.

— А может это и не Алатырь вовсе? — возразила Даша. — Мы же в слезах не искупались.

И тут они услышали чье-то всхлипывание.

— Кто это плачет? — насторожился Петька.

— Ну вот, началось. Чтоб не радовался слишком рано, — язвительно сказала сестра.

ГЛАВА 51. РЕШЕНИЕ

Ребята обошли камень и увидели босоногую девушку, одетую в простой русский сарафан и незатейливую полотняную блузку. На ней не было никаких украшений, кроме венка, сплетенного из полевых цветов, но и в скромном сарафане девушка была несказанно хороша собой, и самым большим украшением были ее волосы. Они золотой волной струились почти до пят. Глаза девушки были ясно-голубыми, хотя из них беспрерывно текли слезы. Они падали жемчужинами, и стоило им коснуться земли, как жемчужины обращались в белую дымку, которая оседала росой на траве.

— У вас что-то случилось? — участливо спросил девушку Петька.

Красавица молча кивнула.

— Может мы можем помочь?

— Спасибо за доброе участие, да только вы мне ничем не поможете, поклонилась девушка.

— Может, я вам помогу? Ведь не зря вы сюда пришли, да моими горячими слезами умылись

— вон вся одежда на вас промокла.

Даша поглядела на траву, густо покрытую росой, и удивленно покачала головой:

— Ну и плакса! Прямо царевна Несмеяна!

Петька сердито посмотрел на сестру.

— У Несмеяны слезы всем в горесть, а мои слезы земле нужны, чтобы травы поутру перед жарким днем напоить, — спокойно возразила девушка. Однако, поведайте мне, почто пришли к моему камню заветному?

— Так это ваш камень? А кто же Усыня? — спросил Петька.

— Усыня — страж мой верный. Хоть и крут и зол порой бывает, да Алатырь исправно стережет. Погодите-ка, уж не те ли вы ребята, что за Хрустальным ключом пришли? — спросила девушка.

— А как вы узнали? — удивился Петька.

— Слухами земля полнится, — улынулась девушка сквозь слезы, которые, все текли и текли по ее щекам. — Здесь Хрустальный ключ, и целебная капля живой воды в нем есть, как и прежде. Отодвиньте камень, ключ наружу и выйдет.

— То есть как отодвинуть? — растерянно проговорил Петька.

Тут было от чего растеряться. Алатырь был не просто камень, а настоящая глыба. Дюжина сильных мужчин не сдвинули бы его с места не то, что двое ребят.

— Как пожелаете: хоть рукой, хоть плечом. Только Алатырь можно двигать в одиночку. Решайте, кто из вас ключ освободит.

Глаза девушки были полны слез, но Петьке в ее голосе послышалась насмешка. Обида комом подкатила у него к горлу, так что слова не сразу сорвались с его губ. Наконец, он

заговорил срывающимся голосом:

— Все вы тут у Зорьки вашей под стать хозяйке. Та нас даже на порог не пустила. И тут одни насмешки. Эх вы! — Петька махнул рукой и отвернулся, чтобы никто не видел слез обиды, навернувшихся у него на глаза. Им с Дашей так много пришлось пережить, преодолеть так много опасностей, и теперь, когда он думал, что все позади, у него не осталось сил для борьбы.

— И не думала я над вами насмешки чинить, — чистосердечно ответила девушка.

— Как же! Этот камень бульдозером не стащишь, — проговорил Петька и, незаметно смахнув слезы рукавом, повернулся к девушке.

— Камень этот не простой, а волшебный. Гуртом его и сотня человек с места не сдвинет, а кому-то он может легче перышка показаться. Только условие есть одно неперемное. У того, кто камень сдвинуть решится, должно быть, сердце чистое доброты несказанной. Тогда камень с легкостью с места сойдет, и любую реку или ручей на волю выпустит, какую пожелаете. Но если есть в сердце у смельчака червоточинка, то, как ни старайся, не шелохнется камень, словно в землю вросший. Раз уж вы вдвоем пришли, то будет вам и второе условие. — Девушка указала рукой на Петьку: — Тебе решать, кто камень двигать будет. Как скажешь, так тому и быть.

— Чего тут решать, если он не тяжелый, тогда, конечно, пусть Дашка двигает, — не задумываясь, сказал Петька.

— Ой ли, так ли ты уверен? — спросила вдруг девушка, пристально посмотрев на Петьку, а потом на Дашу.

Даше вдруг стало невыносимо душно. Она ловила ртом воздух, но не могла дышать. Что-то сильнее, чем прежде, давило ей на грудь, и вдруг Даша поняла — это подковка. Некогда блестящая серебряная подковка была черной, словно покрытой густым слоем копоти. Даша с силой дернула за цепочку и, сорвав с себя медальон, отшвырнула его прочь. Подковка затерялась в густой траве. Даша вздохнула полной грудью.

Петька с удивлением смотрел на сестру.

— Дашка, ты чего?

— Ничего. Она мне разонравилась. Мне, говоришь, камень двигать? усмехнулась Даша.

Петька остолбенел. Это была Даша и не Даша. Ее хорошенькое личико в обрамлении темных кудряшек было прежним, родным, но глаза девочки стали чужие, темные, словно бездонные омуты.

— Ты — не Даша, — отпрянул от сестры Петька.

— Можешь выпустить Хрустальный ключ сам, — подсказала Петьке хозяйка Алатыря.

Петька сделал шаг в сторону белого камня и остановился.

— Нет, не могу. Это было Дашкино желание. Камень должна отодвинуть она.

— Но она ведь поделилась с тобой желанием, разве не так? — спросила вдруг девушка.

— А вы откуда знаете? — удивился Петька, но девушка лишь загадочно улыбнулась в ответ.

— Так кто же из вас камень с места сдвинет? Решение за тобой, повторила красавица.

Петька опять обернулся к Даше. Он уже давно стал замечать, что с сестрой творится что-то неладное. Почему почернела подковка? Ведь это означает, что Даша стала другой, и если у нее не получится сдвинуть камень, Хрустальный ключ навсегда останется под землей.

Вдруг Дашина тень приняла очертания огромной летучей мыши. Она поднялась и встала за спиной Дашки. Мышь распахнула крылья-плащ, обратившись в женщину. Петька стоял лицом к лицу с Моррой. Не тень, а злая и могущественная ведьма прикрывалась девочкой, словно щитом.

— Ты проиграл, — злорадно прошипела Морра. — Девчонка моя, но не стоит огорчаться. Ты можешь освободить Хрустальный ключ сам, и вы с сестрой выйдете на землю. Ты будешь героем, но твоя сестра станет колдуньей. Ей будет дарована власть, красота и бессмертие. Не так уж плохо для одной малютки? — ведьма расхохоталась.

По спине у Петьки побежали мурашки.

— Нет! — выкрикнул он.

Петька вдруг представил, что рядом с ним никогда не будет его забавной, открытой и доверчивой Дашки. Той самой Дашки, которая всегда готова всем помочь, которая вечно сочиняет небылицы и сама же в них верит, которая хвостиком бегаёт за ним. До похода за Хрустальным ключом Петька и не задумывался, что Дашка так много значит для него. Он и представить себе не мог, насколько сильно любит свою маленькую сестренку.

— Твоей сестры уже нет, — ледяным тоном произнесла Морра.

— Нет, есть. Дашка, скажи ей, — Петька подскочил к сестре и потряс ее за плечи.

Даша молча и безучастно смотрела на брата, будто была где-то далеко, и все происходящее не имело к ней никакого отношения.

— Убедился? — спросила Морра и насмешливо добавила: — Иди, выпускай свой ключ, герой.

— Как же так! — Петька подскочил к девушке, хозяйке Алатыря и заглянул ей в глаза, словно ища совета и защиты, но та стояла молча, не предлагая ему помощи. — Как же так?! — в отчаянии закричал Петька.

В висках у него стучало. Дыхание прерывисто вырывалось из груди. Он готов был сражаться за Дашку до последнего, чего бы это ему не стоило. Сжав кулаки, Петька выкрикнул:

— Моя Дашка есть!

— Уж не хочешь ли ты, чтобы она отодвинула камень? — с издевкой произнесла Морра.

Петька молча потупил глаза.

— Вот видишь, ты сам не веришь в то, что говоришь, — усмехнулась ведьма.

— Нет, верю, — упрямо произнес Петька.

— Тогда, может, докажешь свою веру? — Морра расхохоталась.

Порыв холодного ветра склонил головки цветов к земле.

— А вот и докажу, — сказал Петька и неожиданно для самого себя добавил: — Моя Дашка есть! Она освободит ключ! Это ее желание.

Над островом повисло молчание.

— Это твое последнее слово? — спросила хозяйка Алатыря.

— Да, — поспешно, скорее выдохнул, чем произнес Петька.

— Что ж, будь по-твоему, — сквозь слезы улыбнулась девушка, и Даша

пошла к белому камню.

Она шла медленно, словно вымеряя каждый шаг, а за ней тенью ступала Морра. Черный плащ ее развевался, словно два огромных крыла.

Чем ближе подходила Даша к камню, тем больше Петьку одолевали сомнения, правильно ли он поступил. Вот до камня девочке осталось два шага, один... Вдруг Петька рванулся с места и с налета оттолкнул Морру.

— Дашка отодвинет камень. Дашка самая добрая, понятно?

Не ожидая нападения, Морра на мгновение отлетела в сторону. В этот момент глаза девочки ожили, и она толкнула бел-горюч камень Алатырь. В следующий миг Морра вновь была возле Даши, но поздно. Камень, словно пушинка, с легкостью отошел в сторону, и из-под него фонтаном брызнула живительная влага.

Застонав, ведьма отпрянула. Она была повержена, но Морра не сдавалась так просто.

«Что ж, если мне суждено уйти в Черную Дыру, то я заберу с собой и мальчишку», — подумала она и вихрем налетела на Петьку, сбив его с ног.

Падая, Петька коснулся рукояти кинжала, подаренного гномами. Он выхватил его и неумело выставил вперед, обороняясь от очередного нападения. Морра взмахнула полкой плаща, и выбила кинжал из рук Петьки. Теперь мальчишка был безоружен и в ее власти. Морра бросилась к нему, но Даша подскочив сзади, ухватила ее за плащ, изо всех сил стараясь оттащить прочь от брата.

— Петь, я ее держу! — крикнула она.

Морра без особого труда стряхнула девчонку. Ведьма схватила кинжал и направила его на Петьку, но тут произошло то, что предсказывали гномы. Сверкающий клинок вывернулся из ведьминых рук и молнией пронзил Морру насквозь. Колдунья вспыхнула, столб огня взметнулся в том месте, где она только что стояла. Пламя погасло, оставив за собой клубы черного дыма. Лишь одно мгновение темное, как сажа облако, висело над островом, а потом его стремительно засосало в Никуда.

ГЛАВА 52. ИЗБРАННЫЙ

Прозрачная струйка пробивалась из-под земли. Вокруг родника образовался небольшой бочажок. Вода в нем была чистая, словно горный хрусталь.

Петька с Дашей стояли онемевшие от счастья.

— Петя, получилось! Мы выпустили Хрустальный ключ, — воскликнула Даша. Глаза ее сияли. Эта была родная прежняя Даша.

— Ну, Дашка, ты меня и напугала, — с облегчением вздохнул Петька.

— Чем? — Даша недоуменно смотрела на брата.

— Еще спрашивает! Ты же чуть ведьмой не стала.

— Я — ведьмой?! Вечно ты, Петь, со своими шуточками, — надулась Даша.

— Ладно, дело прошлое. Теперь надо опять в вольный город топать.

— Возвращаться плохая примета, — покачала головой хозяйка волшебного камня.

Петька вздохнул.

— Ничего не поделаешь. Нам надо к Зорьке попасть.

— Так ежели вы сейчас домой отправитесь, аккурат к зорьке и попадете, — улыбнулась девушка. Она перестала плакать и глаза ее из голубых сделались золотистыми. От волос красавицы исходило теплое сияние, подобное солнечному свету.

— Значит, мы можем домой без Избранного попасть? — с надеждой спросил Петька.

— Нет, без Избранного никак нельзя, — покачала головой золотоволосая красавица.

— Тогда все-таки придется к Зорьке идти, — разочарованно сказал Петька.

— Так я и есть Зорька, — весело засмеялась девушка.

Даша поглядела на Зорькин простенький ситцевый сарафан, босые ноги и сказала:

— А мы думали, Зорька — царевна.

— Так оно и есть. Только я — царевна вольная, не привыкла я в царских одеждах ходить.

— Почему? У ваших сестер, знаете, какие наряды красивые? — восхищенно сказала Даша.

— Так на то они Вечорка, да Полуночка. По вечеру наряжаются, пиры затевают, да глубоко в ночь гуляют, а с утра какие наряды, да пиры? Спозаранку хорошо по траве босиком пробежаться, да ключевой водицей умыться. Вот почему мне ситцевый сарафан больше люб.

— А я, если бы была царевной, наряжалась бы с утра до вечера, вздохнув, честно призналась Даша.

— Дашка, отстань ты со своими нарядами, — перебил сестренку Петька. Его мучил вопрос поважнее. Петька обратился к Зорьке: — Где же нам теперь Избранного искать?

— А чем ты не Избранный? — звонко засмеялась босоногая царевна.

Петька опешил. Час от часу нелегче, опять новые загадки.

— Я серьезно, — сказал он.

— Да и я не шучу. С первого вашего шага в Царстве теней ты был избран, чтобы знак поставить в Таблице Судеб.

Эти слова так ошарашили Петьку, что он долго не мог прийти в себя.

— Значит, все об этом знали с самого начала? — спросил он.

— Конечно, — просто ответила Зорька.

— Так чего же тогда все молчали? Мы шли, мучались, Избранного искали, и никто даже не намекнул! — Петька был оскорблен до глубины души.

— Вот чудак! Ведь если бы ты заранее знал, что ты — Избранный, так только о том и думал бы. Надо, чтоб человек добрые дела делал не для похвальбы, а по совести. Никто из нас не мог вмешиваться, ибо все должно было быть, как должно. Каждым шагом на твоём пути ты зарубку в Таблице Судеб оставлял, а последним решением поставил окончательный знак. Не злая ведьма на землю вырвется, а целительный родник пробьётся. Ты ведь сестренку только верой и любовью спас.

— Да я на Морру даже не думал нападать. У меня как-то само собой получилось, — смущенно пробормотал Петька.

— Дело тут в другом. Не даром Морра тебя подначивала, чтобы ты Алатырь сам отодвинул. Если бы ты не поверил, что сестра твоя может ключ освободить, оставаться б ей в плену у ведьмы, — сказала Зорька.

— Когда это я у ведьмы в плену была?! — удивилась Даша.

— Ты что, ничего не помнишь? — спросил ее Петька.

Даша замахала головой, в глазах ее был вопрос и искреннее недоумение. Петька понял, что не может сказать ей всей страшной правды.

— Она тебя схватила, но я ей показал пару приемчиков, и она отстала, сказал Петька, а про себя подумал: «Вру, не хуже самой Дашки. Вот уж, с кем поведешься, от того и наберешься».

— Память — странная вещь. Сегодня помнишь, а завтра забудешь, как и не было ничего, — улыбнулась Зорька. — Ну что ж, теперь путь наверх для вас открыт, но напоследок хочу вам подарки сделать, которых вы никогда не потеряете.

Зорька положила руки Петьке на плечи и произнесла:

— Оставаться тебе избранным, потому что за твою честность, отвагу и доброту, люди всегда будут тянуться к тебе и избирать тебя в друзья.

Потом царевна точно так же положила руки на плечи Даше:

— Никогда больше ложь и кривда не коснутся твоего чистого сердечка, и всю жизнь ты будешь сочинять удивительные сказки и истории.

Даша была немножко разочарована подарком Зорьки. Подарок гномов ей был больше по душе. Она глянула на подковку и обмерла: подковки не было.

— Петь, я потеряла мою подковку, — в голос заревела она.

— Не плачь, сейчас найдем, — успокоил Петька сестру и принялся шарить по траве в поисках подвески. Даша тоже лазила на карачках, ища свою драгоценность, но подковки они так и не нашли.

— Пора вам поспешить. Солнышко скоро взойдет. С рассветом вам надо дома быть, — поторопила их Зорька.

Даша была безутешна. Слезы ручьями текли по ее щекам.

— Ну и плакса. Прямо царевна Несмеяна, — покачала головой Зорька. — Не печалься так.

Если я твою подковку отыщу, так тебе пошлю, — пообещала она.

— Правда? — глаза девочки просветлели.

Царевна молча кивнула.

— А вы почему плакали? — спохватилась вдруг Даша.

— Так уж повелось. Каждую ночь я тоскую по сестрам моим любезным, коих не видела с тех самых пор, как унесли их драконы. Аккурат с того часа, как Медный Дракон мою старшую сестрицу унес, я плачу по ней, а с того часа, как Серебряный Дракон прилетал, плачу по сестрице средней. А утром супруг мой является, князь Ясное Солнышко, который меня от Золотого Дракона спас. Тут мои слезы враз и высыхают, и пока Солнышко на небе, мне плакать не о чем, улыбнулась Зорька. — Ну, теперь все сказано, все слажено. Счастливо вам домой вернуться.

Зорька взмахнула рукой, и с темного предрассветного неба пролился сноп света, будто луч прожектора. Приглядевшись, дети увидели, что это вовсе не луч, а прозрачный светящийся колодец, уходящий далеко вверх. Ни лесенки, ни ступенек в колодце не было.

— А как же мы выберемся? — спросил Петька.

— Неужто у вас с собой ничего нету, чтобы вверх залезть? — удивилась Зорька.

Дети отрицательно покачали головами.

— И даров волшебных вам в дорогу не давали? — лукаво улыбнулась Зорька.

— Давали, но у нас только осенняя паутинка осталась, — Петька достал из кармана кошелек, подаренный эльфами.

— Паутинка нам как раз и нужна, — уверенно заявила царевна. Она взяла у Петьки из рук кошелек, выкатила из него на ладонь горошину и подбросила ее вверх прямо в светящийся колодец. Тотчас же колодец оплела необыкновенная паутина. Паутинки серебрились и, сплетаясь, образовывали веревочную лестницу.

Ребята подошли к колодцу, и, встав на первую ступеньку лесенки-паутины, обернулись, чтобы попрощаться с Зорькой, но ни царевны, ни острова, ни бел-горюч камня Алатыря не было. Колодец кончался пустотой.

«Надо будет все запомнить, чтобы утром всем рассказать», — подумали одновременно и Петька, и Даша. Ребята начали забираться наверх.

Лесенка плавно пружинила у них под ногами, укачивая и навевая сон. С каждой новой ступенькой воспоминания о приключениях колдовской ночи уходили в прошлое, как уходят сны, затягиваясь паутиной памяти.

Еще и еще ступенька, все вверх и вверх...

— Эй, сони, когда ж вы, наконец, наспитесь! — громкий голос бабушки разбудил ребят.

ГЛАВА 53. НАХОДКА

Дверь чердака была распахнута настеж, и в нее лился поток не по-утреннему яркого солнца.

Петька вскочил и выглянул вниз. Под лестницей стояла бабушка и пыталась докричаться до внучат.

— Петухи охрипли давно, скоро обедать пора, а вы еще в постели вылеживаетесь, — покачала головой бабушка.

— А сколько ж времени? — спросил взъерошенный со сна Петька.

— Да уж десятый час. Вставайте, а то все новости проспите.

— Какие новости? — Петька окончательно проснулся, но бабушка не ответила, она спешила в летнюю кухню накрывать на стол.

— Дашка, вставай. Ну, мы сегодня и заспались, — удивился Петька.

Петька с Дашей наспех оделись и спустились вниз.

— Ба, какие новости-то? — повторил вопрос Петька.

— Ну скажи, бабуль, — попросила Даша, но в ответ бабушка лишь загадочно улыбнулась.

— Вот умоетесь, да позавтракаете, тогда и расскажу. На голодный желудок и новость не в новость.

Ребята поняли, что приставать к бабушке с расспросами бесполезно. Они молча уплетали кашу. Даже Даша изменила своему обычаю беседовать во время еды. Бабушка вела себя так таинственно, что дети ломали головы, что же такое могло произойти. Когда, наконец, с кашей и чаем было покончено, а тарелки убраны со стола, бабушка сказала:

— Видать, Ведьминому болоту конец пришел.

— Как так? — не поняла Даша.

— Нынче народ за грибами спозаранку ходил. Говорят, возле болота ключ забил чистый, да прозрачный, что слеза. А вода в том ключе, говорят, пьешь — не напьешься. Ежели он не иссякнет, так болото скоро очистится и вновь озером станет.

— Ура! Это Хрустальный ключ! — закричала Даша. Она обернулась к Петьке и сказала: — Вот видишь, Петь, а ты говорил, что желание не скоро сбудется.

С улицы донесся нестройный хор ребячьих голосов:

— Петька! Выходи!

Петька выбежал за калитку, где его поджидала ватага ребят.

— Айда на ключ смотреть!

Петька побежал с ребятами в лес. Даша как всегда бежала рядом. Она прыгала от радости и объявляла всем встречным:

— А знаете, почему Хрустальный ключ забил? Это потому, что мы с Петей желание загадали.

Название «Хрустальный ключ» всем пришлось по нраву. Дети добежали до Ведьминого болота и увидели настоящее чудо. Прозрачная струйка пробивалась из-под земли. Вокруг родника образовался бочажок. Вода в нем была чистая, словно горный хрусталь.

Ребята, смеясь и подталкивая друг друга, наперебой пили вкусную холодную ключевую воду. Даша встала на колени, чтобы умыться, но стоило ей опустить ладоши в воду, как в руку ей что-то попало. Даша с удивлением вытащила серебряную цепочку, на которой висела подковка тончайшей работы. Серебро блестело так ярко, хоть зажмуривайся.

— Петь, смотри, чего я нашла, — Даша показала находку брату.

Все ребята сгрудились возле Петьки и Даши. Петька повертел подковку в руках. Он готов был поклясться, что уже видел ее, но никак не мог вспомнить где.

— Наверное, дорогая. Надо найти, кто ее потерял, — сказал он.

Даша не стала спорить, ведь тот, кто обронил подковку, наверняка, расстроился и везде ее ищет. Ребята опросили всю деревню, но хозяина так и не нашли.

С тех пор Даша носит подвеску, почти не снимая, и та всегда блестит, точно ее только что начистили. Поначалу Даша задумывалась, откуда серебряная подковка могла взяться в Хрустальном ключе, но потом решила: «Наверное, это мне звезда подарила за желание». Правда, никто Дашино объяснение не воспринял всерьез, ведь все знали, что она большая мастерица на выдумки.